

Илья Тё Дело Господа Бога

Книга подготовлена для библиотеки Huge Library (Scan - HL; OCR, ReadCheck - TrioXin; Conv - shtuks) <http://huge-library.org/>
«Дело Господа Бога / Тё Илья»: Лениздат; СПб; 2010
ISBN 978-5-9942-0506-8

Аннотация

*Когда погибнет Вселенная... когда окончится само Время...
Неведомый разум создаст копию Мироздания, искусственную от начала и до конца.
Здесь боги-роботы творят пространство и время, здесь все — от атома до галактики — является детищем «божественной» индустрии.
Бессмертные технобоги, наследники беглецов, сумевших спастись из уничтоженной «нашей» вселенной, наслаждаются тут чудовищными вещами: воссоздают души тех, кто умер на настоящей Земле.
Фантасмагория рабства, бессмертия, неисчерпаемости ресурсов покажется безграничной.
Но лишь до тех пор, пока в тело клонированной проститутки не будет записана память мужчины — самого старого мужчины из всех, кто когда-либо существовал.
Дева-воин и дева-шлюха пройдет эту вселенную насквозь, чтобы раскрыть загадку рукотворного Времени и проклятого Творца.
Мы приглашаем вас в Мир-после-Смерти!
Мы приглашаем вас во Вселенную кластеров!
Мы приглашаем вас в «Нулевой Синтез» — мир-корпорацию, без законов физики и морали!*

Илья Те

Дело Господа Бога

Пролог

1204 год от основания города Каталаун

Этот страшный день начался для Катилины на удивление поздно. Январское небо над головой полыхало серыми полчищами облаков, неистовое, ненастное, злое. Возможно, серые полчища варваров из огромного лагеря на другом конце горизонта совсем недавно вышли в поле из своих шерстяных кибиток.

Миллион человек стоял сегодня по обе стороны этого океана из ковыля. Ковыль был сухой, припавший к земле, слегка припорошенный снегом. Мохнатые лошадки врагов жевали такой с радостью и с легкостью выдерживали сумрачную прохладу зимних галльских ночей и покрытых инеем кровавых восходов. Вормс, Майнц, Трир и Мец уже пали под их копытами.

Оба несметных воинства — его и вражеское, — были настолько огромны, что построились к битве только к трем часам дня. Не только количество явившихся по зову Катилины бойцов служило тому помехой — полумиллионная армия старого легата являлась лоскутным пледом, сотканным из сотен народов.

Аморианцы и готы, сарматы и саксы, франки и белги, аланы и бургундцы — все они встали сегодня под его истасканные знамена. Тулузские готы со своим Теодорихом построились справа. Сам Каталина — слева, во главе немногочисленных легионов. Огромный центр, аморфный и рваный, составили все остальные. Злая усмешка судьбы — или звериный оскал, но именно этому дикому сброду предстояло решить судьбу огромного континента и его великой цивилизации...

Внизу взвыла медь. Штабной офицер кричал сквозь рев трубачей, но Катилина не слушал. Было ясно и так — гунны двинулись. И кончики их бронзовых стрел сулили гибель всему, что Катилина знал с детства, всему, чем он дорожил. Время слов миновало. Искусные политика и маневры, интриги в сенате и соблазнение варварских королей — все это рухнуло в прошлое, за долю мгновенья, скользнуло, как тонкая ткань по бедру наложницы.

При столкновении столь чудовищной массы бойцов на столь необъятном пространстве ни один хитроумный план полководца не сможет быть выполнен. Ни засада, ни маневр, ни обман, ни хитрость не приведут к результату. Судьбу вселенной сегодня решат только храбрость и мужество сотен племен, вставших в этот сумрачный день на защиту своих бесчисленных идолов и отчизн.

Катилина плотнее нахлобучил на голову легкий шлем и, не доставая меча (рано еще, до гуннов едва ли не мила), хлынул в битву вместе с тысячами своих катафрактов. Шумно дыша на морозном воздухе, лошади покрывали расстояние до врага неспешной рысью. Тяжелые всадники покачивались в седлах, гремя доспехами и бряцая оружием железом. Галоп тут не нужен и невозможен, а потому обе стороны сближались медленно, не торопясь умирать.

Наконец — сблизились, последние метры прошли на рывке. Сталь стукнула в сталь, миллион мужских глоток исторг в небеса последний крик ненависти и гнева. Два человеческих моря столкнулись, одна за другой накрывая новыми волнами обреченные передовые колонны.

Битва была отчаянной и свирепой. Полуиссякшие ручейки, протекавшие по гигантской долине, внезапно покраснели от потоков крови, смешавшейся с их водами, и раненые, утоляя жажду, умирали мгновенно, затоптанные копытами лошадей.

Час спустя Катилине сообщили, что король Теодорих, объезжая свои войска, был убит во время бешеного наскока остготов.

Пал Велимир, предводитель аланов. И Ардарик Саксонский подарил свое сердце

припорошенному кровавым инеем ковылю.

Бессчетными эшелонами косматые орды гуннов рвались прямо в центр его строя, слишком растянутого по замерзшим каталаунским полям. Атилла, убийца Бледы, повелитель всего Востока, во главе своих рабов и вассалов, заседал на его задыхающихся союзников.

Под натиском варваров держался один левый фланг. Имперские катафракты рычали и бились как львы. Колонны держали строй. И медленно, шаг за шагом, вбивали врага в мерзлый дерн. Еще один стадий, размышлял Катилина, и линия невысоких холмов, разделявшая поле на две почти равные части, останется позади. Хрупкий баланс между победой и поражением чуть сдвинется в его сторону — ведь полчища пеших гепидов, которых старый легат и его хрипящие всадники резали в ковыле уже более часа, оставались единственной силой, что отделяла их от обнаженного бока гуннов.

«Я должен пробиться сквозь них!» — внезапно понял Катилина. Смять гепидов, и рухнуть на спины косматых дикарей-степняков. От этого зависит исход сражения. От этого зависит победа!

Мгновенно и остро осознав эту простейшую истину, могучий легат взревел во всю мощь своих легких. Раздвинув телохранителей, он бросился в первый ряд. А вместе с ним, вдохновленная подвигом полководца, повторяя его клич или провозглашая свой собственный, гаркнули тысячи бравых глоток катафрактариев.

Обнаглевшие варвары, совсем осмелели?! Выходить пешим строем против имперских гипиархий? Руби их! В палаши!

И лава хлынула в бой. Кипящей, неистовой силой тяжелые всадники обрушились на врага, спеша за своим предводителем. «Стоптать их!» — стучало в висках, и окрики офицеров тонули в солдатской ярости.

Рванные ряды дикарей щетинились лесом из копий, но старый легат рассмеялся — этого слишком мало, чтобы остановить тяжелого катафракта в полном доспехе, мчащегося во весь опор на врага!

Со скоростью урагана и массой каменного снаряда он вонзился в ряды гепидов как страшный осадный таран. Огромный «коитус» катафрактария прошел ближайшего варвара, словно пущенное из катапульты бревно — как соломѹ, сломав вместе со щитом и доспехом.

Ужасная ши́бка пробила в неплотной колонне огромную брешь, варвары разлетелись как кегли, и, не сбавляя напора, Катилина выпустил контус и вытащил длинный меч.

Спата сверкнула в его руке, как молния громовержца. Гримаса гнева, забрызганные кровью доспехи огромного всадника внушали животный ужас, и, пользуясь чужим страхом, он сносил врага одного за другим — везде, куда доставал клинок. Гнедой под ним танцевал, рисуя дикую джигу смерти, сшибая копытами беснующихся в боевом запале людей, толкая их грудью, грызя зубами. Отрубленные руки и разбитые черепа, сраженные мечом Катилины, мелькали перед глазами как картинки дурного сна. Спата блистала и пела, переливаясь на солнце в кровавых брызгах и ветре, и разваливала тела пополам. Дождь из дротиков поливал местность вокруг смертным ливнем. Люди падали, кони ржали. Трупы варваров растлались ковром под копытами катафрактов, смешиваясь с телами его товарищей...

За долгие годы службы легат участвовал во множестве битв, но никогда еще он не видел подобной этой! Никогда прежде — ни в славные годы Империи, ни в дни Республики, покрытые ныне замшелым прахом, хранящимся в покрытых плесенью манускриптах, — на одном поле не сходились армии подобной численности. И никогда такое количество различных племен не кромсало друг друга столь яростно с остервенением пьяных безумцев. Воистину, то была Битва Народов!

Повсюду слышались крики. Гортанные хрипы севера и певучие фразы запада, древнее шипение юга и совсем молодые слова, пришедшие с востока всего лишь сто лет назад. Проклятия взрывались в воздухе на сотнях языков, на тысяче наречий. Команды отдавались в основном на латыни и готском, однако стоны и возгласы умирающих не подчинялись такому порядку: ведь отправляясь к своему Божеству, каждый шепчет Ему слова лишь на

родной речи...

И они прорвались! По горным хребтам из трупов, превращенных в сплошное месиво подковами лошадей, Катилина въехал на вершину разделяющих обе армии невысоких холмов. За три часа эти холмы подросли. Ковер из тел был глубокий и мягкий, возвышался ныне выше самого высокого ковыля. Копыта хлюпали в нем как в болотной грязи. А снег исчез, закрытый замерзающей кровью. Над полем клубился пар — дыхание выживших и испарения трупов. Судя по неохватным просторам, что занимало сейчас это гигантское кладбище, вокруг Катилины покоились уже сотни тысяч...

«Но плакать по ним слишком рано», — подумал он.

И осадил коня. И оскалился. И яростно закричал. Центр гуннов теперь был открыт, и кровавое острие его спины указало префектам катафрактариев на спины увязших в атаке варварских полчищ. Атилла, убийца Бледы, дерущийся во главе своих орд, стоял к ним спиной и боком. И это значило...

— Вперед! — закричал Катилина, разрывая луженую глотку почти до крови.

И, подчиняясь этой короткой команде, великолепные всадники рванули с места в галоп. Через мгновение они слетели с холмов, словно ангелы мщения, и вонзились предательской пикой в спину грозного, но уже поверженного врага. Победа смотрела ему в глаза!

Подвиг полководца не нужен более, подумал он, префекты справятся сами.

Легат снял свой шлем, встряхнулся, вытер со лба скользкий пот. Одышка мучила его, колени дрожали. «Возраст дает себя знать», — подумал могучий старик.

И тут же пал лицом вниз! Острие гепидского дротика, вонзившегося в затылок, вышло из кадыка. Горло харкнуло кровью, кровавыми, вязкими сгустками. Легат захрипел.

«Убийца! Умри!» — закричали у него за спиной. В последнем страшном усилии Катилина обернулся, волоча голову по земле, и увидел уцелевшего гепида, подбегающего к нему с чудовищным топором.

Сталь взмыла к плывущим в небесах облакам и камнем рухнула вниз.

Тело легата вздрогнуло.

Пройдя сквозь череп, топор скрипнул о позвонки...

Где-то в Искусственном Мироздании. Клоническая колба. Стандартный тест при копировании матрицы памяти

Тест завершен.

Пропиликал зуммер, и перед глазами легата мелькнуло нечто белое... Свет. Далекий свет приближался, быстро преображаясь в нечто, похожее на врата.

Как просто, подумал Катилина. Он что-то знал о подобном, слышал откуда-то раньше: смерть — это Вход. Как просто...

Зуммер еще раз пропел, и сверкающий круг портала рухнул на него как многотонная туша хищного зверя. Тест — завершен.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ШКОЛА ШЛЮХ

Поза 1

Пробуждение кавалериста. Время неизвестно. Место неизвестно

Круги вверху. Круги повсюду. Мягкие центробежные разводы, как на воде от камня. Только... наоборот.

Катилина открыл глаза. От удара топора в голове зудело.

«Удара топора? — подумал легат. — О, нет! Похоже, это всего лишь сон».

Как всегда, пробуждение после Хеб-седа пришло незаметно. Темный занавес затмил ему веки, затем мелькнула секунда дезориентации, и ... занавес подняли снова.

То, что он видел сверху, оказалось потолком. Ровной матовой поверхностью в форме расходящихся белых кругов, один в другом, со светящимся восьмиугольником в центре.

«Так вот почему в глазах рябило, — заключил легат. — Надо бы оглядеться».

Он попробовал встать, но в отличие от предыдущих воскрешений, пресс почему-то задервенел. Катилина шумно выдохнул и мягко перевернулся на бок.

Ладонь коснулась пола. Пол вибрировал мелко-мелко. А еще — пол был зеркальным.

Первым, что удивило его сознание, был длинный локон упавший ему на глаза.

«Длинные волосы?!» — легат помотал головой.

Вторым стала кисть, которой он убрал локон с глаз. Пальцы были тонкими и нежными, как у ... ребенка? Впрочем, нет. Достаточно длинные, крепкие, но очень гладкие и ровные для спаты катафрактария, они не являлись детскими. Однако его привычные узловатые грабли куда-то подевались. Ногти на пальцах были аккуратно пострижены, длинны и отливали полированным блеском. «Ухожены, господин мой, ухожены, как у женщины!» — вздрогнул он, и бросил взгляд в пол.

Из вибрирующей поверхности теплого пластикового озера на него смотрел... на него смотрела...

ДЕВУШКА?!!

Катилина медленно перевел дыхание. Закрыл глаза, открыл, потом еще раз взглянул. Ничего не изменилось. В зеркальной глади, вопреки домыслам о собственном безумии, отражался великолепный экземпляр человека противоположного пола. С высоким открытым лбом, ниспадающими на плечи волосами оттенка темного шоколада. И огромными, сверкающими очами, цвета неба в пасмурный день. Вот только плечи... Плечи не были хрупкими, совсем нет. Напротив, они казались весьма манящими и округлыми — дама пребывала, так сказать, в теле. И все же перед ним представала скорее крепкая спортивная фигура с хорошими мускулами, чем страдающая излишней полнотой. Вывод подтверждала также объемная, но при этом подтянутая, почти идеальной формы грудь, двумя могучими полушариями глядящая на него из зеркала. Чуть отвлеченно Катилина присвистнул: весьма, весьма... Розовые соски немного касались пола, превращаясь в отражении в два приплюснутых плоскостью кружочка — он (она?) был полностью обнажен.

В другое время лицезрение женских прелестей наверняка порадовало бы могучего кавалериста. Но сейчас Катилина оказался просто обескуражен — ведь перед ним красовался он сам!

С трудом поддерживая недавно изготовленную голову клона недавно произведенными мышцами, он глянул по сторонам.

Комната была непривычной овальной формы и в поперечном разрезе напомнила бы, наверное, что-то вроде вытянутой в длину полусферы.

В комнате имелись зеркальный пол и единственный светильник под потолком, размещенный, действительно, в самом центре сводчатого потолка.

С одного конца вытянутого «овала» на легата глядел вертикальный прямоугольник примерно два метра на два, представлявший собой, по всей видимости, входную дверь, но без петель и без ручек.

«Автоматическая? — подумал Катилина. — Хм...»

В другом конце комнаты взгляд уперся в несколько приспособлений, расположенных на стене одно над другим. Нижнее приспособление представляло собой нечто вроде небольшой, утопленной в стену раковины, но без крана для воды. Выше раковины последовательно висели серые «прямоугольнички» с закругленными торцами, явно прикрывающие нечто. Под каждым прямоугольником, кроме того, на стене висело нечто вроде мыльницы.

Что?!

Катилина внезапно осекся и резко встряхнул головой. Он мог бы поклясться, что слова «автоматическая дверь», «мыльница», а уж тем более «Хеб-сед» или «клон» ему совершенно не знакомы. Однако неведомым образом он точно представлял, что они означают.

Впрочем, в данный момент гораздо более, чем обогащенная лингвистика, его занимало другое. В комнатке кроме него находились еще два человека, а если быть точным, еще две женщины. Также, с точки зрения бывшего бронированного катафракта — более чем привлекательные. У них были хорошие фигуры, длинные волосы и лица, достойные богинь. Впрочем, лицо он видел только у одной из сокамерниц, у более «дальней» от него, а у второй — только точеную фигурку. Эта вторая валялась неподвижно у стены совсем рядом с Катилиной, уткнув лицо в сложенные на пол руки и раскидав рыжие со странным алым оттенком волосы по полу.

Как и Катилина, лежавшая рядом женщина оказалась полностью обнажена, и по старой привычке экс-легат скользнул по соблазнительному телу маслянистым взглядом.

Однако он тут же одернул себя — не время и не место для соблазнов! Несмотря на необычность ситуации, он уже вполне отдавал себе отчет в происходящем, и то, что случилось, было воистину страшно! Он умер — в этом не оставалось сомнений, однако необычное пробуждение слишком сильно отличалось от привычных ему представлений о смерти. Во всяком случае, на библейский рай, обещанный арианской церковью, это место точно не походило. Его ждала неизвестность, и встретить эту недобрую госпожу в слабом женском теле казалось худшим из того, чего мог ожидать прославленный полководец.

Катилина встряхнулся. Вожделение, страх, любопытство, решил он, вспоминая прочитанных когда-то стойков своей родины, все это отныне не для него. «Собратся, господин мой, собратся, — прикрикнул он на себя. — И меньше эмоций!»

Вторая женщина со всех точек зрения, но, прежде всего, как источник сведений, казалась ему интересней, чем первая. Красавица с роскошными волосами, словно отлитыми из чистого золота, но с темными, немного испуганными глазами, она сидела в дальнем от Катилины конце комнаты и смотрела на воскрешенного от смерти легата дрожащим и пристальным взглядом. Суть дела, однако, состояла в том, что девушка была одета!

В принципе, в нормальной ситуации экс-легат вряд ли решился бы назвать облачение незнакомки одеждой в полном смысле слова. Узкая белая юбка и необычайно короткий хитон даже на первый взгляд казались сделанными из тонкой, почти прозрачной бумаги, либо из чего-то очень на нее похожего. Но тем не менее тело они прикрывали.

Катилина крикнул и, оттолкнувшись от зеркального пола пока еще слабыми руками, встал на четвереньки. Затем сел и вытянул ноги. «Ого!» — подумал легат. Он совсем не ошибся в оценке новой оболочки. Ибо ноги были — что надо.

Длинные, гладкие, с изящными ступнями и аккуратными пальчиками, с чудесной шелковой кожей, покрытой ровным золотистым загаром. Немного полноватые, Впрочем, и мускулистые для женщины, но без излишеств. Самое «то» по привычным ему солдатским меркам: не тонкие «палки» гаремных неженков, а отточенно-спортивные, с гладкой, подтянутой мускулатурой. И при этом, как он повторно отметил, очень длинные.

«Интересно, какого я роста? — подумал легат и кашлянул, в первый раз прочищая свое новое горло. — И как тут с языками — поймет ли она меня?»

— Приветствую! — произнес он на диалекте, который первым пришел в голову.

На удивление, губы и язык произнесли фразу автоматически, совершенно не затрудняя усилиями только что созданный мозг. Слова прозвучали привычно, не вызывая каких-либо незнакомых ассоциаций. Звуки выплыли изо рта и растворились в воздухе — глубокий, красивый голос был весьма не плох.

Златовласка промолчала.

Тогда Катилина ткнул себя в грудь, решив перейти на жесты.

— Я Катилина, — тщательно выговорил он и ткнул пальцем в девушку. — А ты?

Блондинка, до этого смотревшая на него в упор, услышав вопрос, отвела испуганный взгляд в сторону и приложила аккуратную ладошку к груди, чуть ниже шеи.

«Что-то беспокоит ее», — подумал Катилина.

— Я Мерелин, — неожиданно сказала девица на том же языке, что и он. Голос был тихим, нежным как журчащий в лесу ручеек. — Но не нужно кричать. Я прекрасно понимаю

«корпоративный».

Катилина нахмурился — корпоративный?!

— А что ж ты тогда молчала? — Он поднялся и, немного пошатываясь на славных, но «нехоженых» пока ногах, подошел к собеседнице и сел рядом.

Девушка скользнула по нему своим привычным дрожащим взглядом.

— А что говорить? Тоже «привет»? — Она пожала плечами. В отличие от новых плеч Катилины, все же слишком широких для женщины, плечики златовласки были хрупкими, как у подростка.

— Ну, привет, не привет, а поздороваться с незнакомым человеком вполне возможно, — заметил он.

— Здравствуй, — улыбнулась девушка, и испуг в ее глазах на мгновение сменился насмешкой. — Довольна? Кстати, ты мне не «незнакомая». Я здесь двое суток, а тебя принесли примерно час назад. Так что в некотором смысле, мы знакомы с тобой уже целый час.

Катилина немного смутился.

— Лично я не назвал бы это знакомством, — ответил он, но тут же осекся. Вот дьявол, не «назвал», а «назвала»! Пока обстановка вокруг не известна, не стоило выдавать первым встречным мужское содержимое своей головы.

Но девушка, очевидно, слушала не слишком внимательно.

— Катилина... — пробормотала она. — Странное имя...

— Имя как имя, — буркнул легат. — А, кстати, где мы находимся? И что с нашей третьей... подругой? Вон той, что спит? — он кивнул на лежавшую на другом краю комнаты рыжеволоску.

В глазах блондинки снова мелькнул испуг, взор опустился в пол.

Она покачала головой.

— Вот везет мне на вас, — сказала девушка наконец, — на прогов. Бывает целый год работаешь — и ни одного ни встретишь. А тут сразу двое, да в одной камере. Ты мне не поверишь, но за несколько минут до того как тебя принесли, я закончила рассказывать все это юн той рыжей. Она задавала очень похожие вопросы. И, знаешь, еще одну истерику я не переживу.

На прогов?

Каким-то неведомым образом Катилина знал еще и это слово. Повторив его несколько раз, совершенно внезапно и с удивлением для себя, он начал осознавать страшную сущность происходящего. Понимание чудовищной действительности медленно проползло по его костям тягучей ледяной судорогой. В прошлом его памяти люди-проги также существовали, причем очень много. «Проги» или «программеры» — существа из компьютерных, виртуальных миров. Псевдолюди, призванные в клонированные тела, чтобы стать...

Если проги были мужчинами, то они могли стать, кем угодно: например, гладиаторами личных дружин, ремесленниками или поварами. Рабами для сельскохозяйственных работ. Мастерскими для мастерских. По вот женщины-проги призывались только для одного... Большая грудь, говоришь? Длинные ноги?!

— Мы наложницы? — осторожно спросил воскрешенный легат, и его горло на последнем слове как-то спазматически дернулось.

— Да, — собеседница коротко кивнула, отведя глаза в сторону.

— А почему ты в одежде, а мы с рыжей — нет?

Блондинка поморщилась.

— Все тот же вопрос, — сказала она. — Я «старая», в том смысле, что возрождаюсь в этом теле уже двадцать восьмой раз. Две недели назад меня в очередной раз клонировали и выслали сюда, в Школу, в начальную группу к новорожденным. Просто я попала первой в камеру. Поэтому в одежде.

— Я не понял, — Катилина снова сбился. — В смысле, я «не поняла». То есть первым, кто появился в камере, одежду дают, а всем последующим — нет?

Собеседница вздохнула.

— В смысле, всех сюда приносят голыми после мойки и освобождения из клонического пакета, в котором нас изготавливают на фабрике. А потом, если не хочется щеголять перед камерами голым задом, ты идешь к синтезатору и получаешь оттуда одноразовую одежду и обувь. Тут жарковато, поэтому я одежду взяла, а обувь нет. А рыжая после моего рассказа забилась в истерику и отключилась. Не до одежды ей было во время припадка. А синтезатор — там!

С этими словами златовласка указала Каталине на приспособления на стене, замеченные им во время осмотра.

Легат сдержанно поблагодарил собеседницу и пошатываящейся походкой прошел до «синтезатора». Им оказались те самые три крышки над «мыльницами». Надписей не было. На первой «крышке» оказалась схематично изображена рубашка. На второй — платочек с загнутым краем, на третьей — просто маленький квадратик со штриховкой. Все это было не понятно.

Он последовательно нажал на каждую из «крышек». После короткого гудения все три крышки в той же последовательности приоткрылись и в три «мыльницы» соскользнуло три предмета: свернутая в плотный рулончик бумажная одежда, сложенная конвертиком влажная салфетка-полотенце и большое квадратное печенье песочного цвета.

— Это что? — спросил Катилина.

Наше обеспечение, — усмехнулась Мерелин. — Рулончик — твоя одежда. Такие же шорты и блузка как у меня, а также носки с прорезиненной подошвой — у нас такая обувь. Салфетка-полотенце, сама понимаешь, это средство гигиены, единственное из доступных, кроме раковины с водой. Она пропитана дезинфицирующим лосьоном. А пищевые пластинки...

— Пластинки? Ты имеешь в виду печенье?

— Да, — усмехнулась брюнетка, — квадратное печенье. Это наша еда. Я ем их уже две недели и чувствую, что еще очень долго-долго предстоит. Там белки, углеводы, витамины. Все, что нужно для организма и чтобы не полнеть. Так что все просто.

Катилина кивнул.

Действительно, все просто. Он развернул бумажный рулон. Сверточек превратился в одежду пару. Немного комплексуя под взглядом блондинки и тихо ругаясь, экс-легат впихнул свои чудесные новые ноги в узкую бумажную юбку, а упругую женскую грудь — в короткую блузку, нижний край которой доставал едва ли ему ли до пупка. Рукава у кофты-рубашки, впрочем, были достаточно длинные и закрывали не только плечи, но и немного шею и руки, не доставая до запястий всего сантиметров десять. На фоне до неприличия коротких шорт, почти полностью обнажающих бесконечные ноги клонированной топ-модели (или спортсменки?), одежда выглядела откровенно вызывающе.

Набор, судя по всему, не имел размера и свободно тянулся, так что все пришлось впору. Однако в местах наибольшего натяжения — понятно, в каких — бумага, из которой были сделаны изделия, растянулась слишком сильно и стала почти прозрачной.

Катилина еще раз смачно выругался и со злостью сплюнул на пол — чисто по-мужски. Блондинка одарила его очередным испуганным взглядом. Насколько понял бывший легат, сокамерница уже его несколько не боялась, просто взгляд у девочки был испуганным постоянно — она всегда так смотрела.

«Ну, еще бы! — зло усмехнулся кавалерист. — Двадцать восемь жизней в шкуре наложницы, так, кажется, она сказала? Определенно, я в борделе столько не протяну».

С этими мыслями предводитель панцерной кавалерии поднес руку к раковине, что разместились в стене чуть ниже трех синтезаторов и «мыльниц». Как только рука приблизилась, из маленького отверстия в стене, прикрытого никелированным кольцом, ударил маленький фонтанчик воды. «Рукомойник, понятно», — догадался Катилина. Он убрал руку, и струя тут же исчезла.

Однако чего-то не хватало.

— Слушай, Мерелин, — снова спросил он, — а как тут у вас с... э-э, ну понимаешь? С другими естественными потребностями?

— Ты точно прог, — ответила фигуристая «старушка». — Пол же вибрирует! Ты можешь справить все, что тебе необходимо прямо на пол, и через минуту все исчезнет, а синтезатор воздуха выдует запах, тоже очень быстро. Справить нужду можно в любом месте на полу, но обычно стараются делать это в одной части помещения. Чисто из психологических соображений, чтобы не спать на том же месте.

С ума сойти. Катилина посмотрел на точку, куда только что сплюнул. Действительно, слюна исчезла. Это было забавно. Пол, удаляющий экскременты, да еще зеркальный. Бред!

Катилина посмотрел на полотенце и выбросил его. Потом на пищевую пластинку — и откусил. И понял, что страшно, невероятно сильно хочет есть. Пластинка была сухая, почти совершенно безвкусная, однако встроенные в его организм самой природой незримые детекторы говорили, что это — пища. Других доказательств старому солдату не требовалось.

Несколькими нажатиями он получил из синтезатора еще с десятков пластинок и начал усиленно жевать.

— А почему ты не спросишь, что такое «прог»? — вдруг поинтересовалась златовласка.

— Я знаю, что это.

— Серьезно? — блондиночка встrepенулась — В первый раз вижу только что очнувшегося «программера», который знает что он «программер». И откуда познания?

— А ты что, подруга, подсаженная ко мне?

— Да нет, — обиделась Мерелин, — просто странно. Обычно проги бесятся, когда им рассказывают правду.

— А я спокойная от природы (легат решил именовать себя все же в женском роде, пока ситуация не станет более понятной). К тому же сытая и в одежде. Так что долой волнение!

— Сильно, — испуганные глаза улынулись. — Ты пластинки запивай, в фонтане вода питьевая, кстати, очищенная и витаминизированная. Правда после двух недель надоедает.

— Угу, — Катилина проглотил очередной пережеванный кусок. — Слушай, а мы надолго тут? Чего ждем?

Блондинка снова скуксилась.

— Наша камера — это «отстойник» для сбора нового прайда, — ответила она печально. — Школа наложниц делится на курсы. Курсы — на классы. Классы — на прайды. Каждый прайд включает пять девушек. Нас уже трое, скоро принесут еще двоих. Потом — трое суток на адаптацию, на привыкание к ситуации. На смирение. А когда прайдов наберется шесть единиц, то есть тридцать девушек, они составят один новый класс. И мы начнем обучение: Шесть месяцев, ровно полгода. По его окончанию нас ждет частный гарем, гарем индустриального центра или публичные дома кластеров. Таков наш контракт. Вот и все.

Катилина немного помолчал, переваривая сказанное.

— А почему в прайде только пять девушек? — спросил он невпопад.

Блондинка одарила его взглядом, как вспышкой света от взорвавшейся во тьме световой бомбы. И в это мгновение в глазах ее не было испуга — только ненависть!

— А это научный расчет, — скривилась она, и лицо исказилось гримасой гнева. — Считается, что пять девушек — это именно то количество, которое способно одновременно обслуживать одного здорового мужчину. Но ты не беспокойся. Тебе скоро объяснят, как!

Она отвернулась, и Катилина, поняв, что разговор на эту минуту окончен, задумчиво опустил на пол.

Поза 2

Электрошок как повод для знакомства

Адаптационная камера женского прайда. Время — сорок минут спустя

Катилина медленно открыл глаза. Сморенные сном веки раскрывались с трудом, а мозг, опухший от открытых Мерелин перспектив, думал тяжело. Вертикальный прямоугольник в противоположном конце овального помещения действительно оказался дверью. В открытом проеме сейчас орудовали двое. На носилках они внесли в камеру очередную жертву. Очевидно — еще одного клона, из тех, о которых говорила блондинка. Еще одну девушку в их новом гаремном прайде.

«Дьявол, какое слово, — Катилину перекосило при воспоминании. — Отдает животным миром, ей-богу!» Сон сняло как рукой. Легат потер глаза, выпрямился и сел.

Носильщики работали в белых хламидах. По ноше, которую они принесли с собой, было видно, что люди только что прибыли из «секции по клонированию», как Мерелин называла помещение, где изготавливались клоны. Носилки поставили на пол, аккуратно переложили безвольное женское тело на вибрирующую поверхность пола-зеркала, без слов удалились. Катилина вытянул шею, пытаясь разглядеть что-нибудь за массивными тушами носильщиков, однако сквозь открытый проем увидел только гладкую стену, — такую же, как и в их камере.

Дверь плотно закрылась.

Золотоволосая Мерелин, дремавшая до сих пор, проснулась и спросонья захлопала длинными ресницами.

— Это четвертая? — спросил ее Катилина.

— Нет, десятая, — вяло съязвила подруга по несчастью. — Конечно, четвертая. Осталась еще одна девушка — и все. Потом адаптация, и мы сможем выйти наружу.

Катилина откинулся на стенку. Удивительно, но стенка также вибрировала. «Тоже самоочищающаяся? — мелькнул вопрос. — Впрочем, какая разница?»

— Знаешь, что мне интересно? — спросил он вслух. — А почему те, кто нас тут размещает, решили, что трехдневное пребывание пяти девушек в замкнутом пространстве приведет к их адаптации и смирению? Мы ведь тут перессоримся и поубиваем друг друга, разве нет? От нервного напряжения может быть два результата: полная подавленность, как у рыжей, и неконтролируемая ярость, как... ну вот как у меня иногда!

Мерелин даже не поглядела на него.

— А ты попробуй, — усмехнулась она, — продемонстрируй здесь ярость. Вот удивишься! Потом, когда выйдем из камеры, тебе объяснят: нам нельзя даже повышать голос, а не то что демонстрировать агрессию... Попробуй — быстро поймешь.

А ты не можешь объяснить на словах? Что случится, если я стану сопротивляться?

Блондинка стрельнула глазом в некую точку под потолком.

— Видишь, там? Это видеочамера. За нами следят постоянно. Если станешь шкодить, накажут.

— Бить будут?

— Ха, шутница. Бить наложниц? Это что-то новенькое. Синяки, кровоподтеки, выбитые зубы, порванная кожа — это ведь не для нас, понимаешь? У них есть махейры и скоропеи. Гораздо страшнее простого мордобоя, поверь мне, — она глубоко вздохнула. — Гораздо страшней.

Двух новых слов, названных Мерелин, Катилина почему-то не знал. Только что внесенная в комнату девушка, оказалась брюнеткой и по-прежнему лежала неподвижно. Однако, разбуженная явлением «масок», проснулась предшественница Катилины — «рыжая».

«Забавный набор, — внезапно подумал воскрешенный легат, — шатенка (то есть я), платиновая блондинка, рыжая и только что внесенная в камеру брюнетка. Должна быть еще пятая? Интересно... Наверняка будет русоволосой, чтобы присутствовала вся радуга».

Рыжая тем временем привстала на локте и одарила соседок полумертвым взглядом. Глаза у девушки оказались под стать волосам — ярко оранжевые, почти красные, но с

белоснежной радужкой.

— Привет! — уже привычно начал Катилина, решив брать инициативу в свои руки. — Что глядим невесело? Я тоже прог, в смысле — программер. Как спалось?

Девушка из виртуального мира вздохнула как воскресший труп.

— Нормально, — ответила она убитым безвольным голосом.

— Как зовут?

— Что?

— Имя у тебя есть?

Рыжая пожала плечами.

— Роксана, — выдохнула она.

— Катилина, — бодро представился Катилина и ткнул рукой в златовласку. — А это Мерелин.

Девушка вздохнула еще раз.

— Я знаю, мы разговаривали уже ... И ты тоже... прог? Искусственный человек с ложной памятью?

— Знал бы, рыдал от счастья, — пошутил легат, — но надеюсь, что нет. Хотя вот Мерелин клянется в обратном.

Мерелин фыркнула, а Роксана, поджав губы, обреченно покачала головой. Возможно, у нее имелись вопросы, но она воздержалась от того, чтобы их озвучить. И не воздержалась — от слез. Осознание искусственности собственного происхождения плохо влияло на ее способность адекватно себя вести. Тихо, уткнувшись лицом в ладони, девушка зарыдала, содрогаясь всем телом, таким же роскошным, как и у остальных участниц закрытого в овальной камере женского «квартета».

Рыжая обладала чудесной фигуркой, плоским гладким животиком, изящными пальцами на сводящих с ума плавных изгибах рук. Она была настолько мила, особенно в слезах, что Катилина в очередной раз с усилием подавил в себе эмоции, пробужденные реакцией мужского мозга. Реакции, обычной для него когда-то и непонятной сейчас, когда тестостерон отсутствовал в теле...

Роксана рыдала, закрывшись от подруг руками, сводя хрупкие плечи. Только тихие всхлипы иногда просачивались сквозь сдавленные отчаянием ладони. Гневно посмотрев на экс-полководца, Мерелин подошла к сокамернице и приобняла ее, пытаясь успокоить. Катилина хотел сделать то же самое, но остановил себя, боясь, что не справится с мужским вожделением, если вдруг придется прикоснуться к этому дрожащему, хрупкому женскому телу, непокрытому ничем, кроме объятий закутанной в «бумагу» блондинки.

Он встал, подошел к «синтезаторам», нажал на верхний регистр — и тесно скрученный рулончик одежды соскользнул в мыльницу. Легат взял его двумя пальцами, подкинул в воздух, поймал и следующим движением перебросил в сторону вздрагивающей в рыданиях паре.

— Оденься, Роксана, — пробурчал он. — Необязательно страдать голой.

Адаптационная камера женского прайда. Еще час спустя. Пятая

Катилина ошибся. Пятую девушку звали Лилит, и она оказалась не русоволосой, а темно-синей. Локоны, струящиеся по ее плечам, отдавали оттенком глубокого тона топаза и лазурита. Глаза были синими, как горные озера, отражающие сияние ледников. Когда через некоторое время Лилит очнулась, прайд оказался собран, и пятеро искусственных кошек сели вдоль стен овальной камеры, пристально изучая друг друга.

Воскрешенный кавалерист осматривал соседок по кругу. В комнате сидели платиновая Мерелин, огненно-рыжая Роксана, синеволосая Лилит, черноволосая Эффи (так звали четвертую). И он — Катилина-девица, с копной цвета темного шоколада.

— Это кошмар, — внезапно сказала Роксана, недавно отошедшая от рыданий. — Признаться, я никогда не верила в загробное существование. И уж конечно не ожидала, что

оно будет таким.

Хрупкая рыжая красotka не обращалась к кому-то конкретно. Это был не вопрос, а скорее, отголосок рыданий, слезы которых едва обсохли на щеках девушки. Однако, к удивлению Катилины, Роксана получила ответ.

— А чего ты хотела? — столь же внезапно, но неожиданно хрипло прикрикнула черноволосая Эффи. — Ангелов с арфами и господа, мать его, бога, протягивающего тебе манну на фиговом листе?

«Странное имя Эффи, — отвлеченно подумал легат. — Какое-то ненастоящее, словно игрушечное. Так могли бы назвать собачку, если бы та имела соответствующий окрас...»

— Не знаю, чего я ожидала, — возмутилась рыжая, — но, по крайней мере, не собиралась становиться после смерти рабыней в гареме.

— Видишь ли, — медовым голосом вмешалась синеволосая Лилит, — большинство агнаток, в частности Мерелин, Эффи и я, подписали свой контракт на бессмертие добровольно. И только вы с Катилиной попали сюда без своего согласия. Но поверьте, если бы вы были вольны в своем решении, то вряд ли бы отказались. Насколько я понимаю, Роксана, в своем, виртуальном «программном мире» ты умерла? Здесь тебя воскресили. За это ты отслужишь наложницей предписанный срок и станешь свободной. Но главное — сколько бы лет ни прошло, — здоровой и молодой. Так что все происходящее не так плохо. В гаремах нормально кормят, там хорошее обслуживание, роскошные апартаменты, мебель. Есть мнемо-фильмы и развлечения. Уверена, ты привыкнешь.

— Да черта с два! — с силой возразила Роксана. — В том, в своем мире, который вы почему-то называете виртуальным, я была профессиональной спортсменкой, играла в теннис, если это слово вам что-нибудь говорит. И я не понимаю, почему здесь я должна стать шлюхой, удовлетворяющей мужиков, да еще в компании с четырьмя другими женщинами!

— Ты умерла. Воскрешена после смерти и получила новое тело, — по-прежнему ласково возразила Лилит. — Неужели мало?

— Но тело нужно отработать, верно? — Роксана горько покачала головой. — Лежа на спине или стоя на коленях? Я полноценная личность и, знаешь, в том, прошлом, моем настоящем мире я вполне могла оплачивать свои счета. И никому не позволено решать за меня. Никому!

— Ну что ж, — Эффи хищно блеснула зубами. — Этого права никто у тебя не отнимает. Расскажи о своем желании старшему евнуху, заполни форму, подпиши согласие на утилизацию, и тебя уничтожат. Точнее — сотрут твою память. Тихо и безболезненно. А в голову этому клону, — Эффи ткнула Роксане в лоб, — посадят другого «прога» из виртуальности, более сговорчивого. К этому ты готова?

Роксана испуганно замолчала, в ужасе проглотив неожиданно застрявший в горле комок. Слова Эффи действительно звучали пугающе. И не для нее одной — Катилина мрачно потер свой точеный женский подбородок. С каждым часом положение легата в новом мире выглядело все менее воодушевляющим.

— Послушайте, — устало и почти умоляюще простонала Мерелин, обращаясь сразу ко всем, — Роксана только что очнулась... Чего вы взъелись? Эффи, Лилит, не нужно так шокировать новых агнаток.

Эффи злобно вскинулась, но Лилит ответила раньше.

Как «так»? — нежно улыбаясь, воскликнула она. — Так жестоко? Я просто хочу, чтобы подружки не питали иллюзий относительно нашего будущего и своего выбора.

Она снова повернулась к Роксане:

— Ты возможно, не знаешь, но твое новое тело, вот это тело, тело рабыни-агната, оно бессмертно. Служа наложницей, ты не можешь умереть. На постельных девушек действует особая страховка. Что бы с тобой не случилось — тебя воскресят. Вырастят новое тело и вложат в него старую память. Наше изготовление и содержание, таким образом, стоят очень дорого. Среднестатистический раб, например, оценивается на рынке в миллион ка. Хотя, конечно, такая высокая цена поддерживается искусственно, и воскрешения для наших

изготовителей почти бесплатны. Но официальная стоимость именно такова. У тебя найдется подобная сумма? Если да, то вперед, на свободу!

Не получив ответа, Лилит обвела рукой комнату.

— Все, кого ты видишь перед собой, кроме тебя и Катилины, все мы умерли и воскрешены. Мы — агнаты, клоны, выращенные искусственно и имеющие память умерших где-то людей. Ты умираешь — тебя воскрешают. Затем, если нет соответствующей суммы на счете, тебе предлагают отработать цену своего бессмертия. Или умереть. И ты подписываешь контракт. По-настоящему, как мы с Мерелин и Эффи или как вы с Катилиной — самым фактом своего производства на фабрике.

Но дальше — больше. По завершению срока, когда ты получишь свободу, ты получишь вместе с ней и приличное выходное пособие, на которое вполне безбедно можно прожить несколько сотен лет. Купить себе дом в одном из приличных кластеров, но... все мы смертны. А деньги кончаются. Ты понимаешь меня? Как бы хороша ты ни была, как бы ни была красива и умна, как бы ни была образована и опытна, людей слишком много. Ситуация такова, что из миллиона человек работу находит один. Кому ты нужна, если есть слуги-машины и заводы-роботы?

Никому. Поэтому сколько бы ни было велико выходное пособие, пройдут годы, и ты вновь оказываешься перед выбором: подписать очередной «рабский» контракт или же вести нищенское существование в кварталах для диких когнатов, медленно старея и понимая, что рано или поздно, спустя всего несколько десятилетий, такой контракт тебе все же придется подписать. Чтобы не умереть от старости!

Легат взглянул на Роксану. Казалось, от рассказа синеволоски девушка впала в ступор. Губы ее задрожали, глаза сами собой покрылись блестящею пеленой.

— Значит, даже если я получу свободу... выбора нет?

— Ты понятлива, — кивнула Лилит.

Беседа смолкла.

— Ладно, — произнесла Мерелин, глубоко вздохнув, — весь прайд в сборе, так что нам осталось только выждать период адаптации. Мы скоро выйдем отсюда, Роксана. Давайте спать.

Адаптационная камера женского прайда. Сутки спустя. Выход

Зуммер на двери снова заиграл, и, плавно поднявшись наверх, белая пластиковая дверь обнажила входной проем. Через проем, чуть не ударяясь о верхний край дверного косяка (а он возвышался над полом метра на два), в комнату вошел человек со странным предметом в руке, внешне напоминавшим Катилине плоский белый кирпич с большим отверстием в середине. Вошедший, как уже отмечалось, был очень высок, а также узкоглаз и подозрительно смуглокож.

«Азиат» — всплыла в голове Катилины незнакомая ассоциация. Чертами лица визитер походил на гунна из степей Паннонии, с которыми Катилина так славно резался в день смерти. Вот только незнакомец блистал гладко выбритым подбородком, а гунны носили длинные косы и косматые бороды. Зато разрез глаз нельзя было спутать ни с чем — гунн ведь и есть гунн, даже выбритый и снабженный неведомыми приборами...

— Добрый день, — вежливо заявил «узкие глаза». — Мое имя Глазго Деморти. Сегодня я ваш дежурный евнух. Буду заниматься, барышни, вашим личным осмотром и контролем обучения. Так сказать, как партии из изделий, подлежащих последующей реализации.

Хохотнув, евнух шагнул вперед. За его спиной маячило еще двое мужчин, которые быстро проскочили в комнату, сжимая в руках устрашающего вида металлические палки, с «усиками» на конце, меж которых то и дело проскакивали шипящие разряды. Возможно, решил Катилина, перед ним пресловутый «махейр»...

По очереди, очень быстро, Глазго посмотрел на каждую из наложниц, затем поднял

«кирпич» и с чем-то сверился. Мерелин невольно поежилась. Лилит и Эффи, несмотря на скандальный характер, сидели тихонько, почти не шевелясь, как будто вжавшись телами в пол. Роксана, по своему обыкновению неподвижно лежала на полу, спрятав лицо в ладони. И только Катилина-девица сидела с высоко поднятой головой, откровенно и даже несколько нагло рассматривая незваных гостей.

«Узкий глаз» прищурился. Очи его превратились в щелочки.

— Та-а-ак, — с не скрываемой радостью протянул он, — похоже, у нас тут сидят девчонки покрепче. Ну что ж, господа, начнем вот с этой.

И он ткнул пальцем легату в лоб.

— Назови свое имя в прошлой жизни, — «гунн» подошел к Катилине и чем-то щелкнул, подняв свой прибор. — Если было два имени и фамилия, можно назвать и то и другое.

— Имя? — от неожиданности Катилина даже немного растерялся. От псевдогунна он ожидал скорее пинка сапогом в живот, нежели обычных слов. Однако вопрос об имени внезапно прорвал в его мозгу некую заслонку. Неожиданно для себя легат вспомнил составляющие его звуки с удивительной четкостью и подробно.

— Мое имя Катилина, — начал он. Э-э... Однако «Катилина» скорее прозвище, чем настоящий титул. Как и у всякого патриция, мое полное имя состоит из трех компонентов. Первая часть называется реномен. Это личное имя и звучит оно как «Флавиус». Вторая часть называется помен. Это фамильное имя, оно звучит как «Аэциус». Номен присваивается всем мальчикам... о, простите, девочкам, по линии отца. То есть, я хотела сказать, матери... — запутавшись, Катилина помотал в воздухе тонким пальцем. — В общем, оно означает имя предка, основателя рода Аэциев... И, наконец, мое третье имя — cognomen, то и есть «Катилина». Э-э... когномен представляет собой обычное прозвище. Своего рода личное имя, которое присваивается каждой ... женщине, после достижения совершеннолетия. Таким образом, мое полное имя звучит как Флавий Аэций Катилина ... Вернее — Флавия Аэция Катилина — Ну, вы понимаете...

Евнух выслушал долгую тираду легата с открытым ртом, лязгнул челюстью (закрывая), потом переглянулся с товарищами.

— Отвратительно, — заметил один.

— Нет слов, — подтвердил другой.

— Да уж, — кивнул Глазго и повернул лицо к девушке. — С таким длинным именем, дорогая, вам в научники, а не в шлюхи.

После этого старший евнух немного пошамкал губами и наконец выдал:

— Теперь будешь Кэти. «Катилина — Катерина — Катрина». Замечательно, не правда ли? Отныне это твое новое имя и я присваиваю его тебе как представитель Корпорации. Запомни и отзывайся.

Он потыкал пальцем в «кирпич», что-то записав. Затем осмотрел глаза Катрины через окуляр устройства, вероятно, фиксируя рисунок глазного яблока. Проверил пульс, надев палец в одно из имевшихся там отверстий, затем взмахнул рукой и отступил в сторону.

Повинуясь короткому знаку второй из сопровождавших мужчин быстро прошел внутрь комнаты. В первую секунду Катилина даже не понял, что сейчас произойдет. Махейр как кобра метнулся к его груди и вонзился «усиками» в роскошное женское тело!

Металл вдруг вспыхнул жгучим разрядом. Катилина дернулся, не в силах сдержать крик и, мелко подрагивая, поблескивая молниями, повалился на пол. Тело оказалось обездвиженным на несколько долгих секунд. Первый сопровождающий тут же приблизился, наклонился и достал непонятную пластиковую коробочку, полную маленьких круглых вещей, похожих на таблетки телесного цвета.

Он вытащил одну, приложив к виску девушки. Как и в случае со словами «прог», «клон» или «таблетка», неизвестно откуда Катилина знал это чудо-изобретение, обеспечивающее бессмертие смертным. Сквозь боль в голове патриция и легата сама собой возникла подсказка: таблетку называли шунтом. Шунты или «нейрошунты», насколько

вспомнил Катилина, обычно изготавливались серого металлического цвета и более тонкие. Как показалось Катилине сквозь пелену отрывочных и ущербных воспоминаний, когда-то он прекрасно разбирался в их свойствах...

Выходит, что плохо!

Насколько ему известно, нейрошунт должен был прикладываться к виску и прилипать к коже. Под местным наркозом, почти неощутимо для реципиента, в черепе высверливалась микроскопическая дырка, туда проникали сверхтонкие, самоползущие силиконовые провода. Затем медленно в течение почти месяца провода просачивались внутрь мозга. В основном — во сне, будоража в спящем разуме кошмарные сны и галлюцинации. Здесь же процедура инициации дьявольского устройства оказалась катастрофически иной — быстрой, как смерть от выстрела!

«З-ж-ж...» — жадно прожужжал шунт.

Его корпус мелко завибрировал и выпустил свои проводники — без наркоза. Силиконовые усики-нервы выскользнули из шунта, пронзая кожу, плоть, кости и устремляясь вовнутрь. В мозг воткнулись как будто тысячи маленьких игл! В мгновение ока опутав голову бывшего кавалериста изнутри, они оплели извилины, захватили ствол, мозжечок. Затем спустились дальше, петляя меж позвонками, пронзая горло, впиваясь микроскопическими лезвиями в сам спинной мозг.

Катилина спазматически дернулся, закричал и упал — ноги его не удержали. Он согнулся на вибрирующем полу изломанной дугой, закружился на спине как юла. Боль казалась просто неопишуемой и ужасной. Если бы с него сейчас живьем сдирали кожу, агония плоти вряд ли бы оказалась сильнее. Силиконовые нити не просто прошивали тело как ткань на швейной машине, задевая отдельные нервные окончания. Они проходили сквозь сами нервы, расползаясь по организму с невероятной скоростью и как бы дублируя нервную систему человека!

Катилину вырвало. Руки свело судорогой от напряжения. Тело вибрировало бешеной мелкой дрожью.

Но вот минули секунды — и все кончилось. Каждая клеточка его изнасилованного наукой организма по-прежнему горела, пронзенная тончайшим силиконовым усом. Но теперь Катилина мог двигаться — шевелить дрожащими руками, взмахнуть ресницами над воспаленными глазами.

Сверху высокой тенью под кружащимся потолком навис человек по имени Глазго. Экслегат хлопнул веками — евнух ухмыльнулся.

— Катрина. Бета-19-725, — произнес он, — теперь это твой номер, детка. Отзывайся.

Потом Глазго выпрямился и, отстегнув от пояса махейр-электрошокер, с размаха врезал пленнице энергетическим разрядом в висок.

Дубинка затрещала, посыпались искры. Словно молния прошла легату мозг. От резкой нечеловеческой боли Катилину снова парализовало. Закатив глаза и скрючившись в нелепой позе, он застыл на полу. Холеное женское тело стало бездвижно как труп.

— Добро пожаловать в Школу! — отсалютовал евнух полуобнаженной девушке и крикнул своим. — Изделие в сторону. Следующая!

Четыре оставшиеся в прайде женщины испуганно забились вдоль стен.

Трое мужчин развернулись к ним, поигрывая дубинками.

Поза 3

Женщины в клетках

На какое-то время Катилина полностью потерял способность двигаться, но остался способным видеть. Голова, замершая на полу пустой тыквой, смотрела туда, куда уставилась в момент падения — на дверь.

Затем, его тело грубо оттащили в сторону, и, уткнувшись затылком в стену, он мог наблюдать, как через только что выстрадавшую им пытку проходят его «подруги». Подруги

по несчастью, конечно. Одна за другой.

Через десять минут все было кончено.

Осторожно отталкиваясь от стены все еще не послушными, безвольно болтающимися руками, Катилина пополз вперед.

Все девушки реагировали на «процедуру» по-разному.

Мерелин и Лилит, которым, по всей видимости, проходить через такое было не впервой, тихо давились слезами, но при этом послушно и молча дожидались, пока пройдет парализующий шок, безвольными тушками валяясь вдоль стен.

Эффи, которую обрабатывали второй и которая соответственно смогла прийти в себя сразу за Катилиной, громко и грязно ругалась, уткнувшись лицом в колени.

И только Роксана, полностью подавленная не только болью, но и окончательным осознанием своего бесправного состояния, рыдала взахлеб. Слезы лились по ее лицу ручьем, у Рокси случилась настоящая истерика. Она то билась головой об пол, то сдавленно завывала и вытягивала шею как раненая волчица.

Отталкиваясь от пола, Катилина подполз к центру комнаты — поближе ко всем. Дышать было тяжело. Сраженная электрическим шоком диафрагма с каждым движением обжигала мозг волной боли.

Немного зло Катилина посмотрел на Мерелин. Та чуть шевелила губами и, по всей видимости, уже могла говорить.

— И что теперь? — спросил экс-легат у «старшей» их прайда. — Период адаптации закончен?

Мерелин опустила ресницы.

— Закончен, — медленно подтянув руку, она вытерла мокрые глаза. — Мы зарегистрированы, поздравляю.

— Вот спасибо. И что, так всегда?

— Нет. Обычно шунт вставляют в висок под общим наркозом. Но нигде не регламентировано, что агнатов нужно шунтовать без боли. Процедура проводится по усмотрению старшего евнуха.

— Эту сволочь зовут Глазго Деморти, если не ошибаюсь?

— Господин Глазго Деморти. Ага. Весельчак, правда?

Вслед за Эффи легат грязно выругался — с вывертом, по-кавалерийски.

— Сдерживай себя, — укорила его Мерелин и тоже поднялась, с трудом двигая конечностями. — Нужно терпеть. Нужно вставать. Они вернутся через несколько часов, а потом... Ты слышишь крики в коридоре? Скоро наша троица евнухов вместе другими группами по нейрошунтованию пройдет по всем камерам. После этого новые прайды погонят на общий сбор... Если не сложно — помоги Роксане, она так голову себе разобьет.

Кавалерист кивнул и, закинув роскошные женские волосы за спину, пополз к рыжеволосой.

* * *

Время постепенно шло, и девушки медленно приходили в себя. Жизнь в «отстойнике» возвращалась в привычное русло. По заверениям Мерелин «до утра» охранники должны были закончить процедуру нейрошунтования, а затем вывести наложниц на общий сбор для знакомства с расписанием и администрацией Школы.

Сидели, как и раньше, вдоль стен. Тихо. Вяло. Бессмысленно.

Медленно поворачивая голову, Катилина в который раз откровенно рассматривал подруг по несчастью. Признаться, он был необычайно удивлен. Конечно, в последние сутки его новой жизни (или, возможно, первые сутки его реальной жизни — смотря как считать) его удивляло многое. Но в данный момент он поражался расцветкой волос, а также некоторыми иными чисто физическими особенностями своих сокамерниц, которые стали заметны при пристальном рассмотрении.

Все девушки являлись обладательницами идеального бюста — вне зависимости от роста и комплекции. Впрочем, его грудь (в смысле — грудь шатенки «Катрины») выделялась даже на этом фоне. На коже девушек полностью отсутствовали родимые пятна, волосы, вообще какие-то кожные дефекты. Великолепные длинные шевелюры ниспадали на плечи красавиц пятью волнистыми водопадами.

«Клоны, это понятно, — подумал про себя Катилина. — Искусственные люди-изделия и должны быть изготовлены идеально». И все же... он видел перед собой нечто большее.

Цвет глаз и волос девушек был их естественным цветом!

Насколько понимал Катилина в подобных вопросах (а понимал, конечно, не много), он смотрел не на краску и не на цветные линзы. Все что он видел перед собой, являлось ему настоящим. Но какая присутствовала палитра!

Великолепная стройноногая Роксана при волосах «под кумач» имела нежно-розовые, а иногда (в зависимости от угла зрения) откровенно оранжевые зрачки. Яркие, как цветочная пыльца.

Лилит в своих синих кудряшках, напротив, смотрела на мир огромными глазами, золотистыми, как большие «винные» топазы, по карат пять каждый.

А вот чудесные локоны Эффи блистали в свете яркой потолочной лампы подобно полированному эбену, оттеняя этим удивительным блеском ярко-зеленые, почти бриллиантовые очи.

Более-менее «привычной» расцветка глаз и волос оставались только у него и у Мерелин. Мерелин владела сияющей платиной кудряшек и антрацитовым взглядом. У Катилины был шоколад в шевелюре и лед горного озера — в зрачках глаз: карий и темно-синий. Все это Катилина видел в своем отражении, прямо на полу...

Однако сочетания цветов являлись именно «цветочками»! «Ягодками», Катилина мог бы поклясться, являлись глаза окружающих его девушек. Они не просто отражали свет, а испускали зримое внутреннее сияние, озаряющее радужку, как игра искорок на плоскостях граненого алмаза.

Вот перед ним зрачки Эффи, они подернуты тонкими молниями, и когда глядишь в них, то кажется будто падаешь в бездну, со стенками из изумрудных скал...

Глаза Роксаны, вообще, более похожи на кошачьи, чем на глаза человека, с вертикальным, узким зрачком...

У Лилит — очи огромные, как маленькие блюдца, миндалевидной формы, не глаза — настоящие озера. Неужели все это — натурально?

«Конечно же нет!» — легат мотал головой.

Яркость, насыщенность зрачков, пышность их цвета и необычность фактуры, даже если не обращать внимания на саму палитру, казались слишком контрастными, жгучими. Таких не могло существовать в природе!

Кожа девушек также вызывала у него сомнения. Она поражала не только своей идеальной гладкостью и чистотой, но и чем-то еще...

Катилина задумался, в очередной раз обегая глазами «свой» прайд. Задумался и через секунду вдруг осознал, в чем состоял подвох. Он заключался в пигментации! Цвет этой гладкой, бархатной кожи как будто специально подбирали под цвет глаз и волос их носителя.

Цвет кожи девушек явно не зависел от загара (да и где бы клоны могли загореть после изготовления?), он был, по всей видимости, запрограммирован генетически.

У Лилит кожа имела оттенки голубого, с нежными венками под тончайшей, прозрачной пленкой.

У Роксаны — нежно светлая, румяная, как кровь с молоком.

У Эффи — насыщенно «загорелая», почти темная, как у мулатки. Она казалась шоколадной кошкой с глазами из изумрудов.

У Мерелин — кожа удивительно белая, холеная, почти блестящая, как поверхность матового доспеха. Но при этом невыразимо манящая, зримо теплая и ощутимо живая.

Фантастика!

В мире Катилины ничего подобного не было. Гам, вероятно, имелись клоны, но они обладали достоинствами в неких рамках «природных» показателей. Без синеволосях златоглазых и кошкоглазых красноволосок. Там, возможно, существовали проги, там применялся Хеб-сед, там существовало рабство, там делали клонов, нейрошунты, но...

Катилина вздрогнул.

А с чего он взял, что там все это было?

Отгоняя наваждение, он снова помотал головой. Воспоминания толпились под черепной коробкой шумной, крикливой толпой.

Вот он на коне, рубит пешцев, мертвым ковром стелющихся под копытами его могучего жеребца. И это понятно — ведь он легат катафрактов, латный всадник, орудующий мечом с детства, раньше, чем его научили самому расстилать себе постель. Но какого государства, какой страны? Его знамена? Герб? Гимн? Имя государя?

Катилина тихо задрожал.

Даже осознание себя женщиной не вызвало у него озноба. Но вот сейчас ледяная змея проползла по его новому искусственному хребту, жадно впиваясь зубами в каждый позвонок.

Он не помнил свой мир до конца. Многие слова, такие как «прог», «Хеб-сед», «клон», «шунт» априори казались ему знакомы. Он понимал их значение, знал их смысл, их звучание — и это было все! Ибо источник таких познаний лежал за некой гранью, за высокой, непреодолимой стеной.

«Напрячься!» — внутренне велел он себе, командным голосом, словно поднимал в бой легионы. Зажмурив глаза до боли в стиснутых глазных яблоках, он стал рыться в памяти, раздирая извилины мозга киркой и ломом. Ну же, ну!

Ничего...

Какие-то отрывки.

Место, где он умер, называлось Каталаун. Порывшись в памяти, Катилина признал, что последнее утверждение является, безусловно, бесспорным. Широкий степной ковыль, на который он пал, когда вражеская секира разрубила его бранный череп, звалось именно так — «поле Каталауна».

Но вот только что значит Каталаун? Название мира, где он жил или имя маленького клочка земли, где догнивают его бранные кости? Удивительно, но когда название места смерти появлялось в голове Катилины, перед глазами не возникало ни изображения глобуса, ни карты, что для военного, следовало признать, было более чем не обычно.

Исключительно для смысловой ориентации Катилина решил хотя бы временно именовать собственную родину, возможно выдуманную компьютером, миром Каталаунского поля или же просто — Каталауном. В качестве временного такое название годилось. А там, — решил он, — разберемся.

Имя его было Катилина. «Нет, не так! — легат помотал головой. — Я же только что его повторял!» Полное имя произносилось как Флавий Аэций Катилина. Из номена, когномена, преномена. Патриций и магистр милициум. Командующий и предводитель. Воин и полководец. Это не вызывало сомнений.

Очень легко вспомнились также прозвища родственников из его рода, длинные имена предков, панорама огромной виллы, которую его свихнувшийся разум упорно называл «фамильной», но перед глазами не всплывало никого из обитателей этой твердыни. Ни имени, ни лица.

Родители? Да, имя и фамилия есть. Его мать звали Дарой Аэциус, она была матроной из блистательного сенаторского сословия.

А отец? О, с ним дело обстояло сложнее. Имя — Гауденций, просто — Гауденций, без всяких там «номенов» и «когноменов». В прошлом — голодный разбойник и варвар. Затем — воин и офицер Империи, претор и префект, наместник одной из африканских провинций («Африканских? — мелькнуло в голове. — О, это уже хоть что-то»).

Отец звался просто — Гауденцием Африканским, но после свадьбы с красавицей Дарой

из великого, но обедневшего рода он стал Гауденцием Аэцием Флором, предводителем Всадников, наместником и легатом. Как и его будущий сын Катилина...

Бывший легат вздохнул. Несмотря на поток нахлынувших скомканных воспоминаний, лица матери и отца остались скрыты за пеленой проклятого немого тумана. «Здесь пусто как в яме!» — ругнулся он и прикрыл глаза, пытаясь вызвать из памяти если не имена и слова, то хотя бы смазанные обрывки картин.

Обрывки поплыли...

Вот перед ним встают видения каких-то предметов, оружия, скачущих лошадей. Пронесется страны и города, видения узких улиц.

Внезапно картина меняется. Те же улицы накрывает тьма, а во тьме — разгораются дышащие жаром и дымом стены пожарищ. Какие-то смуглолицые люди, похожие на Глазго Деморти, почти в лохмотьях, но с добротным оружием и в мехах, на маленьких кривоногих лошадях, несутся по каменной брусчатке, стаптывая его сограждан и источая стрелы из маленьких страшных луков. Кто это? Гунны?! Они все-таки прорвались! Выхватив гладий, Катилина бросается им наперерез...

Внезапно вид меняется снова. Тот же город, те же улицы, но... все совсем по-другому. Над золочеными куполами соборов мерцают серебряные кресты. Люди в роскошных одеждах торжественно бредут за понтификом в маленькой повозке. Святой отец держит четки. Изысканные мужчины в панталонах и дамы в нарядах с огромными декольте изысканно кланяются ему.

Опять пронесется вихрь, он сносит видение пред глазами, меняя его на другое.

По той же улице идет барабанщик. Он весь в красном и желтом, с синей ленточкой вокруг головы. Он собирает бойцов в кондотту, на войну с турками. На голове его шляпа с пером, а на поясе болтается стилет. Бредут лошади. Снова люди. Ночь. В ночи — центральная площадь, вот Катилина пронзает на ней какого-то подонка в синем камзоле, прямо в сердце — тонким клинком. За спиной вскрикивает дама. Клинок называется «шпагой», и в отличие от доброй могучей спаты, которой он орудовал в первом видении, его лезвие тонкое, как мизинец подростка...

Опять смена видений — перед ним тренировочный зал. Катилина выплясывает в нем вместе с учениками замысловатые «па» по паркету, кружа оружием как веером — танцор. Он — учитель?

«Терцио», «октава». Слова — такие же далекие, как «Хеб-сед» или «прог». Но более близкие ему. Ладонь развернулась ногтями вниз, сжимая призрачную шпагу, — это «терцио». Потом — обратно, развернув ногти вверх, — это «прима». Скользнуть по клинку, вывести хищное лезвие по вражеской стали — вот «ангаже». А, к черту!..

Картины под черепом мелькали все быстрее. Обрывки прошлого (прошлого ли?), фрагменты видений — нарезкой, смешанные в большом чугунном котле.

А все остальное — туман...

Подняв веки, он уперся взглядом куда-то вперед, не вполне понимая даже, что видит перед собой.

— Господи, да сколько можно! — прозвучал резкий крик. — Ну что ты уставилась на меня?!

Катилина моргнул.

Он смотрел на Лилит, прямо ей на грудь, в торчащие, розовые девичьи соски. Такие манящие когда-то.

— На свои посмотри. Отвернись, ну! Оглохла? — Лилит была явно не в себе после хорошей порции шокера.

— Извини, — только что осознавший себя Флавий Аэций Катилина отвел взгляд и действительно посмотрел «на свои». Определенно, Лилит была права — теперь для него просто не было смысла пялиться на чужие женские прелести. Ибо некуда девать собственные.

— Лилит, пожалуйста, не трогай ее, — как и прежде устало прошептала заморенная

сидением Мерелин, — она же прог. Ты ведь знаешь, как молодые себя чувствуют после пробуждения...

И что?! Я должна молча терпеть? — вспыхнула Ли. — Эта сука глазеет на нас по кругу уже битый час!

Последняя фраза заставила Каталину непроизвольно сжать челюсти. И воля его, измотанная постоянным нервным напряжением последних двух суток, наконец дала сбой. Сука? Он стал медленно закипать.

Терпеть не надо, моя госпожа, — очень тихо, по отчетливо произнес бывший катафрактарий, и его новый голос впервые показался ему прежним, мужским. Он немного хрипел. — Я ведь извинился, верно?

— Моя госпожа?! — Лилит прямо взвизгнула. — Да она же психованная, вы посмотрите!!

Резко, как болванчик от пружины, экс-кавалерист вздернул голову и почувствовал, как лицо наливается кровью. Лицо — кровью, а разум — бешенством.

— Мол-чать! — медленно отрыгнул он и пронзил бездонные очи-озера синеволосой леденящим, убийственным взглядом. Таким он когда-то останавливал заносчивых щенков, мнящих себя бретерами и пытающихся задирать его на шпагах в темных переулках родного города.

Эффект оказался потрясающим — Лилит заткнулась, как от удара. Хлопнула длинными ресницами, открыла рот, чтобы что-то возразить, но затем, внимательно взглядевшись в зрачки сидящего напротив профессионального и множественного убийцы, словно прочитала в них что-то и быстро слепила губы. Опустив очи в иол, синеволодая красавица замолчала. Нежные плечи подавленно поникли.

Все замерли в тишине.

Посчитав на этом краткий инцидент исчерпанным, Катилина устало отвалился на стену и прикрыл лоб рукой. «Зря я так, — попенял он самому себе, — сдают нервы, сдают. Наорал на девицу — тоже мне подвиг! Впрочем, сама виновата...»

Он погрузил лицо в ладони, потер глаза, помассировал виски. Дьявол! Катилина не считал себя особым знатоком психологии, однако прекрасно осознавал, что в его положении не стоит ругаться с сокамерницами, а уж тем более их запугивать. Ему нужно собраться с мыслями, нужно больше спрашивать, а не орать. И все же привычку общаться с окружающими командным тоном изжить было нелегко.

— Хорошо, — выдавил он из себя довольно сухо, ни к кому особо не обращаясь. — Погорячились, и хватит. Я прошу прощения за этот маленький инцидент. Лилит, извини. Итак... У нас с Роксаной, как у всех новорожденных прогов, совершенно не знакомых с вашим новым чудесным миром, есть много вопросов и очень мало ответов на них. Верно, Роксана?

Рыжевласка быстро мотнула головой, то ли соглашаясь с легатом, то ли опасаясь ему перечить.

— И главный вопрос, — продолжил Катилина, — я хотел бы адресовать тебе, Мерелин, как к старшей из нашей группы. Расскажи нам о своем мире. Где мы находимся? Что нас ждет в будущем? И если возможно — расскажи поподробней.

Платиновая блондинка пожала плечами. Несмотря на «вечно испуганный» взгляд и явно менее стервозный характер, чем у синеволосой Лилит, блондинка оказалась гораздо тверже характером, и грозный голос бывшего легата ее не слишком напугал.

— Как насчет «пожалуйста»? — мрачно спросила она.

— Пожалуйста, — мирно сказал легат.

Платиновая блондинка кивнула:

— Что именно тебя интересует? Подробностей много, знать бы с чего начать.

— Да с чего угодно. Пока я поняла только одно: мы рабыни...

— Агнатки, — поправила златовласка, изящно склонив головку. — Фактически это-то же самое, но термин более верный, поскольку рабство у нас добровольное.

— Допустим, — Катилина тоже кивнул, соглашаясь. Момент «добровольности», несколько проясненный в предыдущей беседе, он решил пока опустить. — Допустим, мы — агнатки, наложницы... Мы оживлены после смерти?

— Да.

— Но наши с Роксаной миры — это фикция, они выдуманы компьютером? Их никогда не существовало?

— Вероятно. Точнее, я не знаю. Ваша память — это сборник типовых установок и анимационная видеонарезка, созданная программистами. По крайней мере, так принято считать. В общем, ты правильно поняла.

— Но тогда наша смерть...

— Тоже фикция. Вы рождены в выдуманном мире, умерли выдуманной смертью и только сейчас приступили к «нормальной» жизни. «Нормальной» в рамках местной скотской системы, разумеется. Тело клонированное, разум компьютерный. Вы — биороботы, по большому счету.

— Ага, — Катилина скривился, — а вы втроем, вместе с Лилит и Эффи, представляете собой не программное, а коренное, изначальное население этого мира. Вроде как белая кость?

— Да брось, — звонко рассмеялась Мерелин. — Мы трое в таком же гнусном положении, как и вы с Роксаной. У всех агнатов клонированные тела и разум. У нас с Лилит и Эффи, он не с ложными воспоминаниями, но все равно искусственный, поскольку вкладывается в новое тело интеллектуальной машиной. По статусу мы равны с прогами. Живые резиновые куклы, не более.

— А кто оживляет резиновых кукол?

Платиновая блондинка вздохнула и выдержала паузу, за которую можно было весьма красноречиво и смачно выругаться.

— Знаешь, — заявила она, — я объясняю подобные вещи новеньким агнаткам уже наверное в тысячный раз, но каждый раз как заново. Когда начинаешь рассказывать прогу про его будущее, то никогда... никогда не знаешь, с чего начать.

Оживили нас, разумеется, те, кто будет потом продавать. Те, кто вкладывает деньги в Хеб-сед, в производство клонированных женских тел. Те, кто закупает матрицы душ у компаний, программирующих виртуальные вероятности. Те, кто дрессирует нас, а затем... не сложно догадаться. Если ты знаешь, кто мы и для чего созданы, то остальное, по-моему, очевидно. Мы — собственность специализированной организации рабовладельцев, промышленяющей массовым изготовлением коммерческих шлюх на продажу. Мы — штамповка, промышленные изделия на потоке! — Мерелин разозлилась. — Еще пояснения нужны?

Но Катилина не отступал.

— Хотелось бы внести чуть больше конкретики, — произнес он заумно. — Каким-то неизвестным образом я знаю, что такое «прог» и «Хеб-сед», а потому поверить в твои слова мне легко. Но более мне ничего не известно. Где мы вообще географически? Как называется это место? Я имею в виду не конкретно эту комнату и не эту «школу для шлюх», как ты ее называешь, ибо видит Бог, свое положение я осознала уже в полной мере... но вообще? Что за школа? Кому принадлежит? Где находится и прочее, и прочее, и прочее! Как называется этот мир? Какой сейчас век, в конце концов?

— Век? Да-а, я вижу, с объяснениями будут проблемы, — прокомментировала блондинка и хмыкнула. — Ладно, начнем по порядку...

— Конкретно, заведение называется «Высшей агнатской школой общительниц Шайрона Артели». Расположена школа в 166-м индустриальном центре кластера Седан. Говорит о чем-нибудь?.. Нет?.. Ну что же, попробую пояснить. Кластер Седан — это замкнутая искусственная вселенная. Она изготовлена нашим производителем для размещения в ней клонических фабрик и школ по дрессировке агнатов, прежде всего — искусственных проституток. Седан производит до ста миллионов агнатов в год и дрессирует

еще примерно столько же.

А теперь слушай внимательно. Место, в котором ты оказалась, зовут Искусственным Мирозданием. Заметь, не вселенной, не миром, а именно Мирозданием! Вселенная — это система Миров, а Мироздание — это система Вселенных. Каждая вселенная, входящая в Искусственное Мироздание, это и есть Кластер. Улавливаешь суть?

Кластер — это не часть пространства, не планета, не звездная система и даже не галактика. А независимое, не соприкасающееся с другими, отдельное пространство — замкнутая вселенная, закрытая пространственно-временная ячейка. Ты понимаешь?

При этих словах Мерелин снова натянуто рассмеялась.

— Тебе, наверное, странно слышать подобную заумь от наложницы, но, прожив три тысячи лет более чем в сотне миров, можно многого нахвататься, даже проводя большую часть жизни в постели и забивая голову не знаниями, а известными частями мужского организма. Я не физик, конечно, но очень древняя сука и знаю, о чем говорю! По словам одного самца, который рассказывал мне все это после бурных ночей в гареме, кластер напоминает собой гигантский пузырь, раздутый в четырехмерном пространстве. Поверхность пузыря в данном случае — это наша трехмерная реальность. Если лететь по ней бесконечно долго, никуда не сворачивая, то обязательно вернешься к началу... Наш кластер Седан — это специализированный кластер для создания клонов, а потому в нем размещено очень мало звезд и планет. Однако большинство «обычных» кластеров, в отличие от Седана, значительно населенней и могут вмещать мириады галактик каждый. Только представь себе такой кластер — это подлинная, настоящая вселенная. Огромная и почти бесконечная!

— Теперь, немного об ИЦах, — продолжила Мерилин. — ИЦ № 166, в котором расположена наша школа наложниц, — это аббревиатура, сокращенная от словосочетания индустриальный центр. ИЦ представляет собой аналог завода, но только очень большого и размещенного в открытом космосе. По геометрической форме индустриальные центры похожи на большие шары-планетоиды. Впрочем, в некоторых кластерах существуют ИЦы в форме гигантских кубов, торов и даже цилиндров. Но суть не в том! Пространство любого кластера разделено на отдельные секторы, и в каждом таком секторе размещается один индустриальный центр. У ИЦа множество функций — он является административным центром и сосредоточием власти в секторе, обеспечивает подконтрольные планеты промышленной продукцией и синтезированной пищей, энергией, техникой, космическими кораблями. ИЦ является крупнейшим космопортом сектора и одновременно — его величайшим промышленным и торговым центром. Кроме того, именно в ИЦе располагаются военные части, призванные обеспечить безопасность подчиненных ИЦу миров, а также размещаются верфи для создания кораблей, способных прыгать из кластера в кластер.

— Постой... — помотал головой Катилина. — Насколько я поняла по твоему рассказу, кластеры огромны. Каждый кластер — это огромная замкнутая в себя вселенная. Но почему тогда наш ИЦ — всего лишь 166-й? Какое количество звезд он обслуживает?

— Разное, — ответила Мэри, — Это зависит от того, о каком кластере идет речь. Для идентификации каждый кластер имеет свой личный компьютерный код в форме числа из нескольких миллионов знаков. Естественно, людям не то что оперировать в общении, но даже запомнить или написать этот код просто невозможно. Поэтому каждый кластер имеет условное название в форме какого-нибудь слова. Например, наш кластер, в котором мы сейчас находимся, — это кластер Седан. Понятно, что в слове «Седан» всего пять знаков и в мироздании существует невообразимое количество других «Седанов». Но их один от другого отличает Машина, например, при переходе на космическом корабле или передаче сообщений. А для нас, людей, наш Седан, в котором мы обитаем, остается единственным в своем роде, понимаешь?

Далее, — продолжала рассказ агнатка, — наш кластер — правительственный, а не «обычный», а значит — очень маленький. Конечно, не настолько маленький как частные «карманные» кластеры, но все же не слишком большой. В нем существует всего одна галактика, и он меньше стандартных космических кластеров в несколько миллиардов раз...

Как и во всяком «правительственном» кластере, в пространстве «Седана» нет планет, населенных свободными гражданами. Есть только специализированные планеты для резерваций Чужих, тюремные планеты для преступников, тренировочные планеты для спецназа и рабов-гладиаторов, а также ИЦы, на которых располагаются такие вот агнатские школы, как наша. Так что слишком много планетоидов тут не нужно. Всего в кластере «Седан» около тысячи индустриальных центров... Что касается непосредственно нашей звездной системы, где вертится ИЦ-166, то она примитивна как большинство искусственных миров, созданных не планетарными дизайнерами, а тупоголовыми чиновниками в кабинетах.

В центре системы кружиться не звезда, а сам ИЦ-166. Вокруг него десять звезд стандартного образца, — при этих словах Мерелин внимательно посмотрела на Катилину, поймет ли? — Вокруг каждой звезды — десять планет на последовательных орбитах. И того — ровно сто миров, для удобства счета. Все планеты одинаковые по размеру, климату, преобладающему рельефу. И так далее и тому подобное — штамповка, она штамповка и есть. На последующих курсах, кстати, мы побываем на одной из планет, поскольку там расположены филиалы от Высшей школы и особые лагеря для закрытых тренировок наложниц...

Мерелин невесело усмехнулась.

— Я ответила на твой вопрос?

Катилина немного помозговал. Пожалуй, описание единственного кластера, со ста планетами для удобства счета (!), поразило его не меньше, чем короткое описание всей его новой родины. Искусственное Мироздание, говоришь? Так-так, кто-то здесь заливает...

— Немного не понятно знаешь что? — неожиданно для самого себя спросил он. — Если звезды в кластере — стандартного образца, то каково расстояние до планет с учетом того, что их орбиты последовательные? — Лоб Катрины нахмурился, пробуждая в глубинах памяти неизвестные его «я» константы. — Речь идет о звездах класса G2, верно? Ближе 0,8 астрономических единиц, — продолжил он, блеснув неизвестно откуда взявшимися знаниями, — помещать планету нельзя, а то на поверхности будет слишком жарко. А уже после двух астрономических единиц будет слишком холодно, а освещение? Уже на четвертой или пятой планете при звезде G2 будет просто темно даже днем. А их целых десять, вокруг каждого светила!

Мерелин, да и остальные подруги по прайду повернули головы и поглядели на него озадаченно.

— Ого, — сказала блондинка, немного сипло от удивления. — Знаешь, ты с каждым часом удивляешь меня все больше. Откуда ты знаешь про астрономическую единицу? А про спектральную классификацию звезд? Ты ведь прог? Кроме названия, ты понимаешь, что это означает?

Катилина замялся.

— Да как-то само выскочило, — произнес он озадаченно. — Что такое G2, я, разумеется, знаю. Как и то, что такое одна астрономическая единица. Кажется... кажется это «обычный» диаметр орбиты планеты вокруг звезды класса G2, при котором на ее поверхности, так сказать в «естественном» состоянии дел, возможно проживание человека. Так? Вот только откуда это во мне — понятия не имею! Все какие-то отрывки.

Есть такая песенка: «Знаешь — ты меня пугаешь!» — пропела Мерелин. — Как раз наш с тобой случай. Что у тебя в голове, подруга?... — Она постучала себя по виску. — Как бы там ни было, ответ на твой технический вопрос очень прост. В стандартной физике есть закон, что излучение обратно пропорционально квадрату расстояния до источника, кстати, как и гравитация. А теперь прикинь размеры нашего ИЦа и то, как мы тут ходим. Притяжение здесь, вот в этой комнате стандартное! А ведь мы находимся внутри маленькой металлической станции, диаметром десятков километров и в глубоком космосе — здесь должна царить невесомость! Но объяснение элементарно: наша наука почти произвольно регулирует излучения и гравитацию. Создатели ИЦев и кластеров способны нарушать физические законы!

Внезапно Мерелин помрачнела.

— Таким образом, — произнесла она медленно, — мы приблизились к главному вопросу. Ты спрашивала меня, кто нас создал и кому мы принадлежим. Вот ответ: Искусственное Мироздание создано и принадлежит Корпорации! Высшая школа наложниц, собственностью которой мы имеем честь быть, — Мерелин криво усмехнулась, — создана и принадлежит Корпорации! Наложницы-клоны, дрессируемые в школе, чья функция — скрашивать своим существованием досуг богатых ублюдков, созданы и принадлежат Корпорации! — Лицо Мерелин почти перекосила кривая маска. — Это ответ на твой вопрос, — закончила она, — если ты все еще не поняла, отвечаю: все что существует в окружающем тебя мире, принадлежит Корпорации!

На мгновение Катилина позволил себе отвлечься. Термин «корпорация» показался ему смутно знакомым. «Корпорация. Кумпанство. Братство купцов, — задумался он. — Или один купец. Забавно!» В Каталауне, если ему не изменяет память, презренные мещане держали мелкие лавочки, а тут, как видно, развернулись пошире!

— Официальное название Корпорации, — продолжала тем временем Мерелин, как будто прочитав его мысли, — произносится как «Объединение предприятий Нулевого Синтеза». Более краткое словосочетание, используемое для ее официального именованья, звучит как «Нулевой Синтез», или сокращенно «Нуль-Корпорация». А названием для прессы и застольных разговоров является просто «Нуль». Между прочим, все слова пишутся с заглавной буквы!

Катилина невесело рассмеялся. Нулевой Синтез? Нуль? Вселенская Корпорация по производству вселенных? Все, что рассказывала ему платиноволосая агнатка, казалось фарсом, шуткой и бредом. Однако стоило оглядеться вокруг, посмотреть на выпирающие из-под тесной одежды достоинства подруг и собственное холеное женское тело, как смех пропадал, оставляя только горечь и страх на дне удивленной рассказом подруги души.

— Но что такое «Нуль»? — резко спросил он. — Что означает эта приставка к названию?

Мерелин снова вздохнула. С одной стороны, она уже давно, много столетий назад, замучилась объяснять подобные вещи прогам. С другой стороны, пока обучение в секс-школе не началось, делать девушкам все равно было нечего. А значит, если одна из младших агнаток просила, старшая должна объяснить. Почему должна? Да потому что прекрасно помнила, как огромный пласт времени тому назад сама спрашивала у старших рабынь нечто подобное.

— «Нуль» — это еще одна вещь, о которой тебе стоит услышать, — произнесла Мерелин. — Нуль — не просто приставка к названию и конечно же не обычный математический термин, означающий пустоту. В каком-то смысле Нуль является основой нашего мира, фундаментом, на котором базируется Корпорация... Дело в том, что власть и богатство «Нуль-Синтеза» основано на единственной технологии — способности получать материю из «Нуля». Если кластер — это пространство, то Нуль — это и есть пустота. Повторюсь — я не физик, возможно, изделия Корпорации производятся вовсе не из пустоты. Возможно, существуют некие энергии, поля, эфир или сверхчастицы, которые используются синтетическими машинами Корпорации для создания атомов, молекул или квантов энергии, — я не знаю... Однако все знают факты: техника Корпорации способна производить все, что угодно, из ничего.

На деле процесс выглядит просто, — продолжала объяснять Мерелин. — Помнишь «мыльницы» в нашей адаптационной камере? Наверняка вы с Роксаной приняли их за обычный раздаточный аппарат. За стеной скрывается камера, в которой спрятаны рулоны с одеждой или печеньем, ты нажимаешь на кнопку — и простейший механизм выталкивает рулончик из камеры... Так вот, камеры хранения там нет, ты видела компактную машину нуль-синтеза. При нажатии на кнопку машина не выдавала, а синтезировала наши вещи, изготавливая их прямо на месте, мгновенно! На этой технологии основано все. Как ты можешь догадаться, Нуль-Корпорация производит не только печенье и бумажные шорты для

искусственных проституток. Наши с тобой тела, бронированные планетоиды индустриальных центров, звездные галактики и даже само пространство кластеров — все это создается Нуль-технологией.

— Что значит «даже пространство кластеров»? — удивленно помотал головой Катилина. Мысль о создании из пустоты материальных объектов, даже таких больших, как планеты и звезды, в той или иной степени казалась доступной, хотя и противоречила здравому смыслу и его представлениям о природе. Однако создание пространства выходило за рамки самых смелых фантазий!

Мерелин охотно пояснила.

— Наглядно все выглядит так, — рассказала она. — Каждый кластер — это шар в четырехмерном пространстве. Поверхность шара — это наше трехмерное пространство. Специальный промышленный робот как бы надувает этот шар из существующей вселенной через маленькое отверстие — нуль-портал. Шар раздувается в ничто, создавая пространство. Сначала это пространство маленькое и сильно искривленное, поскольку замкнуто само на себя. В первые мгновения человек не сможет находиться в таком «пузыре», поскольку там слишком сильно искажается геометрия и, как следствие, физические законы. Однако шар постепенно расширяется, искривление уменьшается, пространство растет... Далее промышленный робот проникает внутрь и заполняет созданный им замкнутый «пузырь» звездами и планетами, создавая их так же, как «мыльница» создало печенье.

Впрочем, — заметила Мерелин, — у слова «нуль» есть и еще один смысл, не имеющий отношения к технологии. С точки зрения философии, «нуль» — это математическое выражение «Смерти». Нуль — это Небытие и Ничто, олицетворение энтропии, символ разрушения!

Несмотря на странный предмет их разговора, глаза блондинки при этих словах яростно разгорелись. Похоже, собственный рассказ захватил ее, или же тема, о которой она начала говорить, глубоко задевала рассказчицу за живое. Как бы там ни было, Мерелин взмахнула руками и продолжала яростно, тихим, но сильным голосом, в котором слышались нотки бушующего урагана:

— Скажи мне, — спросила она у легата, — существовали ли на твоей родине представления о загробном мире?! Конечно! Тогда «Мироздание Корпорации» и есть твой «Загробный Мир». Мир-После-Смерти! Смесь Ада и Рая, но только реальный, а не мистический... Возможно, я обрадую тебя, если скажу — я ведь тоже прог, только старше на сотни лет и сменивший несколько тел. Как и вы с Роксаной, я родилась не здесь, не в Корпорации. Я не знаю, какими были представления об устройстве реальности на твоей «программной» родине, но на моей родине, к моменту рождения некой девочки по имени Норма Джин Бейкер, — так меня звали, когда я родилась в первой жизни, — эти представления оставались достаточно прагматичными. Мы не верили в воскрешение после смерти, и как оказалось — зря!

Моя родная вселенная состояла из огромного бесконечного пространства, весьма похожего на стандартные кластеры Корпорации. — Глаза Мерелин почти светились (Катилина мог бы поклясться) от почти религиозного трепета. — Она была заполнена галактиками, состоящими из звезд, вокруг которых кружились планеты. Моя вселенная медленно расширялась и остывала, и расстояния между звездами, к тому моменту как на планетах появилась жизнь, считались столь велики, что даже смены нескольких поколений не хватило бы, чтоб их преодолеть. Согласно известным на момент моей первой смерти научным теориям, моя вселенная родилась из Большого Взрыва, породившего из себя одновременно не только материю, но и пространство и время...

Я родилась там, и там я умерла. Затем минули миллиарды лет, и моя звездная вселенная умерла вслед за мной, пожранная самым страшным из возможных чудовищ — Временем. Возможно — сгорев в огне нового Большого Взрыва, возможно — разорванная на части растущими черными дырами, возможно — остыв и превратившись в ледяную пустыню — не важно! А вот теперь представь, хотя, возможно, тебе будет трудно сначала...

Представь что за пределами пространства и времени, окружающих нас сейчас, в огне Больших Взрывов рождаются вселенные, подобные моей. Их множество! Невероятное, почти бесконечное множество! Они появляются и умирают. Где-то. Когда-то. Но не здесь. Не сейчас. И миллиарды существ, их населяющих, погибают вместе с ними!

С расширенными глазами, Мерелин приблизила к Катилине лицо:

— А все умершие воскрешаются тут. Во вселенных Нуля. В Корпорации! Вокруг нас — загробный мир, Катилина. И пусть он строго научен, наполнен удивительной техникой и космическими кораблями, пусть в нем нет места мистике и чудесам, но это именно Загробный Мир. Ибо все мы — воскрешены после смерти.

Она покачала головой, истово, как будто хотела вытрясти из нее все мысли.

— Не понимаю, как это возможно, — сказала блондинка. — Говорят, в одной из звездных вселенных вроде той, в которой я родилась, случайно появился НЕКТО, способный преодолеть великий предел, что называется Смертью и Пустотой, антиподом существования. Перед гибелью своей вселенной, этот некто создал для себя первое искусственное пространство, смог шагнуть за границу небытия, сделать невозможное, пережить собственную реальность и создать для себя... другую.

Она обвела все вокруг руками:

— Именно в этой другой реальности мы сейчас и живем... Вселенные, возникшие в огне больших взрывов, называются «Естественным Мирозданием». Местом, где родилось и умерло Человечество... А вселенные созданные Корпорацией — «Искусственным Мирозданием», «Арт Континиум», если быть точной! От Естественных Мирозданий сейчас не осталось следа. Не осталось не только мертвых планет и потухших звезд — само пространство в них схлопнулось, а время истекло, понимаешь?..

Так что не стоит слишком отчаиваться, если ты прог, — грустно улыбнулась Мерелин. — Ведь основой для всех программных миров стали огромные массивы информации, которые творцу «Искусственного Мироздания» удалось пронести из «Естественного Мироздания» в свои новые пространства и времена... В свое время, две тысячи лет назад, когда я ненадолго оказалась свободной, я много дней провела за изучением древних файлов и почти уверена — мой мир существовал на самом деле. Вот только... когда? И, пожалуй что — где?.. Как бы там ни было, я уверена, что я — настоящий человек, только воскрешенный спустя миллиарды лет, после гибели собственной реальности, в реальности совершенно иной... в Мире-После-Смерти-Миров!

Мерелин прикрыла глаза.

— Вот и ответ на все твои вопросы, — заключила она. — Мы — агнатки, клоны-рабыни в школе для искусственных шлюх. Школа находится в индустриальном центре — стальном городе-шаре, расположенном в искусственном кластере. Искусственный кластер — это гигантская вселенная, сотворенная нуль-технологией из пустоты. Созданные природой «естественные» вселенные давно погибли, не оставив после себя ничего. Но перед этим люди смогли создать для себя «искусственные» вселенные и сбежать в них от Времени... Твой новый дом — это творение Нуль-Синтеза от начала и до конца. В искусственном пространстве вращаются рукотворные планеты и звезды. А на них живут клоны, воскрешенные с памятью мертвецов!..

Некоторое время после получения ответов Катилина просто молчал, тупо уставившись в пол. Мозг его лопался от непереваренной информации. Он потрогал лоб — похоже, у него поднялась температура, череп пронзала тупая боль от умственного перенапряжения.

— И все же, — сказал он наконец, скорее от удивления, чем из желания спорить, — название «Нуль-Корпорация» звучит слишком напыщенно. Вне зависимости от размеров ваша Корпорация это ведь, по сути, всего лишь обычная хорошо организованная структура, только очень большая. Ну как, скажем, большая мастерская со множеством ремесленников или сверхзавод со множеством филиалов (тут Катилина походя снова удивился тому, что в голове само собой всплыло слово «завод», и при этом он вполне понимает, о чем хочет сказать), только создающим не обычные товары, а пусть вселенные и воскрешенных

людей... Кстати, насколько велика Нуль-Корпорация? Ты можешь назвать численность ее сотрудников, число входящих в нее вселенных-кластеров? Что-нибудь такое?

Но на этот раз Мерелин пропустила вопросы настырного прога мимо ушей.

— Зато название Нуль-Корпорации, — мрачно заявила блондинка, — весьма точно описывает ее суть. Тебе ведь известно, что количество после определенного предела переходит в качество? Дело вовсе не в числе сотворенных Корпорацией искусственных вселенных и не в количестве принадлежащих ей рабов. Дело в том, кто их создает! Знаешь, кто является бессменным владельцем Корпорации «Нулевой Синтез» и единственным Творцом «Искусственного Мироздания»?

— Сам бог зла, должно быть, — рискнул пошутить Катилина, вспомнив недавнюю процедуру регистрации клонов.

Но шутка оказалась не к месту.

— Ошибка, — произнесла Мэри коротко. — Официально он считается Богом Смерти.

— Чего? — Глаза легата полезли на лоб. — Богом смерти? Ты шутишь!

Но Мерелин только резко подняла руку и отрицательно помотала головой, не отрывая своих чудесных, но пронизательных глаз от лица Катилины.

— Довольно об этом! — воскликнула она решительно. — Очень скоро ты многое узнаешь сама. Времени до общего сбора осталось мало — поверьте, нам следует отдохнуть...

Поэма 4

Шестьдесят секунд шока

Актальный зал Школы Наложниц. Несколько часов спустя. Шайрон Артели, коммерческий директор

Спустя несколько часов, за которые девушки успели окончательно прийти в себя, поесть, поспать и переодеться, дверь в «отстойник» снова открылась. Под крики вооруженных мужчин агнаток выгнали наружу, в широкий коридор с высокими потолками и такими же белыми стенами, как и в камере адаптации. Туннель, а иных ассоциаций у Катилины это место не вызывало, оказался полон народу. Тройки и четверки охранников пинками и разрядами шокеров выкидывали девушек из камер и гнали в одном направлении. По крикам и командам было件нятно — ведут их в некий «Актальный зал».

Вскоре, пробежав метров шестьдесят-семьдесят по прямой, как стрела, дорожке, они прибыли на место.

Катилина присвистнул.

Актальный зал не поражаа гигантскими размерами, как виденные им когда-то и где-то многотрудные олимпийские стадионы, но выглядел основательно, хотя дизайн интерьера не поразиа бы искушенного ценителя художественной отделки.

Размеры зала составляли примерно сорок на пятьдесят метров. По периметру его окружали высокие стальные или же обшитые стальными листами стены. Прямоугольные металлические листы располагались вертикально, и было похоже, что они приклепаны к основанию. По крайней мере по краю каждого из отделочных листов выступали аккуратные кругляши наклепок, как на борту старинных морских броненосцев.

В каждой стене имелось несколько широких проемов, из которых выбегали такие же, как он, синтезированные рабыни. Посмотрев вокруг, Катилина заключил, что все проемы, кроме одного, идентичны тому, откуда только что вышли они с Мерелин. Вероятно, Актальный зал представлял собой некий геометрический центр, в котором сходилась множество прямых коридоров с адаптационными камерами. Отличный от других проем — самый широкий и высокий — располагался в центре одной из стен. Вероятно, это был некий общий вход или общий выход, ведущий не в обычный коридор с «отстойниками», а в другие части «школы для проституток». Кроме проемов периметр зала имел еще одну достопримечательность.

Вдоль его стен шла высокая, метра четыре от поверхности пола, этажерка, опоясывающая обширное помещение как браслет или ошейник.

Ошейник!

Катилина вздрогнул, вспомнив вдруг электрические «хомуты», надеваемые в его родном мире (или в каком-то другом?) на собак и нерадивых рабов. И сам, не понимая почему, рефлекторно дотронулся до небольшого бугорка шунта. Боль от распространения по телу тончайших проводников давно прошла, но манера, в которой ему установили это своего рода клеймо, до сих пор отдавалась спазмом при каждом воспоминании. В голове? В теле? В виске? «Нет, — покачал головой бывший легат, — скорее где-то в душе». Ненависть стучала у него под ребрами...

Вдоль этажерки выстроились вооруженные люди. Именно вооруженные. Поскольку кроме традиционных для местных изуверов махейров-шокеров, висящих в специальных портупеях на поясе, в руках охраны имелись стрелковые устройства. Если выразаться точнее, орудия убийства находились на запястьях охранников, а не в их ладонях.

По виду оружие напомнило Катилине металлические наручи традиционного для тяжелых кавалеристов латного доспеха. Почти прямые, слабо выгнутые пластины закрывали у охранников в основном правую руку. Впрочем, у некоторых бойцов — вероятно, у левшей — наручи находились слева. Пластина начиналась от локтя с наружной стороны предплечья и заканчивалась на тыльной стороне кисти, оставляя пальцы руки таким образом, свободными и открытыми. В ладони стрелка помещалась тонкая рукоять, соединенная со «ствольной пластиной» подвижными сочленениями. Когда ладонь охватывала рукоять, на ее кончике открывалась крышка-предохранитель, скрывающая кнопку-курок. Нажимать на кнопку и вести таким образом огонь нужно было большим пальцем той же руки. Приглядевшись, Катилина также обнаружил, что по всей длине пластины, от локтя до костяшек кулака, проходит некий предмет, напоминающий широкую и толстую канцелярскую линейку. Это был ствол наручного пистолета, не имевший дульного среза, то есть отверстия для выхода пули или стрелы. «Значит, — подумал катафрактарий, — оружие лучевое или волновое».

И внезапно вспомнил название подобных вещиц! На руках стражников, закрепленные легкими стальными скобами, висели лучевые бластеры — «эстиметы». Слово было из того же разряда, что «прог» или «Хеб-сед», — Катилина прекрасно знал, что оно означает, но понятия не имел, откуда у него это знание.

Вероятно, Катилина когда-то был знаком с использованием подобного оружия в мире Каталаунского поля, поскольку помнил — стрелять из подобной латной полурукавицы было необычайно комфортно. Потрясающе легкое и эргономичное оружие не обременяло ладонь, поскольку рукоять не требовалось постоянно сжимать в руке, но при этом отпадала необходимость в кобуре и торопливом доставании оттуда для открытия огня. Оно оставляло открытыми пальцы и кулак, а нижняя часть рукояти или локтевая часть пластины могла использоваться как кастет для нанесения рукопашных или оглушающих ударов.

Луч эстимета, тонкий, плоский, но при этом широкий, был смертоносен. При прохождении плоского луча через цель его острая кромка просто разрезала ее. Если же попадал по жертве своей плоскостью, то «разрез» получался шириной почти в ладонь. Питание оружия осуществлялось от двух магазинов-аккумуляторов вставлявшихся сбоку в наручную пластину. Пара аккумуляторов позволяла менять их последовательно, не оставляя стрелка безоружным на время. Отстегивался и пристегивался наручный пистолет единым замком на запястье — нажав на один рычаг, можно было застегнуть или открыть сразу все скобы «рукавицы». Предохранитель как таковой отсутствовал, оружие изготавливалось к стрельбе автоматически, как только ладонь охватывала рукоять с кнопкой-курком. Как только ладонь разжималась, пистолет автоматически вставал на предохранитель, а кнопка-курок закрывалась.

Стрелять из наручного бластера было возможно любым способом — как повернув кисть ладонью вверх, так и вниз и вбок. Мушка или прицел не предусматривались, так как

эстимет обычно оснащался лучевым прицелом, либо виртуальными системами наведения, скрытыми в нейрошунте и соединенными с глазным нервом стрелка.

Порывшись в памяти, легат заключил, что слова «бластер» и «эстимет», по всей видимости, знакомы ему либо из просматриваемых когда-то технических каталогов, либо из военно-популярной литературы, поскольку визуальная память и моторика дружно утверждали, что видеть действие этого типа вооружений вживую, а уж тем более — лично палить из него ему доселе не приходилось.

Воскрешенный кавалерист мрачно усмехнулся. «Похоже, — подумалось ему, — скоро придется пострелять, так его за ногу. Скоро придется!» Кулаки его сжались. Костяшки пальцев хрустнули. Хрупкие костяшки тонких женских пальцев. Но разве последнее обстоятельство имело принципиальное значение?

Катилина подавил недобрую усмешку.

Он — легат и катафрактарий. Тяжеловооруженный всадник, врубавшийся в ряды латных триариев на полном скаку, сметавший со своего пути все живое грудью лошади, пикой, мечом и собственным безумным хохотом. Потомственный, нет — прирожденный и неистовый убийца. А настоящий убийца сможет убивать вне зависимости от условий!..

Внутри пространства, ограниченного этажеркой с расположившимися на ней стрелками, стояли женщины. Легат бегло насчитал около двух с половиной сотен хорошеньких головок. Пятьдесят прайдов. Один выпуск. Один курс.

«Катрина. Бета. 19-725» — мелькнуло в голове новое собственное имя.

Мерелин пояснила, что «725» — это количество выпусков их Школы. Все собравшиеся сейчас на площадке внутри этажерки — это 725-й курс. «19» — номер их прайда внутри курса. А классы... вот с классами было непонятно. И что такое «Бета»? Вероятно, это как-то было связано с обслуживанием пятью женщинами одного мужчины, Распределение рода занятий при групповом сексе внутри девушек группы?

Что бы это ни было, Мерелин отказывалась говорить. А может, и слава богу, а то Катилину могло стошнить.

* * *

Внезапно, на фронтальной части этажерки, прямо над входом возникла суета. Охранники в черной стилизованной форме потеснились, и пред очами двухсот пятидесяти невольниц предстал ухоженный человек в ярком хитоне с расшитым замысловатой вязью воротником. Широкий то ли плащ, то ли сюртук, ниспадавший с его плеч и надетый поверх красивой рубахи, назывался, как уже знал Катилина, деловой пеплос и резко контрастировал с хитоном по богатству отделки. Пеплос украшали только строгие цвета — могильно-черный и пепельно-серый.

Появившийся человек был высок, широкоплеч, атлетически сложен и несомненно хорош собой: блондин с серыми, пронизательными глазами и волевым подбородком с ямочкой — такая воплощенная арийская личность.

Он быстро вышел вперед, к самому краю этажерки, вцепился руками в перила и без всякой паузы резко прокричал:

— Дорогие дамы! Внимание! — Голос был глубоким и вызывал доверие. — Я рад приветствовать вас в тридцать четвертом секторе индустриального центра номер сто шестьдесят шесть! Конкретно — в нашей Высшей Школе бытового обслуживания. Для тех, кто не знает, меня зовут Шайрон Артели. Я — коммерческий директор этого достойного учебного заведения. Поздравляю всех новоприбывших с успешным прохождением процедуры клонирования и Хеб-седа! Надеюсь, что ваши подруги, старшие групп, более опытные... хм... коллеги по цеху, уже посвятили вас в подробности будущей работы. Не стану скрывать, что труд, ожидающий вас, тяжел и долог. Но я прошу не забывать, дорогие дамы, две вещи.

Первая! — Он воздел палец. — Каждая из вас вызвалась на этот труд добровольно, по

заключенному с Нуль-Корпорацией трудовому контракту, исключая, быть может, присутствующих среди вас нескольких десятков программных клонов.

И вторая! — Он оттопырил второй палец. — В конце этого пути каждую из вас ждет бессмертие. Вечная жизнь, дорогие дамы. Вечность!.. Хотел бы заострить ваше внимание также на следующем моменте. Некоторые умники употребляют по отношению к выпускницам нашего славного заведения слова «рабыня», «клонированная шлюха», «искусственная проститутка» и «наложница». Со всей ответственностью заявляю, что эти термины совершенно не приемлемы! В нашем прогрессивном корпоративном обществе рабов нет! Каждая из вас является служащей Корпорации по контракту, не более того!

Агнаты, — продолжал Шайрон Артели, — вот правильный термин Нуль-Корпорации! Мы с вами, — а я, если вы заметили, также являюсь носителем шунта (он демонстративно оголил висок и постучал по шапке нейроразъема пальцем), так вот, мы с вами являемся работниками Нулевого Синтеза по найму. Вы — агнаты, а не рабы! И ваша миссия благородна, поскольку она необходима обществу. И общество, дорогие дамы, готово платить вам за это, и оно — платит!

Шайрон Артели достал платочек и прокашлялся.

— А теперь, сударыни, ближе, так сказать, к телу. Я приглашаю на эту трибуну уже знакомого вам руководителя отдела маркетинга, старшего евнуха нашей школы, Глазго Деморти. Гоподин Деморти — прошу вас. Вам слово!

«Арийская личность» изысканно поклонился и покинул кафедру.

Вместо него поднялся другой человек. Если, конечно, это существо можно было назвать человеком. В биологическом смысле мистер Деморти относился, несомненно, к виду хомо сапиенс, однако в наличии человеческой составляющей его души Катилина сильно сомневался.

В отличие от Артели, высокий псевдогунн был известен большинству присутствующих в зале дам благодаря недавней процедуре регистрации и шунтования. И пылающие взгляды двухсотпятидесяти пар глаз, пронзившие фигуру высокого раскосого изувера, выглядели чудовищно красноречивыми.

Но, естественно, огромный зал безмолвствовал — волны ненависти кружили в нем лишь безмолвный хоровод.

— Ублюдок, — тихонько прошептал Катилина стоящей рядом Мерелин. — Сволочь! Чтоб ты сдох, подонок.

Однако блондиночка даже не посмотрела на него.

— Тут камеры, Кэти, — сказала она одним краешком рта. — Техника читает твои слова по губам. Тише. А лучше вообще молчи.

«Кэти, — усмехнулся бывший легат и катафрактарий, — теперь я Кэти!» Он выругался так злобно и витиевато, как не ругался, наверное, никогда. Однако сделал это очень тихо и тут же замолчал. За три прошедших часа и он, и Рокси, единственные проги в девятнадцатом прайде, а потому самые неопытные, привыкли доверять словам Мерелин. Та хоть как-то заботилась о них, а, к слову сказать, две другие «старшие» наложницы почему-то не обращали на младших подруг по несчастью никакого внимания, полностью погруженные в заботу о себе. Ми Лилит, ни Эффи совершенно не интересовали Другие секс-агнажки. С чего бы такая разница в отношении? Вероятно, подумал Катилина, разница заключалась в возрасте — Мерелин была существенно старше их всех вместе взятых.

Евнух Деморти тем временем начал свою Речь.

— Сначала о расписании, — объявил он громко. — Вы все распределены по классам. Каждый класс будет изучать одни и те же предметы, однако программы занятий по времени у каждого класса отличаются в соответствии с распределением преподавателей и учебных помещений. Всего классов — десять. В каждом классе по пять прайдов соответственно порядковому номеру. В первом классе — прайды с первого по пятый, во втором — с шестого по десятый и так далее. Надеюсь, всем понятно.

Он прокашлялся.

— Над каждым классом назначен свой дежурный евнух, который непосредственно подчиняется мне. Здесь один момент. Девушки, я прошу уважать и выполнять требования своего евнуха. А если не его (тут Деморти криво усмехнулся) — то его махейра и сапога. Бить вас нельзя, сударыни, но пинать под зад — вполне. Теперь. Общий распорядок дня одинаков для всех.

Подъем — 7-45. Все слышали? О привычке валяться до ломоты в спине в своих адаптационных камерах забудьте!

8-00 — общий сбор на плацу. Пробежка и гимнастика. Здесь такой момент — не опаздывать! Даже минута задержки будет жестоко караться «ящиком». Знаете, что это? Скоро узнаете... Дальше!

9-00 — легкий завтрак. Я бы даже сказал (он снова усмехнулся) — очень легкий. Кремниевая вода. Семя льна. Кукурузные рыльца. Травяной сбор. Все, что вам, шлюхам, необходимо для жизни.

9-30 — начало практических занятий. Основными предметами на этой стадии обучения для вас, дорогие дамы, будут «Практическая анатомия», позиционирование в группе, растяжка, а также уроки танца и массажа. Не простого, разумеется, а того, который понадобится вам в вашей постельной профессии. Кроме того, раз в месяц будут проводиться специальные тренинги по повышению психологической устойчивости.

Сразу отмечу, что занятия по пси-устойчивости — это самый важный учебный предмет в нашей школе, — тут Деморти улыбнулся. — Ибо психологическая устойчивость, сударыни, вам понадобится гораздо больше, чем знание мужской анатомии, можете мне поверить! Теперь следуем далее, — он сделал паузу и взглянул на листочек. — Практические занятия проводятся на свежем воздухе на территории стадион-сада. Занятия идут до обеда.

12-00 — обед. Свекольный напиток. Витаминный суп. Хлебные чипсы. Все сбалансировано и очень питательно. Поешьте, дерьма не жалко.

12-30 — статическая гимнастика. Рефлексотерапия. Светотерапия. Ароматерапия. Эти занятия — Уже в корпусе Школы.

13-00 — дневной сон. Полтора часа. В это время, Дамы, я советую вам спать, а не болтать на общеполитические темы, к чему некоторые имеют склонность. А не то приду усыплять лично. Лично! Я ясно изъясняюсь? Хорошо.

14-30 — начало теоретических занятий. На начальной стадии обучения основным теоретическим предметом для вас будут «Этика угождения», «Этика подчинения» и «Этика работы в группе» с изучением соответствующих позиций покорности. «Эстетика тела» и «Культура языка» дополняют названные занятия. В ежедневную программу также входят изучение некоторых специальных иллюстрированных пособий, ознакомление с фетиш-приспособлениями и просмотр двух специализированных кинофильмов...

Катилина усмехнулся. «Артели имеет в виду порнографию? — подумал он. — Это и есть „специализированный“ кинофильм?»

Деморти тем временем продолжал:

— Далее, сударыни. Занятия заканчиваются в 18-00.

До 18-30 — время ужина. Это сбитень (один стакан) и биорелаксанты.

Затем, до 20-00 — свободное время.

20-00 — сауна, а после — лимонад.

21-00 — общий медицинский осмотр, а также аппаратная коррективная фигура, кожного покрова, органов и визаж. Если таковых потребуют медики.

22-00 — сон.

Теперь на сегодня. Сразу после завершения нашего собрания вас разведут по индивидуальным комнатам. На осмотр и распределение номеров — ровно час. Жить в номерах будете по одной. На ночь комнаты запираются. Но даже днем выход за пределы классного отделения — только на учебные мероприятия и в столовку по расписанию. Любая красotka, которую я увижу и общих коридорах в иное время, очень сильно об этом пожалеет!

После обустройства в номерах будет ваш первый завтрак в школьной столовой. Затем

— прогулка, первое занятие по ОФЗ, вводная лекция господина Артели по этике секса, бассейн, кино и, наконец, свободное время. Сегодня у вас так называемый «нулевой» день, почти выходной. Поэтому все сегодняшние занятия вводные и сокращенные. После просмотра кинофильма оставшиеся до конца светового дня часы можете посвятить устройству на новых местах. В целом все. Надеюсь, ни у кого вопросов нет?

Катилина посмотрел по сторонам. Две сотни девушек стояли молчаливыми рядами и даже не шевелились. «Эх, чем черт не шутит!» — подумал он и протянул вверх свою новую изящную женскую ручку.

— Господин, э-э... Деморти, — меж стальных стен голос прозвучал очень звонко, — директор Артели сказал, что агнаты являются работниками по трудовому контракту, а вы сами упомянули, что сегодня — «почти выходной». Скажите, а когда будут нормальные «выходные»? Еще я хотела спросить на счет каникул или отпусков. Что-то такое у нас в программе предусмотрено?

Стоящая рядом Мерелин посмотрела на него как на идиота, с ужасом покачала головой и отошла. Прочие девушки рядом с Катилиной также тихонько отодвинулись в стороны. Шажок, другой, и он оказался совершенно один в довольно широком круге из отступивших наложниц.

Евнух ослабилась.

— Если я спрашиваю, есть ли вопросы, мадам, — Деморти покачал головой как уклоняющийся от ударов боксер, — это не значит, что их следует задавать. Вы, сударыня, прог, я так понимаю? Что ж, это немного вас извиняет. Я даже отвечу: НЕТ, вашу мать! Выходных и каникул не будет!! Чем раньше я закончу ваше ублюдочное обучение, тем раньше будет выпуск и продажа готовых изделий. И вы, мои проклятые изделия, будете заниматься в таком режиме шесть месяцев подряд без перерывов и выходных. А затем я выперу вас в бордели космоса за звонкую монету! Теперь ясно?!?!

Он поднял верхнюю губу и сверкнул зубами, став в этот миг, несмотря на свой рост, похожим на злобного, ощерившегося хорька.

— Ладно, все. Пошли вон по камерам! А этой, — он ткнул пальцем в Кагилину, — шестьдесят секунд шока для остротки. Чтоб меньше болтала. «Э-э, господин Деморти», — на высоких нотах передразнил он. — Может, хоть имя мое запомнит, дура. Давайте, давайте!

Стоявшие на первом этаже охранники принялись тычками и криками очищать актовый зал, выгоняя клонированных наложниц в широкий дверной проем.

Один из охранников, впрочем, выполняя приказ старшего евнуха, подошел к Катилине и направил на него электрическую дубинку.

— На пол сядь, — грубо приказал он, — а то от шока можешь упасть и ушибешься. Ну давай, чего стоишь?

Охранник схватил Катилину под локоток и потянул вниз. Сильно, пальцами — в кость. Если бы экс-легат на самом деле был девушкой (в смысле — в голове, в «теле» он и так являлся стопроцентной девицей), то наверняка закричал бы от боли. Но военная выправка не подвела, и кавалерист лишь немного поморщился и скрипнул зубами — одновременно от злости и недоумения.

— За что? — спросил он у охранника совершенно спокойно.

От удивления тот открыл рот и немного разжал руку, но быстро оправился и даже снизошел до пояснений.

— Наложницам запрещено обращаться к евнуху, если он не спросил лично, — назидательно сказал охранник. — Обращение возможно только в коленопреклоненной позиции из позы «Кал Тарраш», с руками, перекрещенными за спиной. На охранников, кстати, это правило тоже распространяется.

С этими словами мужчина отступил на шаг и с коротким размахом вдавил свой махейр прямо в не закрытый «бумажной» блузкой пупок девушки.

Сверкнула молния, и «прирожденный убийца» рухнул на пол согнутой от боли куклой,

дергаясь, как заводная игрушка, потрясая высокой девичьей грудью и давясь слюнями.

«Больно! Как больно!» — пульсировало в голове.

Но сверху лишь заорали, вдавливая сильнее электрическую дубинку в живот:

— Шестьдесят секунд шокера! Пятьдесят девять. Пятьдесят восемь. Пятьдесят семь!..

Поза 5 **Таинственный ариец**

Место неизвестно. Время неизвестно

Три!!! Две!! Одна!

Шестьдесят секунд кончились.

Тело вздрогнуло, и веки поднялись.

Катилина стоял на пустой площадке, открытой со всех сторон. Именно стоял. Учитывая его последнее лежачее положение, позиция удивляла. По периметру площадку ограничивали только тонкие деревянные столбы, увитые плющом. Легкий ветерок колыхал на его теле тонкое платье из ситца, обнажая ненароком мягкие нежные плечи. На ногах покоились невесомые сандалии, а под ногами лежали гладкие доски, явно отполированные временем и ступнями.

«Итак, — констатировал сам себе Катилина, — я по-прежнему женщина. Однако место, положение и одежда другие. Какого черта?» Мысль эта необычайно торопливо промчалась в его голове, ибо обстановка располагала...

К страху!

За спиной кашлянули. Кавалерист-девица резко обернулся и увидел перед собой высокого блондина. У незнакомца наблюдались очень светлые волосы, красивый прямой нос, ямочка на подбородке... Перед ней стояла, знаете ли, «типичная арийская личность».

Что?! Катилина просто не верил своим глазам!

Перед ним был сам шеф Артели, коммерческий директор проститутской школы, который только что произносил речь в Актовом зале!

Удивленно раскрыв хорошенький ротик, Катилина подавил вызванный удивлением испуг и наклонил голову, всматриваясь в черты стоящего перед ним человека. Неужели действительно господин Артели?!

Пожалуй, что нет, все-таки — нет! Но очень, очень похож. Глаза у Артели были серые под мокрый асфальт, а у этого «нового» арийца — полны бриллиантовой бездны, как высокое небо над их головами, зеленые и неподвижные. Какие яркие Цвета живут в этих глазах! Тоже клон?

— День добрый, сударыня, — поприветствовал легата изумрудноглазый незнакомец.

Катилина молчал. Внезапно, как после резкого пробуждения ото сна, он вспомнил последние шестьдесят секунд своей поганой жизни. Шокер, упершийся в пупок, и ненависть, трепыхающуюся в сердце.

Блондин подошел поближе и пощелкал перед его лицом (или все же ее лицом?) своими длинными красивыми пальцами. Щелк-щелк.

— Эгей, сударыня, приходите в себя. Вы уже здесь?

Тело Катилины медленно отступило.

— Здесь — это где? — упрямо спросил легат.

— Хо! — ответил «арийская личность». — Вы задали отличный вопрос. Я вижу, мадам, вы вполне ожили. Это место обычно называют контактным центром. Ваше настоящее прекрасное тело лежит сейчас в тысячах кластеров отсюда в вашей родной Высшей Школе кластера Седан. Здесь — находится только реплика сознания.

— Значит, я сплю?

— Ну что вы! — Блондин выгнул брови и рассмеялся. — Я полагаю, адекватный

человек вполне способен различить сон и явь. Вы ведь адекватны? Значит, должны видеть отличия. Во сне сознание несколько затуманено, событийная линия крайне алогична и вообще... во сне невозможно определить, что ты спишь. Так что нет, сударыня, это определенно не сон. С другой стороны, если вы обратите внимание на некоторые особенности декорирования данного контактного центра, то вполне осознаете, что это, в общем-то, и не совсем явь. Вон взгляните, — он протянул руку вверх, — облака на небе не двигаются, что говорит об их ненатуральности. Дует ветер, но деревья вдали не шевелятся. Все это грубая, дешевая иллюзия, специальная программа для удаленного общения — контактный центр! Разумеется, при желании можно оформить декорации контактного центра так, что вы не отличите их от настоящих. Вот только зачем? Фальшивые облака и трава нужны, чтобы мы не беседовали с вами в абсолютно пустом пространстве, не более. Суть не в картинке. Суть — в общении.

Блондин развел руками и, как бы смущаясь, добавил:

— Однако, как бы ни были плохи декорации, я говорю с вами вполне по-настоящему, на вполне конкретные темы, и общение наше — это объективная реальность. Это единственное, что имеет сейчас значение.

Катилина втянул голову в плечи. Объективная реальность? Дерьмо — новый чудесный мир на этот раз начал его по-настоящему доставать!

А вы, собственно, кто? — буркнул он с ненавистью, в очередной раз прокляв свой прекрасный женский голосок, совсем не похожий на привычный ему гортанный мужской выговор. — Вас зовут не Артели, случаем?

Казалось, блондин искренне удивился.

— Зовут? Нет, не Артели. А кто такой, позвольте спросить, этот ваш Артели?

— Шеф нашей школы. На вас очень похож.

Блондин повеселел.

— Серьезно? Ну, это просто совпадение. Вы знаете, очень часто в палатах Хеб-седа в разных концах вселенной поставщики предлагают одни и те же тела для реинкарнации. В результате покупатели часто выбирают одинаковые оболочки. Некоторые — из-за недостатка средств для заказа оригинального варианта, а некоторые — просто потому, что руки не доходят до тщательного выбора. Не скажу, что я сильно напрягался, выбирая себе эту внешность из дизайнерского каталога. Можно сказать, взял первое, что попало. В конце концов два тела отличаются друг от друга не более чем два пиджака...

Он покивал, как бы подкрепляя этим бессмысленным жестом свои слова.

— Но будьте покойны, — заверил блондин, — я не имею к вашему Артели ни малейшего отношения. Впрочем, мое собственное имя вам также мало что скажет, мадам. Вы ведь новичок в нашей вселенной, не так ли? Меня зовут Эс Си Рукс. Но для друзей я просто Саймон, или Си. Вы можете называть меня так. Я специалист по подготовке экстрасенсов «тшеди» и в определенных кругах пользуюсь достаточной известностью, обусловленной участием во многих именитых проектах. Вы, кстати, мой следующий проект.

— Даже так?! — Катилина искренне удивился.

Ненависть ушла, отступая перед натиском любопытства. Неужели ответ на все его вопросы находится настолько близко? «Хорошо, — сказал он себе, — спокойно!»

Подавляя вспыхнувшие в голове эмоции, легат отвернулся от говорливого «арийца», манера общения которого немного сбивала с толку, и осмотрелся по сторонам. Действительно, при внимательном наблюдении ненатуральность окружающего пасторального пейзажа оказывалась очевидной, ибо имитация природы была сделана очень грубо. Деревья качались не так, как дул ветер, а удаленные объекты вообще состояли из точек-пикселей, как изображение на экране монитора...

«Ого! Вот и новые слова, которые я знаю, — подумал он. „Пиксель“ и „монитор“. Интересно, что это такое?»

— Интересно... — повторил Катилина вслух, не поворачивая лица к собеседнику. — Значит, я — ваш следующий проект. Объяснитесь?!

— Тут нечего объяснять, — ответил Эс Си Рукс и присел на скамью, грубо нарисованную в углу беседки. — Подумайте, познакомьтесь с вашей новой родиной поближе, узнайте, кто такие тшеди, и вы все с легкостью уразумеете все сами. Моя Функция в отношении вас, сударыня, достаточно проста и прозрачна. Я ваш э-э... гид. Скажем так, проводник на пути к совершенству. Я не обязан вам что-либо пояснять, мне за это не платят. Моя обязанность — довести до конца ваше изготовление, не более того. В этом смысле я, скорее, похож на программиста, загружающего софт в машину, а вовсе не на учителя.

Блондин вздохнул.

— Наша встреча в контактном центре — лишь первый шаг на этом до-о-лгом пути, — продолжил он. — Так что будьте внимательны. Сейчас у меня есть к вам одна конкретная просьба, один короткий рассказ, один дельный совет и один хороший подарок. Объяснения же я постараюсь дать по ходу дела. Давайте покончим с необходимым, и я, с вашего позволения, удалюсь до следующего раза. А у вас будет время все обдумать. Ну-с, с чего начнем?

Катилина скривился, но тут же одернул себя. Все-таки внешне он — женщина, а раз так, не следует гримасничать. Со стороны он себя, конечно, не видел, но ему подумалось, что звериный мужской оскал на красивом женском лице должен выглядеть несуразно и отвратительно.

— Просьба, рассказ, совет и подарок? — переспросил он. — Пожалуй, давайте с подарка.

Блондин Саймон по фамилии Рукс с пониманием дела кивнул и протянул маленький пластиковый пакетик. Внутри, на самом дне валялась бляшка из металла, внешне похожего на бронзу.

— Мой подарок — это химическая пластинка, — заявил Саймон. — Что-то вроде таблетки, но не для приема внутрь, а для наружного применения. Ее необходимо прикрепить куда-нибудь на тело, лучше — поближе к правому виску, но можно и на лоб и даже на щеку, чтобы содержимое препарата впиталось в вашу кровь через кожу. Коль скоро мы находимся в виртуальном контактном центре, вы понимаете, что это — всего лишь программный аналог настоящей химии. Вы спросите, для чего она нужна? Отвечу!

Я вызвал ваше сознание в личный контактный центр по двум причинам. Во-первых, до того как вам прикрепили шунт на висок, вы не были подключены к Сети, а значит, по определению не были способны сюда перенестись. Во-вторых, переносить ваше сознание сюда или в любое другое виртуальное место внутри Сети Корпорации я могу только в те мгновения, когда вы не находитесь под наблюдением системы слежения в самой Школе. В данном случае — во время удара шокера. Когда человека бьют шокером, ни один прибор не в состоянии следить за его матрицей. И пока вы дрожите там в конвульсиях, мы можем разговаривать в виртуале...

Катилина поднял глаза:

— Вы хотите сказать, что я до сих пор нахожусь под экзекуцией? Меня все это время пытаются электрической дубинкой?!

— Это же контактный центр, виртуальное пространство! — возразил Рукс. — И время здесь течет по-иному. Я изъяс вас всего на пару секунд. А здесь у нас будет примерно минут десять, чтобы поговорить, а потом вне зависимости от результатов разговора вы вернетесь обратно в собственное тело. Да, о чем я? Собственное тело вы и не покидали, просто информация о нашей беседе поступает к вам в голову через нейроразъем. Я же в данный момент нахожусь дома и общаюсь с вами через электронный узел в СИНК. Вот как обстоят дела!

— Понятно. А что такое СИНК?

— Это аббревиатура: Сеть Информации Нуль-Корпорации, или просто Сеть. Сверхмасштабная система связи, передачи данных, управления и контроля над населением. Вам это знакомо?

— Нет, — потрясенно помотал головой Катилина, — но опять же каким-то непонятным

образом я понимаю, о чем вы говорите.

— Ничего удивительного, когда-то вы все это знали...

— Так расскажите же мне! Где и когда я знала об этом? Кто я? Кто такой Катилина?

— Катилина? В первый раз слышу это странное имя. Но мы отвлекаемся, сударыня, а минуты уходят. Давайте для праздных рассказов я выделю вам время позже. А сейчас — к делу.

— Позже? — опять вспыхнул легат. — Во время следующей экзекуции?

Но Рукс не услышал или пропустил его слова мимо ушей. Он быстро распечатал пакетик, достал химическую пластинку (вернее ее виртуальный аналог) и вложил в руку бывшему катафрактарию.

— Возьмите, приложите к виску, не теряйте времени. Программа пластинки активирует ваш шунт по-настоящему. Если вы успели побеседовать с сокамерницами о новом мире, вам должно быть известно, что население этого Искусственного Мироздания состоит из трех категорий людей. Клонов-агнатов, то есть рабов, воскрешенных корпорацией по контракту, клонов-когнатов, то есть свободных, умудрившихся заработать на бессмертие, не превращаясь в раба, а также демиургов Нуля, то есть владельцев акций Нуль-Синтеза, в своем большинстве — безумных и пресыщенных рантье.

Как вам должно быть уже известно, каждый из живущих в современном нам мире, вне зависимости от своего статуса имеет в правой боковой доле черепа нервный разъем или нейрошунт, для краткости называемый «шунтом». Этот шунт позволяет осуществлять прямое взаимодействие между СИНК, внесетевой компьютерной техникой и человеческим мозгом. Шунт работает бесконтактно, невероятно быстро и позволяет осуществлять передачу огромного объема данных практически на любом расстоянии в пределах Вселенных Нуля.

Но! У каждой из названных мной категорий населения шунт имеет разное программное наполнение. И если для демиургов-акционеров шунт означает почти божественную власть, то для когнатов и тем более агнатов-рабов он представляет в основном систему контроля, ограниченную по своим функциям.

Программа «химической пластинки» позволит вам, сударыня, выходить в Сеть, знакомиться с информацией и делать очень многое другое из тех вещей, что обычным рабыням не доступны. Причем так, что ни одно устройство, кроме особо настроенных, ничего не заметит. Конечно, демиургом Нуля этот прибор вас не сделает, но над уровнем обычных агнатов поднимет неимоверно. Подобные «скрытые» коммуникационные программы запрещены, а потому засекречены и безумно дороги. Не упустите свой шанс, дорогая, прикладывайте!

Немного опешивший от скоростной проповеди незнакомца легат Катилина при последнем возгласе собеседника автоматически сжал свой кулак. Но прикладывать пластинку к виску не спешил.

— Допустим, с подарком понятно, — произнес он негромко. — Вы говорили что-то еще о коротком рассказе, маленькой просьбе и дельном совете. Я слушаю.

Рукс кивнул.

— Рассказ уже был, — начал он, — про шунт, про информационную Сеть и когнатов. Просьба проста — не рассказывайте о нашей встрече никому, до тех пор, пока сами для себя не составите полную картину происходящего. Это нужно не мне, скорее вам самой... Что же касается совета, то тут скажу так: эта встреча немного неожиданна для меня! Я полагал, что мы встретимся с вами не раньше чем через несколько дней, а вышло — практически сразу после вашего шунтования. О чем это говорит? О том, что вы весьма не сдержаны в общении с персоналом Высшей школы и слишком смелы... И много рискуете! Очень редко встретишь секс-агнатку, которая умудрилась бы заработать наказание шокером сразу после первого собрания в Школе наложниц.

— Будьте сдержанней — вот мой вам совет! Терпение — это главное достоинство всякой рабыни, а для вас, для неинициированного тшеди, это вообще элемент выживания...

Вы понимаете?

Катилина раззявил рот, чтобы спросить, кто такие эти проклятые тшеди, но в это мгновение Саймон вдруг вскинул локоть и взглянул на часы.

— Ага, время вышло, — воскликнул он. — Ну что же, до встречи. В следующий раз, когда вас надолго припечатает шокером, я буду с вами. По крайней мере постараюсь.

И, схватив Катилину за руку, он разжал маленький женский кулак, сграбастал «пластинку» и одним коротким движением прихлопнул ей на лоб.

— Полная активация произойдет примерно через сутки, — сказал он на прощание. — Удачных впечатлений!

В следующее мгновение беседка с плющом растворилась в накрывшей все тьме.

Три!!! Две!! Одна...

Шестьдесят секунд кончились.

Тело вздрогнуло, и глаза открылись...

* * *

Флавий... Аэций... Катилина...

Он был весь в красном, в алом и в золотом.

В темной лодке под яркими парусами. В море крови под звездами из рубинов.

Тягучая кровь! Она пульсировала под волной, как будто накрытая сверху тонкой, прозрачной пленкой. Резала его глаза могучим и мощным потоком, скручивающимся под «пленкой» каким-то диким, неистовыми торнадо. Но здесь, наверху, в лодке, царила лишь уютная тишина...

Полностью Катилина пришел в себя только через несколько минут после экзекуции, по пути из Актового зала в секцию личных камер.

Сознание бывшего кавалериста блуждало все это время где-то вдали от тела темными лабиринтами, а это самое тело медленно и совершенно независимо от сознания послушно передвигало ноги, опираясь на плечи подруг по правду.

Кряхтя от напряжения и немного ругаясь, Мерелин и Роксана тащили обслонявленную жертву шокера по коридору. Сопровождавшие вереницу рабынь мужики из охраны только забавлялись. Их крупные тела весом под центнер — мелких тут не было — содрогались от смеха, когда две тонкие фигурки наложниц проносили между ними скрюченную третью.

Во время пути Катилина почти ничего не видел. Тройное применение шокера всего за один день — доза, способная свалить даже слона. Однако плоть наложниц не являлась примитивной плотью животных. Генная модификация сделала свое дело, и порог адаптации у женщин-клонов был более чем велик. Нет, боль они чувствовали так же, как и обычные, не обработанные инженерами-генетиками примитивные живорожденные натуралы, но вот избавиться от последствий шока, от ран, болезней, отравления — с этим у роскошнотелых агнатов все обстояло гораздо проще.

Медленно раздвинув веки и еле шевеля сведенными судорогой мышцами подрагивающей шеи, кавалерист-девица медленно осмотрелся вокруг.

Картинки сливались и накладывались друг на друга. Несмотря на вернувшееся в череп сознание, в глазах еще прыгали маленькие искорки как при сильном ударе головой о что-то твердое. Это, видимо, последствия действия махейра, предположил Катилина, а раз так, то они вскоре пройдут, нужно просто потерпеть.

Но внезапно бывшего катафрактария обеспокоило кое-что еще. В правой секции его зрительного поля обреталось странное нечто. Красноватое, дрожащее, походившее на увеличенный человеческий зрачок или уменьшенную до миллиметров десяти в диаметре мишень для стрелков.

Нечто интенсивно мигало.

Катилина помотал головой, пытаясь отогнать наваждение, однако совершенно без толку. Красный глаз упорно отказывался превращаться в остаточный синдром после удара и

продолжал равномерно пульсировать.

«Очевидно, я схожу с ума», — спокойно подумал катафрактарий.

Сквозь туман и тупую боль, пульсирующую в висках, экс-легат пытался смотреть вокруг. Картинки по-прежнему прыгали внутри его черепа, не умекаясь и выскакивая из головы за каждым следующим поворотом, и все же теперь это движение стало спокойнее, и кое-что он смог уловить.

С момента выхода из «отстойника» Катилину, прежде всего, по вполне понятным причинам интересовала геометрическая структура Высшей школы — ведь если отсюда предстояло бежать, то необходимо знать, куда, в каком направлении, в какую сторону и как долго.

В этом смысле наблюдения обескураживали. Еще в Актовом зале, а также по пути к нему из собственного отстойника (Мерелин называла эту часть Высшей школы «Секцией адаптационных камер») Катилина отметил некую странную особенность. В Актовый зал вело множество коридоров с разных направлений и под разным углом к его стенам. Коридоры стекались к Актовому залу со всех сторон, словно лучики морской звезды. То, что коридоры стремились к актовому залу не под прямым углом, а как бы от периметра круга к центру, должно было означать, что помещения, входы в которые размещались в коридорах, должны иметь неправильную форму. Вероятнее всего — форму неправильных многоугольников или, в лучшем случае, трапеций. Однако все отстойники являлись сферами, а вовсе не многоугольниками!

Смущало и другое. Ширина отстойников вряд ли превышала десять метров в диаметре. Однако расстояние между дверями отстойников в коридоре даже на самый беглый взгляд казалось существенно больше этих несчастных десяти метров.

Учитывая все это, Катилина без труда рассчитал, что общая структура Актового зала и прилегающих к нему коридоров с адаптационными камерами должна, таким образом, походить на «снежинку»: большое помещение в центре, а от него во все стороны разбегаются прямые лучи. От лучей в свою очередь отходят маленькие «лучики», на каждом из лучиков — точка, то есть помещение отстойника. Но тогда выходило, что между «лучами», «лучиками» и «точками» не существовало стен, по крайней мере в привычном понимании этого слова. Со всех сторон их окружала некая сплошная твердь, а стен-перегородок — просто не существовало! Получалось, что ни одно из помещений не соприкасается с другим, а соединено только узкой линией коридора.

Все это еще можно было понять, если бы помещения Высшей школы располагались под землей, тогда можно было бы думать, что они просто вырыты в грунте. Однако Мерелин уверяла их с Роксаной, что школа расположена внутри космического планетоида! Зачем же тогда такая жуткая растрата внутреннего объема?

Тогда, в коридорах Секции адаптационных камер и в Актовом зале, Катилина не придавал этому открытию большого значения, заключив, что между «точками» вероятнее всего находятся дополнительные «кривые» помещения, входы в которые ведут из каких-то других коридоров. Однако сейчас, болтаясь на руках у подруг и с трудом ворочая пудовой головой по сторонам, он с ужасом осознал, что в Секции личных комнат повторяется та же геометрическая структура!

Коридор, по которому ее тащили подруги, кончился новым обширным холлом, из которого под разными углами во всех направлениях отходили новые «лучи». Лучей было пять — ровно по количеству классов 725-го курса.

Евнухи недолго порядились между собой, затем, видимо оговорив распределение классов курса по камерам, начали «развод». Каждому классу указывался отдельный коридорчик, также заканчивавшийся небольшим общим холлом с диванами. Из этого холла во все стороны опять уходили еще более узкие коридорчики. В них наконец и стали разводить прайды.

«Прайдовые» коридоры в свою очередь упирались в общий холл, еще меньший, чем «холл класса». По периметру этого последнего помещения уже размещались двери в личную

комнату каждой агнатки. Комнаты помечались табличками на дверях: «альфа», «бета», «гамма», «дельта» и «эпсилон» — в соответствии с приставкой в имени каждой из рабынь внутри прайда. Что это означало — оставалось по-прежнему непонятным.

Отгоняя послешоковый дурман и удивление, Катилина покачал головой. После непродолжительного логического анализа он без труда прорисовал в своем воображении нехитрые геометрические построения, которые смогли бы отразить в виде схемы Секцию личных комнат. Ее помещения, если сравнивать их, например, с Секцией адаптационных камер, представляли собой «суперснежинку». Центральный холл, лучи, общий холл для каждого класса, еще лучи, общий холл для каждого прайда, еще лучи, общая комната прайда и, наконец, личные комнаты девушек.

Что за здание может вместить в себя подобную безумную структуру?

Все это просто вводило его в ступор.

«Суперснежинка» личных комнат соединялась со «снежинкой адаптационных камер» единым коридором. Он, однако, изгибался где-то на середине пути, как будто оба луча сходились друг с другом. В месте сгиба, в сторону отходил еще один коридор, что было логично — ведь из системы «снежинка-суперснежинка» должен был иметься какой-то выход. Логика дорисовывала, как этот коридор где-то вдали выходит еще в один холл, в который стекаются новые и новые коридоры...

Катилина отогнал эту картину как наваждение. То, что он видел, не укладывалось в голове. Где-то тут скрывался явный подвох — надземные помещения не могли иметь подобной схемы построения без стен, поскольку при такой структуре совершенно безосновательно расходовалось очень много свободного места, что просто противоречило нормальной человеческой логике.

Еще более этой логике противоречила подобная трата места в космическом планетоиде, ведь, как он уже понимал, пространство там должно очень высоко цениться. Даже если у Корпорации есть Нуль-синтез и все производится бесплатно, возводить такие громадные сооружения и использовать только часть их внутреннего объема просто глупо. И, следовательно, что-то здесь было явно не так.

С такими мыслями, опираясь на плечи подруг по несчастью, Катилина дотащился до собственной камеры. Еле передвигая ноги, он заполз внутрь своего нового обиталища, грохнулся на что-то мягкое и почти мгновенно провалился в сон...

Окончательно он пришел в себя только спустя полчаса, так, по крайней мере, сообщали большие электронные часы, висящие на стене. В самом начале Мерелин и Роксана вроде бы немного посидели рядом с ним, что-то говорили ему, пытались поддержать, а потом ушли.

Катилина прекрасно помнил, что на обустройство в новых жилищах секс-агнаткам выделили ровно час. В принципе, этого было более чем достаточно. Вещей у них не имелось, а потому разбирать и раскладывать в комнате им ничего не требовалось. Время предназначалось в основном на ознакомление с жилищем, на непосредственное распределение номеров между тремя сотнями учениц курса, на установку евнухами личных кодировок на двери каждой комнаты, а также на совершение секс-агнатками перед началом занятий необходимых гигиенических процедур.

Еще в камере отстойника Мерелин объясняла подругам-прогам, что кодировки на дверях личных камер будут радиометрические, то есть настроенные на сигнал шунта каждой рабыни. Никаких ключей, отмычек и механических замков в Высшей школе не предусматривалось. Оставив бесплодные попытки, Катилина с трудом приподнялся на локте и обвел комнату мутным взором.

Перед прекрасными очами кавалерист-девицы предстали новые женские апартаменты, где предстояло обитать последующие полгода.

Даже на первый взгляд «личная комната» значительно отличалась от адаптационного отстойника. По крайней мере здесь имелась мебель — например кровать, на которой он возлежал.

Теоретически, Катилине следовало торопиться, ведь большая часть времени,

выделенного на осмотр комнаты и размещение в ней, уже прошла. Совершив почти нечеловеческое усилие, Катилина встал. Голова кружилась, в горле булькала тошнота. Подавив оба неуместных на данный момент рефlekса, легат сделал шаг левой. Затем, чуть покачиваясь, правой. Как бы там ни было, сон пошел на пользу, по крайней мере он мог самостоятельно ходить, не опираясь на нежные плечики сексапильных подружек. Это обнадеживало.

В целом стилистика помещения оставалась той же, что и в отстойнике: те же белые стены, те же убивающие глаз мягкие обводы помещения без углов. Автоматическая дверь с электронным замком и прочие «приятности» цивилизованного рабства.

Главное отличие новых жилищ состояло в том, что в личных комнатах девушки жили не всем прайдом, как в отстойнике, а по одной. В общем холле, куда выходили все двери их прайда, имелись два дивана, три креслица и стеклянные столики с глянцевыми журналами весьма фривольного содержания. Там девушки могли общаться между собой в свободное время, которого, впрочем, в процессе обучения предполагалось совсем не много. И в холле, и в коридорах, и в личных комнатах к вящему удовольствию извращенцев, буде такие найдутся среди евнухов персонала, оказались установлены видеокамеры, в постоянном режиме фиксирующие все, что происходило внутри общежития для наложниц. Все это Катилина узнал чуть позже, а сейчас его интересовали прежде всего собственные новообетенные апартаменты. Наводящих на размышления предметов тут имелось множество.

Например, внутри «личной комнаты» не оказалось ни одного предмета, способного причинить человеку вред. По крайней мере, усмехнулся Катилина, так полагали охранники. Вся мебель в комнате оказалась стационарной, ее невозможно было ни сдвинуть, ни приподнять.

Из мебели, кроме вышеупомянутой кровати, в частности, имелись: узкое кресло, намертво приделанное к полу; тумба, также закрепленная на полу и стене; встроенный шкаф с синтезатором для одежды и хрупкими пластмассовыми вешалками.

И все — ни стола, ни стульев, ни кухонной утвари обстановка не предусматривала.

Вешалки внутри встроенного шкафа оказались практически пустыми, поскольку кроме прежних джерси и шорт начальным классам ничего не полагалось. Еще в адаптационной камере Мерелин объяснила им с Роксаной, что немного позже девушкам выдадут индивидуальные наряды, кое-что из белья, а также открытую обувь на шпильке, чтобы дефилировать на рабовладельческих аукционах, но случится это не раньше, чем их класс закончит первый курс обучения.

А вот косметику и средства ухода им выдавать не будут, да и зачем они? Прекрасные лица секс-агнатов украшались «вечным визажем» еще при клонировании — самой пигментацией кожи, расцветкой век, немеркнущих губ, удлиненных ресниц, тонких крыльев бровей...

Вспомнив недавнюю беседу в контактном центре с неизвестным деятелем по имени Саймон Рукс, Катилина присел на кровати и испуганно коснулся своего лба, на который зеленоглазый двойник шефа Артели приклеил химическую пластинку.

Конечно же он ничего там не обнаружил — кожа была чиста.

Впрочем, пластинка это просто символ, чего он ожидал? Вероятно, на самом деле Рукс влил в его шунт скрытую коммуникационную программу...

Катилина резко дотронулся до шапки нейро-разъема, словно пытался проникнуть внутрь, погладил висок... Ничего не чувствовалось. Активация через сутки, так, кажется, говорил его виртуальный собеседник? В одном незнакомец прав: их беседа, видение беседки с плющом, а также сам блондинистый ариец были слишком реальны, чтобы оказаться бредом.

«Хорошо, — решил про себя Катилина, — сутки я подожду. В том числе и с вопросами».

С этими жизнеутверждающими мыслями он откинул в сторону воспоминания о Руксе и

продолжил осмотр личной комнаты.

Оказалось, личная камера секс-агнатки вмещала кроме общей комнаты вполне приличный санузел с душем и туалетом. В индивидуальном жилище, таким образом, имелось две двери: одна — наружу, с замком; вторая — в санузел и без замка. Обе двери казались сделанными из пластика. Все выглядело предельно просто, но практично — чисто и гигиенично. Санитарное помещение было отделано декоративной керамической плиткой, а основная комната — пластиковыми панелями, а одна стена в ней представляла целиком большое зеркало. В связи с наличием клозета в «индивидуальных» помещениях пол был обычным, слава богу, без функции утилизации.

В санузле нашлось множество мелких предметов — зубная щетка, губка, мыло, расческа, в шкафчике рядом с душевой кабиной — разнокалиберные полотенца и даже постельное белье. А под раковиной Катилина обнаружил мусорное ведро с пластиковым пакетом.

Все вещи, используемые предполагаемой обитательницей комнаты, если они не закреплялись на полу и стенах, являлись разовыми. Не только уже ставшая привычной «бумажная» одежда, но и полотенца, и простыни — все. Только пищевых пластинок новый синтезатор не производил, поскольку питаться полагалось в столовой.

Закончив осмотр, Катилина снова повалился на кровать. Он прикрыл глаза и тут с удивлением обнаружил любопытное явление — то странное «нечто» в форме глаза-мишени, что висело справа перед лицом, исчезало, как только он закрывал глаза, и вновь появлялась — когда он их открывал!

Примерно минуту удивленный легат экспериментировал, хлопая своими новыми чудными и восхитительно длинными ресницами — эффект повторялся без изменений.

Решив, что имеет дело все же с неким отпечатком на глазной радужке, который просто не виден в темноте при опущенных веках, Катилина выбросил красное пятно из головы. Он с удовольствием закрыл глаза («мишень-глаз» исчезла) и провалился на матрасе без движения остаток отпущенного свободного времени.

Вскоре за ним зашла Мерелин, и вместе с Лилит и Роксаной (вредная Эффи уже ушла в столовую одна) весь «девятнадцатый» женский прайд отправился на первый завтрак в своем новом обиталище.

Поза 6 **Мироздание от Мерелин**

Кластер Седан. Индустриальный центр АТ № 166. Высшая Школа Артели. Столовая женских прайдов. Десять минут спустя

Длинный коридор, по которому девушки вышли из «сверхснежинки» секции личных комнат, привел их к новому более широкому коридору, ответвляющемуся от места соединения со «снежинкой» Актового зала и адаптационных камер. Эта линия, проследовав почти через двести метров стальных недр 166-го ИЦа, вывела женский прайд к святой святых всякого общественного заведения, а именно — к столовой. В рабский общепит с разных сторон стекались новые коридоры, похожие на тот, по которому они сюда пришли; по всей видимости, они вели к «снежинкам» других курсов. Так же как из актового зала и из общего холла 725-го курса, из столовой помимо «лучевых» коридоров, идущих от него под углом, один самый широкий коридор вел прямо. Посмотрев на этот огромный проем, Катилина мысленно развел руками и усмехнулся. Структура Высшей школы представала перед ним все более и более в банальном свете. Снежинка Актового зала и снежинка секции личных комнат были, судя по всему, частью еще большей снежинки. Вопрос, чем же заполнено пространство между всей этой паутиной из «лучей» и помещений, по-прежнему висел в воздухе.

Сама столовая для наложниц представляла собой гигантскую полусферу, на полу которой длинными рядами, кольцо за кольцом, размещались столики, рассчитанные на один прайд. Столиков, впрочем, стояло великое множество, так что садиться можно было хоть парами, хоть по одной.

От узкого и явно не предназначенного для людей проема в стене к центру круглого помещения тянулась прямая линия — то из кухни шел раздаточный стол, по которому на длинной ленте конвейера проплывало множество блюд, впрочем, достаточно однотипных и не вызывавших у Катилины восторга или аппетита.

Мерелин объяснила, что блюда в рабской столовой никто не готовит и соответственно не раздает и не убирает. За окошком в начале конвейера стоит аппарат Нуль-синтеза, он и производит все блюда из ничего, а в конце конвейера находится нуль-утилизатор, уничтожающий все, не взятое с ленты. Поэтому еда в столовой всегда свежая, только что приготовленная, с пылу, так сказать, с жару, если подобные аппетитные слова подходят к пойлу, которым их тут будут кормить. Лента, естественно, полностью автоматизирована, и персонала нет. За поведением агнатов, чтобы не бушевали, не били посуду и не ссорились друг с другом, следят камеры, а также примерно сотня охранников, стоящих по периметру столовой с махейрами и эстиметами в кобурах. Злить охранников не стоит, ведь шокер — то еще удовольствие. Ходите тихонько, говорите негромко, ешьте быстро, посуду после еды скидывайте в утилизатор, и вообще, долго не засиживайтесь за столом.

Катилина, опробовавший действие махейра на собственной шкуре, понятиливо кивнул, и девушки поспешили к раздаточному столу.

Закрепленная на нем скользящая лента оказалась на поверку многоэтажной. По нижней плыли небольшие подносы и посуда, по средней — основные блюда, по верхней — напитки и крекеры.

— Какая гадость! — покачала головой Роксана, когда они подошли ближе к раздаточной линии, миновав едва ли не десяток рядов со столиками. — Дома я бы даже смотреть на это не смогла.

— Ну и не смотри, ешь не глядя, — хихикнула Лилит.

— Спасибо. Смешно. — Рокси скептически покачала головой; у них с Лилит отношения категорически не складывались.

— Я говорю серьезно, — синеволосая мирно пожала плечами, — Рокси, ты просто еще не пробовала эту дрянь. На вкус она еще ужасней, чем выглядит. Так что если любоваться нашим обедом, то точно не съешь.

Катилина молча дождался своей очереди и подошел к конвейеру. Там сложил на поднос еду: блюдо с крекерами, тарелку с прозрачным овощным бульоном и глубокую одноразовую емкость цилиндрической формы — то ли пластмассовый фужер, то ли стакан со странной мутноватой жидкостью белесого цвета. В меню значилось, что в фужере находится «сбитень», а также прописывалось количество килокалорий, витаминов и микроэлементов.

В который раз легат отметил про себя, что неизвестно откуда знает значение слов «килокалории», «витамины» и «микроэлементы». Уже ничему не удивляясь, он мысленно пожал плечами, не спеша изучил данные меню и мысленно прикинул — с витаминами и микроэлементами выходило не плохо, список был указан достойный. А вот с калориями — просто беда: в еде их содержался минимум.

Бывший кавалерист и военный, привычный, естественно, к другому пищевому рациону, неуверенно попробовал жидкость на вкус. Лилит оказалась права — действительно, жидкость оказалась безвкусным дерьмом. Как говорится, натуральный продукт: сода, песок и известь, вот и все вкусовые ощущения. Однако наверняка ложные — ведь не травят их тут таких дорогих и красивых, на самом деле?

Девушки прошли за ближайший стол и сели там вчетвером — Эффи ела отдельно.

Молча пили и грызли крекеры, Катилина думал. В голове его роилось множество вопросов, прежде всего связанных с видением во время болевого шока, с разговором в

контактном центре с блондинистым незнакомцем. Слова «шунт», «тшеди», «когнаты», «агнаты» «демиурги Нуля» мучили его душу до боли в висках.

«И все же, — решил легат, — расспрашивать следует по порядку, не торопясь...»

— Мерелин? — спросил он, решительно отложив ложку в сторону.

— Чего? — отозвалась старшая подруга.

— Обычное дело, — начал Катилина, улыбнувшись, — хочу спросить, как всегда... Ты можешь пояснить, что говорил на собрании этот изверг, Деморти? — Катилина отодвинул к ложке фужер со сбитнем и потер рукой висок с нейрошунтом. — Что он имел в виду под «этикой поведения» и — как там? — «позициями покорности»... так кажется?

— Именно, — неожиданно оживилась и поддакнула ему Рокси. — А еще нам интересно, как проходят занятия с фетишами и в чем состоят тренировки по психологической устойчивости. Мэри, что это еще за дрянь?

Мерелин деликатно дожевала крекер, глотнула сбитень и с тоской посмотрела на подружек.

«Господи, как все же хороша!» — подумал в этот момент Катилина. Столь чувственные губы, столь мягкая бархатистость щек! Высокая шея, платиновые волосы, как будто растрепанные, ниспадающие на плечо задорными локонами. И прекрасный взгляд умных, печальных глаз.

Мэри качнула головой.

— Знаете, девчонки, — ответила она задумчиво, — вам лучше не вдаваться в такие подробности, ей-богу. Первые занятия начинаются уже сегодня, и, поверьте, скоро вы станете более чем знатоками в этой области. А если конкретно.... неужели вы и правда не догадываетесь, что собой будет представлять наше обучение, после всего что случилось?

Она вздохнула и изящным движением смахнула пальцами локонов со лба.

— Фетиш-тренинг?.. Напряги фантазию, Роксана. Напрягла? Теперь добавь чуть-чуть жути и представь, что все это делает с тобой господин евнух Деморти. Наш добрый господин евнух Деморти. Представила? Вот именно это и будет с нами, в самых немыслимых и жутких комбинациях. А по поводу психологической устойчивости лучше вообще не спрашивайте. Даже вспоминать не хочется. Просто запомните, мы — дерьмо. Расходный материал. С нами можно делать все что хочешь, пока срок контракта не истек.

Но самое главное — убить нас они не могут! Только искалечить. Но даже если кто-нибудь из учениц умрет в процессе обучения или тренировок, ее тело будет восстановлено за счет Нуль-Корпорации. А значит, пока мы здесь — мы бессмертны! Постарайтесь отнестись к нашей Школе как к жестокой, дурной, грязной игре больных мужиков-шизофреников, помешанных на сексе и насилии. Игре, от которой тянет рвать, но которая в любом случае имеет конец. Нужно просто дождаться. Вытерпеть и дожить! Иначе — выгонят из школы и... дисквалифицируют... — Мерелин развела Руками. — А хуже потери квалификации в нашей профессии и представить себе нельзя. Надеюсь, вы мне верите.

Роксана заткнулась под впечатлением, произведенным словами Мерелин, однако экс-легат старался вычерпывать из потока словесной информации только голые факты и отбрасывать в сторону эмоциональную часть. «Терпение? — задумался он. — Хм, кажется, мне уже сегодня советовали нечто подобное».

— А в чем заключается потеря квалификации? — поинтересовался он вслух. — По мне это место — просто скотоферма. А значит, если выгонят — буду только рад.

— О да, — согласилась Мерелин. — Вопрос только в том, куда выгонят.

— И куда же?

— Если все выдержишь, то через шесть месяцев, как справедливо заметил шеф Артели, нас отправят на аукцион, с которого мы и последуем к покупателям. Возможно, если повезет, в частные коллекции демиургов Нуля. Возможно, если не повезет, в коммерческие бордели при епархиях и секторатах. Возможен, в принципе и усредненный вариант — в случае, если девушка попадет в руки владельцев-когнатов, накопивших деньги на наложницу, но... в любом случае все эти варианты приемлемы в той или иной степени.

Особенно привлекательным, как я уже говорила, является пункт номер один — гарем демиурга. В среднем такие гаремы насчитывают десятки, а иногда сотни тысяч наложниц. Сами понимаете, при такой численности сексуальных рабынь шанс увидеть и обслужить своего господина выпадает не чаще, чем раз в несколько лет, а в остальное время — безделье. Гаремные дворцы, сады, закрытые пляжи, ухоженные парки — время летит быстро. Впрочем, очень часто богачи устраивают охоты на надоевших наложниц с собачьей травлей и разрывными пулями, а иногда — замысловатые истязания и многодневные пытки. Однако... не все так страшно тут: отъявленными шизофрениками и маньяками по статистике являются не более десяти процентов демиургов, остальные — в этом смысле сравнительно нормальны. А вот если тебя дисквалифицируют...

— То «сотрут»? — предположил Катилина.

— Ты меня удивляешь! — воскликнула в ответ платиновая блондинка. — По-моему, давно пора догадаться, что в Нуль-Синтезе не принимают коммерчески не продуманных решений. Это же Корпорация, а не церковь, армия или общество защиты природы.

— Когда мы сидели в камере адаптации, Лилит сказала...

Я пошутила, — внезапно прокомментировала собственные слова синеволосая. — Это была глупая шутка, точнее недоговоренность. Ленъ было объяснять двум новеньким дурам про «дисквалификацию».

— Ну и? — Катилина пропустил «дур» мимо ушей. — Вы все-таки расскажете нам с Роксаной, что это за дрянь?

— Попробую, — согласилась Мерелин. — Дисквалификация происходит, когда тебя лишают статуса коммерческой наложницы, понимаешь? Ты не идешь на продажу, тебя больше не учат, ты не попадаешь на аукцион. Но на твоё тело уже потрачены деньги. Более того, на твою матрицу, чтобы там ни говорила Лилит (здесь Лилит фыркнула), деньги тоже потрачены. Убивать тебя или стирать матрицу было бы напрасным растрачиванием средств. А Нуль-Корпорация содержит значительные силы военных, флот, спасателей, поселенцев военных колониальных магистратур. Все они, как ты сама понимаешь — мужчины, и им тоже нужны женщины.

Катилина расхохотался.

— Обалдеть! — воскликнул он. — То есть дисквалифицированные наложницы становятся служебными шлюхами для военных? А может, это и лучше, а?

— Ты что, действительно настолько глупа? Там долго не живут. И смерть в армии не самая приятная.

— Ну как сказать, не самая приятная, — попыталась съязвить Лилит. — Я так полагаю, онидохнут там от переизбытка любви.

Мерелин решительно развернулась к ней:

— Слушай, заткнись, а? Ты думаешь, это повод для шуток?

— А от чего еще? Вояки грубо обращаются с дамами? Бьют или регулярно отстреливают использованных наложниц?

Блондинка пожала плечами:

— Я, знаешь, там не была, к счастью, а то бы не обсуждала сейчас эту поганую тему. Но слухи ходят, их много, и все они говорят про одно: жизнь армейских агнаток не сахар. Согласно официальной статистике, которую нам постоянно озвучивали, пугая дисквалификацией, средний срок жизни крепкой и физически здоровой наложницы в армии составляет один-два месяца. И адью! Понятно? Хватит об этом, тоже мне нашли предмет для сплетен...

Некоторое время после этой вспышки девушки молча ели, поскребывая алюминиевыми ложками по тарелкам.

Наконец Катилина, который, несмотря на голод, не ел, а обдумывал услышанное, прервал затянувшееся молчание.

— Мерелин, — снова позвал он, отодвигая в сторону еще и тарелку с бульоном, — знаешь, меня, в общем-то, не столько интересовала дисквалификация и фетиш-тренинг,

сколько кое-что другое. Я все же не понимаю устройство и функции Корпорации. Неужели мы с Роксаной действительно созданы в компьютере? Ты говоришь, что мы живем в Мире-После-Смерти, как бы в загробном царстве. Так существовали наши миры на самом деле или нет? Как соотносятся наши с Роксаной воспоминания о прошлом и все это? — он обвел рукой комнату.

— Никак, — процедила сквозь зубы златовласка, она все еще была зла. — Но ты правильно поняла: ваши с Роксаной миры — это фикция, что-то вроде компьютерных игр, виртуальная реальность. Однако она собрана из фрагментов, взятых из подлинной человеческой истории, закончившейся вместе с гибелью Естественного Мироздания. А на вопрос, настоящая ты личность или плод воображения — ответ себе сама. У новых прогов воспоминания Фрагментарны, однако постепенно память будет к тебе возвращаться, выстраиваясь в стройную картину. Если через некоторое время ты вспомнишь свой мир во всех подробностях, а свою жизнь — в последовательности событий, то можешь быть уверена, что ты — настоящий человек. А если не вспомнишь — значит, ты чья-то выдумка.

Но на самом деле особой разницы тут нет. В любом случае каждый прог — совершенно новый с биологической точки зрения организм, а программные миры — не более реальны сейчас, чем созданные природой и давно погибшие «естественные» вселенные Древней Земли. Программные миры используются клоноделами Корпорации с одной целью — для формирования внутри думающих машин полноценных человеческих личностей с памятью, образованием и культурой. Это делается, чтобы не тратиться на выращивание взрослых особей в нашем, реальном мире. Представь: ты вырастила клона. Чтобы в его разуме сформировался полноценный человек, потребуется то же самое время, что и маленькому ребенку для взросления, — пятнадцать, а может быть, двадцать лет. До этого срока свежесозданный клон будет недоразвитым дурачком или взрослым ребенком — называй, как тебе больше нравится. Кормить новых клонов двадцать лет, разумеется, экономически не выгодно — проще отказаться от клонирования и выращивать обычных детей. Теперь вы понимаете схему? Компьютерные матрицы выращиваются из соображений экономии. Формула довольно проста: вырастил клона — вложи ему в мозг зрелый разум и получи взрослого раба. Иначе никак. Кому нужны тела с мозгами новорожденных?

Катилина нахмурился. Идея использования компьютерных матриц для создания взрослых людей-рабов показалась ему смутно знакомой. И все же...

— Допустим, — согласился он. — Но почему тогда вы с Лилит и Эффи — не проги? Разве не проще делать прогами всех наложниц? И к чему тогда эта Высшая школа? Если вашей цивилизации доступен такой уровень технологий, не проще ли проводить обучение рабов внутри этих, как ты говоришь, «игр»? Запрограммировать определенное количество личностей, заранее склонных к терпению и покорности, а все ужасы обучения проводить с ними «внутри» программы. И все дела!

Блондинка оторвалась от тарелки. Немного помолчала. По выражению лица было видно, что подобные разговоры начали ее сильно доставать.

Во-первых, — пояснила старшая подруга, — технологии эти доступны вовсе не «нашей цивилизации». Моя родина и я лично не имеем никакого отношения к управлению тем ублюдочным монстром, что зовется Корпорацией Нулевого Синтеза, пожалуйста, не обобщай. А, во-вторых, у меня нет ответа на твой вопрос, прог, ибо я всего лишь сексагнатка, как и ты сама. Постельные игрушки не похищают в замыслы хозяев. Мы — живые вагины, и я не знаю! Но, как могу догадываться, видимо, им не проще.

— Наверное, тут дело в разнообразии, — неожиданно подала голос Лилит, воздев ложку, как указующий перст. — Видишь ли, Кэти, если делать всех наложниц «типовыми», то у покупателей, возможно, пропадет интерес к покупке. Ведь новая женщина интересна мужчине не только как тело — что он там не видел? — но и как новая личность!

— А вот это интересно, — неожиданно рассмеялся Катилина, позабавленный женским анализом мужских предпочтений. — То есть ты полагаешь, что покупателей наложниц интересует женская эрудиция и интеллект?

— Нет, разумеется.

— Душа может быть? О, может быть, любовь?!

— Иди к черту!

— Тогда о чем речь? Вот уж чего не ожидала услышать в этой обстановке тюрьмы, так это подобный душещипательный бред. Тем более от тебя, моя циничная Ли!

— Отстань, — возмутилась Лилит, — я говорю всего лишь о новизне. Не понятно? Когнатам и демиургам плевать на женские чувства и переживания, но каждый раз им хочется иметь новую бабу. Кэти, это же очевидно, как божий день! А новизна агнатки не измеряется только телом. Одна и та же наложница при желании господина может сменить хоть сто оболочек за год — если денег у хозяина хватит. А вот ее личность, душа, память — это совсем другое. Вот что ценится. Не мысли ее, не думы, а просто ощущения хозяина, получающего наслаждение от новой, незнакомой женщины! Конечно, о точных причинах появления среди нас наложниц-прогов нужно спросить у менеджеров, что оформляют заказы на каждую промышленную партию. Но мне кажется — это единственное объяснение. «Коммерческое», черт, как и все вокруг нас!

— Разумно, — согласился Катилина, тряхнув роскошными девичьими волосами, — допустим, принимается. С происхождением прогов более-менее ясно... — Он скосил глаза на Роксану — ту, похоже, трясло; очевидно, собственное происхождение не вполне устраивало бедняжку. — А что насчет наших контрактов? Может ли у нас быть какое-то иное будущее, кроме гарема?

Я понимаю, — продолжил он, — мы все — мертвы. Мы умерли, неважно, в программных мирах или в давно сгинувших «естественных». Корпорация возродила наши души, дала нам новые тела. И то, и другое мы должны отработать, как точно выразилась Рокси, «стоя на коленках или лежа на спине». Потом — свобода и пособие. Потом — смерть и новый контракт. И так — бесконечно. Допустим. Общую суть я поняла... Но как устроено общество этого мира? — Катилина облизал губы, поскольку подбирался к главному вопросу, ради которого затеял весь разговор. — Как в Нуль-Корпорации живут свободные когнаты? Кто такие тшеди и демиурги Нуля? Кто-нибудь может объяснить?

Старшие девушки молча переглянулись. Роксана моргнула — она явно не уразумела половину сказанного.

— Ты знаешь о тшеди? — глухо спросила Мерелин, несколько более напряженно, чем следовало при общении с младшей подругой.

— Почти ничего, — совершенно искренне развел руками Катилина, — но очень хочу узнать.

— Опять сверхпознания из глубин мозга? — настороженно посмотрела на него «наставница».

— Что-то вроде того, — согласился легат. — Скажи мне для начала, тшеди и демиурги Нуля — это одно и то же?

— Нет.

— Прекрасно, а то я уже начал подозревать себя в маразме. Но они как-то связаны между собой?

— Пожалуй... — Мерелин задумчиво отвернулась и накрутила на палец непослушный локон, — однако ... ты меня удивляешь. Впрочем, я расскажу, почему нет? В каком-то смысле, Кэти, я тебе соврала, тшеди и демиурги Нуля, как правило, едины в двух лицах. Но ... прямой зависимости тут нет. Словом «тшеди» называют экстрасенсов. Просто экстрасенсов. Не понимаешь? Это существа со сверхестественными способностями, они встречались среди людей всегда, иногда чаще, иногда реже. Слово «тшеди» происходит от какого-то древнего термина из мертвого языка, использовавшегося человечеством еще на Древней Земле. Слова «Хеб-сед», ишед, махейр, например, взяты из того же языка. Сейчас большинство высших чиновников Корпорации набирается из тшеди, то есть из экстрасенсов. А после службы большая часть из таких тшеди-эстрасенсов становится демиургами Нуля, то есть акционерами Корпорации. Вот и вся связь.

Тшеди также много среди свободных когнатов. И только агнаты-рабы не могут быть тшеди. Потому что это глупо. Тшеди слишком могущественны, чтобы подвергать их унижениям рабства. Поэтому и каком-то смысле можно сказать, что экстрасенсы-тшеди — это не просто люди, обладающие сверхспособностями. В условиях Корпорации принадлежность к тшеди — это, в основном, показатель статуса. Высших должностей и богатства могут добиться только экстрасенсы. А люди без сверхспособностей обычно обречены всю жизнь быть рабами. И, пожалуйста, больше меня не спрашивай об этом, — при этих словах лицо Мерелин исказила недобрая гримаса. — Знала я однажды одного тшеди, такой был ублюдок, какого поискать!.. В общем, получается так, что тшеди — это те, кому формально или неформально принадлежит власть над Нулем. Те, кто владеет этой мерзопакостной системой. Хотя к самому Нулю, как я понимаю, способности тшеди не имеют никакого отношения.

Блондинка помахала рукой, как бы подыскивая слова.

— Тшеди и Нуль-Корпорация, — продолжила она, — это совершенно разные вещи, независимые Друг от друга. Наука и техника Корпорации существуют отдельно, сверхспособности тшеди — отдельно. Просто чаще всего выходит так, что богатыми акционерами-демиургами становятся именно тшеди, поскольку у них больше возможностей для карьерного роста и обогащения, чем у «обычных» людей. Вот и все...

Катилина кивнул. Для начала, вернее, для самого начала, ответа Мерелин ему было более чем достаточно. «Значит, — подумал он, — тшеди — это всего лишь экстрасенсы». Как и слова «прог», «Хеб-сед», «клон», термин казался ему совершенно обычным и знакомым до невозможности, и, значит, понятным. Легат знал, кто такие экстрасенсы — всего лишь люди с необычными способностями, как правило, кстати, не слишком сильными. Преимущественно обладающие сверхчувствительностью, недоступной пяти привычным органам чувств, со способностью читать мысли или образы на расстоянии. В лучшем случае, то есть — в практическом плане, со способностями к гипнозу.

Все это не казалось Каталине чем-то особенно грозным, хоть немного сравнимым по эффективности с ударом примитивного палаша-спаты, проходящего сквозь ребра от плеча до пояса. Старое доброе железо, а уж тем более местные бластеры-эскаметы наверняка гарантируют неизмеримо большую мощь, чем экстрасенсорика.

И тем не менее с доводами Мерелин легат согласился полностью. Паранормальный дар экстрасенса, безусловно, должен был стремительно продвигать любого человека по карьерной лестнице, в бизнесе или на службе как в Нуль-Корпорации, так и в любом другом месте.

Картинка в результате вырисовывалась достаточно простой. По всему выходило, что Катилина является не кем иным, как... По крайней мере если он правильно понял Рукса. С другой стороны, Мерелин утверждает, что раб-агнат не может быть тшеди, а уж тем более не может быть тшеди созданная для унижений рабыня-проститутка. Но выходит — из правил могут встречаться исключения.

И все же что-то не совпадало. После памятного разговора с мистером Руксом ничего странного с легатом не происходило. Никаких сверхспособностей или же сверхчувств он в себе не ощущал. Попробовать, что ли, прочесть чьи-нибудь мысли? «Да нет, — оборвал он себя, — это просто бред!»

Отогнав смутные мысли и с отвращением посмотрев на остывшую еду в тарелке, Катилина вновь заставил себя сконцентрироваться на делах насущных.

— С тшеди понятно, — заявил он. — А демиурги Нуля — это, значит, акционеры Нуль-Корпорации? Не владельцы и хозяева?

— Что-то вроде того.

— А кто же тогда Бог Смерти? Ты ведь говорила, что это он является учредителем местной системы.

Так и есть, — Мерелин, похоже, «раскрутилась» на объяснения, а потому Катилина мог спрашивать что угодно. — Все решения по управлению Нуль-Корпорацией принимает лично

Бог Смерти. Он же — Учредитель. Так же как и название Корпорации, слово «Учредитель» пишется с заглавной буквы. Учредитель назначает главу правительства Нуль-Корпорации и утверждает предложенных им министров. Учредитель утверждает законы. Демиурги в этом смысле никто — они просто владеют акциями Корпорации. Каждая акция стоит безумных денег, и цена акций постоянно растет. Акция не дает демиургам право как-то влиять на управление Искусственным Мирозданием, но зато приносит им невероятное количество денег!

На каждую акцию ежемесячно начисляются сумасшедшие дивиденды. Демиурги Нуля, говоря проще, — это невероятные богатеи и толстосумы. В их распоряжении триллионы и триллионы «ка», и соответственно они бессмертны. А демиургами их зовут по довольно банальной причине: имея столько денег, они могут себе позволить заказать у Корпорации изготовление частной вселенной. Что обычно и делают. Типичный демиург Нуля — это развращенный и почти обезумевший от собственного бессмертия бездельник, который строит из себя бога в изготовленной под заказ вселенной, населенной исключительно собственными рабами-агнатами. Рантье, бездельники, извращенцы, пресыщенные свиньи — вот все, что я могу сказать тебе о демиургах.

— Ага, — крикнул Катилина, — и лучшая доля для каждой из нас — попасть к ним в гарем?

— Не смейся, — улыбнулась блондинка, — вот побудешь наложницей у нищего когната, поймешь, о чем я говорю.

— Понятно. А как ты прокомментируешь божественность господина Учредителя? Он что, действительно бог? Или это просто символика?

— Не знаю, — вздохнула Мерелин, — об этом судить не мне. Все, что нам известно, — это набор общедоступных фактов. Лично с властелином Нуля, как ты можешь догадаться, я не знакома. Власть Бога Смерти происходит из древнейшей эпохи, когда Естественное Мироздание и все созданные природой звездные вселенные погибли, а наше Искусственное Мироздание состояло, быть может, из пары небольших кластеров. К сожалению, на исторических сайтах Корпорации, а это единственные источники информации об эпохе первичного Сотворения, текстов слишком мало, чтобы судить о том, что происходило в те далекие годы. Если мне не изменяет память, этому важнейшему периоду посвящено всего несколько страниц общефилософских и иносказательных описаний... Коротко там сообщается следующее: пробив путь из Естественного Мироздания и создав первый искусственный кластер, в новое пространство и время, то есть сюда, пришла всего тысяча человек.

В основном это были воины, солдаты. Вероятно, космические десантники или пилоты звездолетов — об этом древние хроники не сообщают. Ныне, в старинных электронных летописях, все эти люди именуются богами Нуль-Синтеза. Ничего сверхъестественного в них конечно же нет. Это что-то вроде... обожествления королей в древние времена. Все называют монарха наместником богом, но никто всерьез не думает, что он гадит амброзией и получает силу от молитв старушек...

На именах этих сверхсуществ, а если точнее, то сверхлжецов и сверхэгоистов, я останавливаться не буду, к тому же помню их плохо. Но старшего тебе запомнить стоит... Бог Смерти в те времена именовался, разумеется, по-другому. Может быть Отто или Иваном, с фамилией Ли или Смит — никто не знает. Истинное имя Учредителя сокрыто под пластом тысячелетий. Однако сегодня верховное божество Нулевого Синтеза, творца Искусственного Мироздания, Учредителя Корпорации и официально признанного Бога Смерти, зовут Ан-Нубисом, по имени одного из божеств первобытного человека. Считается, что именно он создал первый искусственный кластер и открыл в нем первый нуль-портал из вселенной Древней Земли. Однако это не все. Многие полагают, что Ан-Нубис умышленно разрушил Естественное Мироздание, чтобы заставить людей переселиться в искусственные миры. И если в отношении остальных так называемых богов нуля, я испытываю только ненависть, смешанную с маленькой долей зависти к их бессмертию и богатству, то по отношению к Ан-

Нубису большинство жителей Мироздания кластеров испытывают еще и священный трепет, смешанный со сверхъестественным ужасом.

Кто бы он ни был, этот наш мистический создатель, он был существом непростым и вполне достойным божественности. Поэтому на последний вопрос я тебе не отвечу. Да, Ан-Нубис был человеком, это бесспорно. Но является ли он богом сейчас, знает только он сам. Во всяком случае, божественным могуществом он вполне обладает. Ведь это по его воле творятся бесконечные кластеры с мириадами галактик внутри. По его воле из мертвых воскрешены наши с тобой души. Его машинами созданы наши тела. Все мы — игрушки Ан-Нубиса. А весь наш мир — его огромная игровая комната.

Катилина с сомнением поджал губы.

— Мэри, а тебе не кажется, что ты говоришь ерунду? — осторожно поинтересовался он у старшей подруги. — Допустим, Ан-Нубис действительно очень могуществен и богат, в его распоряжении разнообразная техника, армии и космические флоты... Но если убрать эту ауру власти, то что останется? Твой хваленый Бог Смерти наверняка напоминает среднестатистического демиурга-акционера. Он живет в красивом человеческом теле, сидит в каком-нибудь роскошном дворце на закрытой планете, вокруг слуги, охрана, рабыни... Нет?

— Нет! — почему-то яростно воскликнула златовласка. — Не говори ерунды. Это кошунство. А, кроме того, твои речи опасны! Никто не видел Ан-Нубиса уже свыше миллиарда лет. Он исчез на самой заре истории. У него нет дворца и уж тем более нет человеческого тела. Никто не видел его лица. Никто не знает, как он выглядит. Его нигде не существует. Он скрывается под личинами, он появляется в Сети, он приходит по ночам и во снах! Он посылает письма, он раздает приказы через Сеть. И нет никого, кто бы послушался его хоть раз за все это время. Ибо те, кто послушался его, — долго не живут: они умирают по непонятным причинам, и их не спасает Хеб-сед!..

Мерелин перевела дух и продолжала: — Но главное заключается даже не в этом! Говорят, Ан-Нубис слышит и знает все, что происходит в Искусственном Мироздании. И, глядя на нейрошунт в твоей голове, подключенный к СИНК, я верю в это охотно и безоговорочно... И хватит на сегодня расспросов, Кэти. Лучше подкрепись, а то ты совсем ничего не ешь!

Сказав так, Мерелин демонстративно опустила голову и принялась очень сосредоточенно доскребывать со дна тарелки овощной бульончик, показывая всем видом, что их разговор окончен.

Однако, к удивлению Каталины, к беседе подключилась Лилит.

Поза 7

Мироздание от Лилит

— Мерелин слишком эмоциональна, — ехидно заявила синеволоска, ничуть не смущаясь того, что блондинка сидит прямо напротив нее. — Наша «старшая» не рассказывала тебе, но я знаю, что в прошлой жизни она была знаменитой киноактрисой. Из-за этого Мерелин часто склонна к излишней драматизации ситуации — как следствие профессиональной деформации психики... Если хочешь, я расскажу тебе то, как создаются вселенные, и ты сама решишь, являются ли боги Нуля обычными людьми, или же кем-то еще.

— Конечно, — сказал Катилина, окончательно забыв о еде.

Услышав такой ответ, синеволосая печально вздохнула, встав на миг похожа на усталую, замученную жизнью девочку, а не на циничную стерву, роль которой играла до сих пор.

Лично я полагаю, что лживые «боги Нуля» включая господина Ан-Нубиса, не более чем выдумка, дешевые бредни, — начала Лилит. — В каком-то смысле, они, безусловно, могут считаться нашими реальными творцами — технобогами, ведь это их техника творит

вселенные, в которых мы проживаем. Однако разумный человек должен видеть разницу между подлинным божеством — сосредоточием веры, и технобогом — убогим человечком на космическом корабле с пультом от сверхоружия в корявых руках. Бог — это прежде всего нравственная категория. А божественность Ан-Нубиса — все-лишь констатация его могущества, основанного науке...

Ты ведь понимаешь, Кэти, у клонов возраст не определить по внешности. Я, например, клонирована уже в четвертый раз, и это значит, у меня есть кое-какой опыт. И вот что я скажу тебе, сестренка: жизнь в Корпорации не так уж плоха. По крайней мере, терпима. Ведь в обмен на насилие ты получаешь бессмертие. Вечность! Когда отслужив свой срок, ты станешь свободной и получишь выходное пособие, у тебя будет время, чтобы все спокойно обдумать. Ты обдумашь и... вернешься обратно в постель. Без вариантов — вернешься. Просто побежишь!

Свою первую жизнь я провела в одном из реальных кластеров Корпорации, а не в программном игрушечном мире, как ты или Рокси. Та далекая жизнь была долгой. А я — весьма успешной и привлекательной женщиной. Тело, которое ты видишь перед собой, это мое собственное тело, воссозданное с небольшими модификациями.

Лилит провела рукой по отливающим бирюзой волосам.

— Мой мир, в отличие от ваших, реален, однако почти до сорока лет я ничего не слышала о Корпорации...

Катилина удивился. «Как такое возможно, — подумал он, — если ты не прог и родился в одной вселенной с гигантским промышленным монстром?»

Лилит же продолжила, как будто прочитав его мысли:

— Изумлена? Не спеши, я все объясню. Нуль-Корпорация, эта ужасающая вселенская структура, это чудовище, скрытое за модными хитонами и строгими пеплосами своих служащих, клонирует не только тела наложниц и мастеровых, не только их души, их планеты и звезды. Но — вдумайся! — она производит на потоке даже их историю! Все существующие многотысячелетние реальности кластеров Нуля создаются Корпорацией искусственно, целиком и мгновенно. Ты понимаешь? Мгновенно!

— Таков, например, мой собственный мир.

История агнатки. Рассказ Лилит

— В некоем пространстве-времени, в котором не слышали ни о какой Нуль-Корпорации, некогда висела одинокая звезда (название ее тебе ничего не скажет) и вращающиеся вокруг по орбитам планеты.

Наша планета была всего лишь третьей от светила по удаленности и второй, на которой существовала жизнь. К моменту, когда я родилась, государства обеих планет только-только стали обмениваться радиосигналами, а когда мне стукнуло двадцать — только-только запустили в космос первые спутники. Мы стали познавать друг друга. Мы поняли, что мы не одни в нашей звездной системе.

История двух планет занимала огромный пласт времени, примерно пять миллиардов лет от возникновения центрального светила из водородной туманности и еще пять миллиардов — от появления планет из газо-пылевого облака.

За два с половиной миллиарда лет до Пришествия на обоих обитаемых ныне планетах возникла Жизнь, а за два с половиной миллиона — первые человеческие существа, взявшие в руки палки и каменные скребки.

Затем был открыт огонь, изобретено первое колесо, запущена первая космическая ракета и открыта атомная энергия. Мы узнали, что наш мир очень ограничен в пространстве. Что за пределами нескольких известных нам дальних планет нет ничего, кроме пыли и некоего загадочного барьера, поглощающего как излучения, так и материальные объекты. Теперь мы знаем, что это всего лишь силовое поле, ограничивающее границу искусственного кластера Корпорации, но тогда... Когда один из космических роботов-аппаратов долетел до

границы нашего мира, нам казалось, что цивилизация достигла вершины своего развития, что мы — коснулись самых краев мироздания...

И вот именно в этот момент, когда обе планеты достигли крайнего предела доступного нам пространства, в наш мир пришел Нуль! Оказалось, что вселенная не исчерпывается нашей единственной звездой и двумя обитаемыми планетами. Силовое поле было убрано, и впервые перед нами открылся ошеломляющий вид триллионов звезд!

Сначала открытие бесконечного Искусственного Мироздания вызвало не только глубочайшее потрясение, но и невероятную радость. Еще бы, принесенные Корпорацией бесконечные возможности, синтез материи и энергии, бессмертие, неограниченное количество пространств для расселения и миграции не могли не вызывать восторга!

Но вскоре все изменилось...

Уже через год после Пришествия экономика обеих планет рухнула! Нет, у нас не было войны и не было завоевания. Корпорация пришла без ковровых бомбардировок и концлагерей. Ее работники прибыли к нам на мирных кораблях под флагами дружбы, завязали контакты с правительствами, безвозмездно предоставили всю возможную информацию об открытом нам новом Космосе. О конфликте, тем более о войне или завоевании, не было даже речи.

Корпорация поступила с нами гораздо проще и хуже! Она явилась с новыми технологиями производства товаров, с технологиями искусственного творения пространства и времени. Творения звезд, планет и самих человеческих тел!

Лилит повернулась к Роксане.

Говоришь, в прошлой жизни ты была спортсменкой? — спросила она. — Ерунда! Пятьсот лет назад в моем родном мире существовал один исследовательский институт. Я работала там почти тридцать лет, имела степень, писала научные работы по экономике. Когда же пришла Корпорация, экономика нашей планеты погибла в течение нескольких месяцев. Правительства мировых держав подписали себе смертный приговор не под стволами орудий космических кораблей, а купившись на посулы прибывших на них инженеров. Соблазнившись невиданными технологиями и возможностью космических путешествий, мы вступили в Торговый Союз Корпорации и разрешили ей беспощадный ввоз товаров из других кластеров. В тот славный год мы узнали, что вселенная не исчерпывается только нашим светилом и планетами, вращающимися вокруг него. Узнали о том, что за границами знакомого пространства существуют сотни, тысячи, миллионы других таких же пространств. Не только звезд и галактик, но и ячеек-кластеров, параллельных пространств, созданных Корпорацией себе на потребу. Наши фабрики и заводы, производящие продукцию путем переработки природного сырья, по определению не могли конкурировать с фабриками Нуля, синтезирующими изделия из пустоты. Ни по дешевизне, ни по качеству.

Лицо Лилит посерело, слова срывались с искривленных губ, как проклятия.

— Молекулярная сборка! — воскликнула она. — Проги, вы в своем мире слышали о такой? Я тоже не слышала до Пришествия. Корпорация явилась с технологией молекулярной сборки и пожрала наш мир. Всего через год все биржевые индексы обвалились. Миллионам людей суждено было стать рабами без единого выстрела, без единого взрыва!

Очень скоро глобальная безработица стала злом, угрожающим самой жизни. Бесплезность труда для миллиардов людей привела к голоду и нищете, а голод и нищета — к болезням и преступлениям.

Нет-нет, Корпорация должна была продавать свои товары, а потому, согласно все тем же договорам о вступлении стран нашей планеты во вселенский Торговый союз, она выделяла огромные трансферты нашим правительствам — на строительство космодромов, социального жилья и огромных парков для развлечений. Она выплачивала пособия безработным. Все свободные граждане государств Торгового Союза стали когнатами, то есть безработными иждивенцами Корпорации.

Понимаете? Это звучит как издевка, но Нуль-Синтез давал нам деньги, чтобы

продавать нам свои же товары. С единственной, как мы понимаем теперь, целью — убить нашу промышленность, поставить государства нового кластера в полную, тотальную зависимость от денежных трансфертов Корпорации, поставить их на колени.

Экономический бред — скажете вы, и будете правы. Зачем давать деньги на покупку собственных товаров? Все очень просто: затем чтобы других товаров и других денег в принципе не существовало!

Все, что потребляют люди, — произведено Корпорацией. Все, что покупают люди, — они покупают на деньги Корпорации. А если материя и энергия производятся Корпорацией из пустоты, то ради власти методика продажи собственных товаров за собственные безвозмездно розданные деньги имеет для нее смысл. Смысл тут — власть над Человечеством!

Мы просто не можем существовать без Корпорации. И вот, без единого мертвеца, не выдержав экономической атаки из космоса, мой мир пал. Наши планеты стали планетами безработных, живущих на подачки из космоса. Наши правительства — правительствами попрошайек, вымаливающих у менеджеров с космических кораблей милостыню, Для выплаты пособий и пенсий.

Выживать так было возможно, но жить так — нельзя! Наши планеты, путешествия между которыми быстро стали банальностью, захлестнула волна преступности, волна наркомании и безумства. И тогда Корпорация нанесла нам второй смертельный удар: она продала нам нейроконтроль и бессмертие.

Бессмертие продавалось по цене миллион «ка» за медицинскую регенерацию — то есть излечение болезней, уродства, ран. И миллиард «ка» — за реинкарнацию.

Да-да, порядок цифр был примерно таким, за исключением налогов, дисконтов и некоторых прочих придумок, корректирующих цену в ту или иную сторону. Корпорация ввела на территории Торгового Союза единую денежную единицу — «талант». Единую для любой точки вселенной, в любом из кластеров. Талант состоит из пяти триллионов «ка», то есть «душ». Душа, в свою очередь, — из ста «анхов», то есть «жизней». Как ты понимаешь, эти денежные единицы не имеют эквивалента в драгоценном металле. «Анх» есть стоимость записи матрицы в Сеть, создание информационной копии человека. А «ка», в свою очередь, — стоимость записи матрицы в тело специально изготовленного для этого клона. Улавливаешь суть?

Лилит вздохнула.

— Все это называлось «принудительная страховка», — продолжила она, — и объяснялось, конечно, исключительно любовью к человечеству и уважением к уникальности каждой личности, рожденной у человеческого теле.

В миллион «душ» обходилось абсолютное здоровье, которое, если вы приходили за ним в первый раз, оплачивалось Нулем. Вскоре через процедуру прошло все население наших планет, кроме подростков и детей.

Кто не хочет стать молодым? Убрать лишний вес? Дефекты, накопленные с годами? Вырастить во рту новые зубы, вместо имплантантов и «мостов»? Залечить неизлечимые травмы? Вернуть зрение, если близорук? Пришить новую ногу, если ее отрезало трамваем? Этого хотят все!

Никто не отказался. По коду ДНК Корпорация выращивала в космосе миллиарды тел или новых органов, а затем поставляла их нам. Миллиарды людей в тот памятный год бесплатно реинкарнировались в свой клон, либо нарастили себе новые глаза, руки, пальцы, поставили новые почки и сердца.

Множество идиотов и идиоток изменили себе форму груди и размеры члена — эта операция внезапно стала очень популярной, как только выяснилось, что она абсолютно надежна и безболезненна.

И после этого понеслось! Омоложение было единичным и люди, раз пройдя такую процедуру, знали теперь одну волшебную фразу: смерть можно обмануть! Но уже спустя всего шестьдесят-семьдесят лет всех нас ждал страшный удар — дряхление. Которое,

естественно, никто не встречал с восторгом.

Несколько сотен олигархов, воротил бизнеса, владельцев недвижимости, монархов дряхлеющих королевств и княжеств, главы правительств, диктаторы и министры, способные достать указанную сумму, тут же оплатили себе полную страховку ценой в один миллиард ка и получили право на воскрешение. На жизнь даже в случае смерти от несчастного случая.

Аппаратура Хеб-седа, а именно так Корпорация называет операцию реинкарнации, способна засечь ваш умирающий разум в любой точке вселенной. Даже если вы сгорели в жерле клокочущего вулкана, аппаратура найдет вас и передаст матрицу сквозь миллионы кластеров на родную планету, в новое клонированное тело — это и есть полная страховка... Но ее, естественно, могли позволить себе не все.

Несколько миллионов выживших в конкуренции с Нулем бизнесменов средней руки (в основном, в сфере услуг и розничной торговли), а также преуспевающих людей творческих профессий, в том числе киноактеров, поп-исполнителей и адвокатской элиты оплатили себе ограниченную страховку. Они уплатили миллион душ за возможность медицинского обслуживания в Нуль-Синтезе. Это не гарантировало воскрешения после смерти, но гарантировало физическое здоровье и молодость до тех пор, пока продолжаются платежи. Они тоже стали бессмертны, хоть и не столь тотально, как те, кто заплатил миллиард. Но суть не в том!

В условиях тотальной безработицы, как ты понимаешь, для большинства населения, ни та, ни другая услуга оказались недоступны. И вот, воспользовавшись благой демагогией о ценности всякой человеческой жизни и тем, что правительства наших планет уже дружно лизали пятки чиновникам Корпорации, Нулевой Синтез преподнес нам свой третий и последний смертельный дар — Закон «О принудительном страховании»!

Вы понимаете теперь, какая связь между нашим положением и продажей реинкарнаций? Тот, у кого есть деньги, покупает бессмертие. У кого нет — не покупает. Но для поддержания социального порядка Корпорация за собственный счет страхует от смерти всех живущих, воскрешая в долг! И бессмертие в нашем мире получают все до последнего нищего. Тот, кто имеет деньги, тот платит, это верно. Но тот, кто не имеет, все равно подлежит реинкарнации «по закону», когда умрет. И после этого остается должен Корпорации миллиард ка соответственно. В этом весь смысл, вы понимаете теперь?

Рокси и Катилина молча переглянулись — кажется, все было понятно.

— Значит, — резюмировал Катилина, — разницы между клонами-прогами и исконными жителями Корпорации, клонами-когнатами, практически не существует? Мы все умерли и автоматически превратились в должников Корпорации, за произведенное ей воскрешение?

— Именно!

— Сильно! Об-балденная система. — Катилина покачал головой. — А как на счет прав человека?

Синевласка скривилась.

— Да с ними тоже все хорошо. Человека нельзя убивать? Ну, так если хозяин убьет раба, его тут же воскресят за счет страховки. Человека нельзя калечить и истязать? Так ведь любую травму тоже устранят за счет той же страховки. Что же касается «моральных» страданий при телесном наказании или изнасиловании, то тут... Согласно догме Нуль-Корпорации, страдать разумному человеку хочется меньше, чем кануть в небытие. Это общепризнано. Все планеты Торгового Союза подписывают пакт «об агнатах», то есть о должниках Корпорации. Таким образом, априори считается, что мы идем на этот способ возврата долгов добровольно. А раз добровольно — то нет проблем и с моральными страданиями.

— А если я не хочу отрабатывать свой долг таким способом?

— Тогда найди другой. Кому ты нужна в мире, где полно бытовых роботов? Вот когда отработаешь свой контракт — иди и найди другой способ. Возможно, у тебя получится, шанс есть всегда. Но у меня уже пятый Хеб-сед, и все эти четыре раза я не смогла найти работу в

свободной жизни... Кстати, как только ты выплатишь долг и станешь когнатом, то есть «свободным» человеком, к тебе тут же возвращаются все гражданские права. Можешь голосовать, баллотироваться и вообще...

Катилина покачал головой — он немного обалдел от стройности развернувшейся перед ним системы. В голове всплыло слово «фашистская», хотя он и не мог бы ответить, что это точно означает.

На языке вертелся еще один вопрос, но ответ на него Катилина, похоже, знал.

С бессмертием понятно, — процедил он сквозь зубы, — но ты говорила что-то еще насчет нейроконтроля. Что это?

Лилит пожала нежными плечиками:

— На фоне всего остального нейроконтроль представляет собой сущую мелочь, ей-богу. Когда умирает человек с оплаченным воскрешением, его разум поступает в Сеть Информации. Передача в Сеть происходит через вмонтированный в висок нейроконтактер — шунт.

Она постучала ногтем по шапке нейрошунта, едва заметного на коже за ухом.

— Шунт считывает разум с умирающего мозга и передает его на клоническую фабрику для реинкарнации. На фабрике выращивается клон, в голову клона закладывается «ты» — и все. Если ты оплатил страховку самостоятельно, тебя поздравляют с возрождением и выпускают. Если нет становишься агнатом-рабом на указанный контракте срок. Знакомо? Прекрасно... Однако у системы воскрешений есть один побочный эффект. Для того чтобы обеспечить передачу твоего разума в случае смерти, аппаратура Корпорации Должна быть способна определить твое местонахождение и твое физическое состояние в любую секунду твоего существования, где бы ты ни находилась!

— Более того, коль скоро она копирует твой разум для воскрешения, она должна быть способна (о таком говорят, но я не хочу в это верить!) читать твои мысли, видеть твои сны и даже твой наркотический бред, посетивший тебя, если ты вдруг объелась галлюциногенных грибов. Ты понимаешь, в чем фокус? СИНК всегда знает, что ты делаешь, что ты думаешь и что ты видишь. Это тотальный контроль!

Катилина кивнул. Добавить ему к словам Лилит было нечего.

— Я одного не пойму, — внезапно подала голос Роксана. — Сколько все же стоит бессмертие? Заплатив миллион «ка», требуется платить еще?

— Конечно, — кивнула Лилит. — Примерно миллиард «ка» или «душ» стоит полная страховка и примерно миллион — ограниченная. Но это лишь начальный взнос, так сказать, за вступление в клуб «бессмертных» или в клуб «абсолютно здоровых». В год нужно вносить примерно двадцатую часть этой суммы, чтобы поддерживать договор. Иначе — расторжение и все деньги пропадут зря.

— Ничего себе, вот это доилка! Но... подожди, а в чем же тогда отличие? Получается, и после миллиона и миллиарда душ ты получаешь вечную жизнь. В чем разница?

— Ну как же?! — Лилит развела руками. — Полная страховка обеспечивает абсолютное бессмертие, да еще с возможностью смены тела, пола, биологического возраста, расы и так далее. Что бы с тобой ни случилось, ты воскреснешь. Причем в том теле, какое себе выберешь сам из закровов Корпорации, а там, поверь, почти бесконечный выбор. А ограниченная страховка за миллион — это всего лишь медицинское обслуживание на аппаратуре омоложения. Тебе заменяют органы и ткани, вводят в организм специальные жидкости со «скоропеями», которые подчищают постаревшие клетки и стимулируют созревание новых. Однако в случае непредвиденных жизненных обстоятельств ты можешь погибнуть — несчастный случай, убийство, тебя никто не спасет. Ограниченная страховка — это относительное бессмертие. А правильнее сказать, просто гарантированное здоровье и искусственная молодость.

Роксана задумалась. Идея продажи вечности за деньги, похоже, шокировала ее еще больше, чем «виртуальность» родного мира. «Хотя куда уж больше?» — хмыкнул про себя Катилина.

С этой мыслью он наморщил свой новый восхитительный женский носик. Виртуальный не виртуальный, но собственный «программный мир» наверняка воспринимается Роксаной как настоящий. На выдуманной программистами Родине у рыжей подруги, возможно, остались мать и отец, семья, муж, даже дети...

Хотя, вспомнил он, лично у него с этим дело обстояло не лучше. Но, может, что-нибудь изменилось? Мысль как угорелая проскакала в его голове от одной стенки черепа к другой — ничего?

Ничего!

Катилина по-прежнему абсолютно ничего не помнил о собственном детстве, юности и, тем более, взрослом существовании. Короткий отрывок, предшествовавший его пробуждению в камере отстойника, имена матери и отца, несколько смазанных картинок, какое-то количество знакомых слов и — все.

И все же его имя появилось не на пустом месте. Он мог говорить. Он мог пользоваться ложкой. Он, в конце концов, сам себе отпускал шуточки по поводу своего нового незавидного положения. Он знал, что такое хитон. Он знал даже что такое Хеб-сед с килокалориями и бластерами!

Да он и не просто знал и помнил, как это все называется. С леденящей уверенностью, Катилина готов был поклясться себе самому: он мог пользоваться всеми этими вещами! Эти вещи имели названия на его родном языке, — языке, наверняка известном ему с самого детства... Стоп!

Катилина поперхнулся. Речь, на которой он говорил и думал все это время, одновременно являлась языком Корпорации!

— Э-э... а на каком языке мы сейчас говорим? — с легкой дрожью в голосе спросил он. — Роксана, ты на каком языке говорила в своем программном мире?

Девушка подумала немного.

— На этом же, — удивилась она. — На том же, на котором сейчас говорю с тобой. Он назывался... подожди, он назывался...

— Бросьте, — блондинка Мерелин наконец-то подала голос, взглянула зло и сурово. — Никак он не назывался. Всем прогам при перемещении матрицы в тело клона вводится в мозг «корпоративная речь», а все остальные языки — стираются. Кстати, подружки, хочу поделиться с вами еще одной пикантной новостью. Вы, девочки, разучились читать. По мнению менеджмента Корпорации, чтение для наложницы — лишний груз. Из нашего мозга стираются все знания о буквах и текстах, но потом, после отработки контракта — они возвращаются. Как вещи из ящичка, сданные при поступлении в тюрьму... Наслаждайтесь!

Она встала и аккуратно сложила свою тарелку, блюдо и стакан на поднос. Четко, один в другой.

— А вообще, завязывайте с этим, девчата, идемте по комнатам. На нас уже охранники косо смотрят. Шокера кто-нибудь хочет?.. Вставайте!

Как бывший военный, привычно подчиняясь команде, Катилина встал первым и автоматически сложил свои пустые блюда на пластиковый поднос.

«Что она говорит? — думал он. — Разучились читать? Такого не может быть. Ну-ка, попробуем написать мысленно собственное имя. „Флавий. А-э-ций“. Первая буква кажется... Эх! А вторая?»

В голове было пусто как на дне высохшего колодца — он забыл родной алфавит! Даже по сравнению с потерей мужского тела, манипуляции с памятью выглядели воплощенным кошмаром.

Уставившись в пол, Катилина медленно двинулся к выходу.

Поза 8

Образование будущего

Следующим пунктом учебного распорядка секс-агнаток значилась ОФП —

общефизическая подготовка.

Последняя, впрочем, не произвела на Катилину ни малейшего впечатления.

Привычные ему лагерные тренировки легионеров, а также меченосцев немных кондотт или алебардчиков пехотных терций, которые ему доводилось выводить в поле в былые дни (так, по крайней мере, заверяла его собственная урезанная память), превышали все, что делали секс-рабыни. Превышали как по требуемой степени выносливости, так и по силовым затратам. Единственным, в чем рабыни-агнатки перещеголяли бы его бравых бойцов, экс-легат счел гибкость. Однако с последним качеством у его нового женского тела трудностей также не возникало. Суставы будущих наложниц оказались настолько подвижны и эластичны, что Катилина с легкостью выделял кульбиты, доступные, как он считал раньше, только самым подготовленным из известных ему танцовщиц и гимнасток.

Общефизическая подготовка включала длительные пробежки по периметру зала, выполнение длинного комплекса дыхательных упражнений, йогу, разнообразные и весьма недвусмысленные растяжки, в том числе исполняемые группой по пять человек (то есть прайдами), и, наконец, упражнения и стационарные растяжки на тренажерах. Никаких силовых, игровых, а уж тем более бойцовских тренировок не предполагалось.

Кулачных боев, борьбы или стрельбы Катилина, конечно, не ждал — зачем такое наложницам? — однако мяч он покидал бы с удовольствием. Обиженная Мерелин в ответ на его вопрос об отсутствии игр немедленно объяснила, что командные игры в мяч сближают девушек и воспитывают в них дух лидерства, стремление к победе, что в принципе противоречит концепции обучения секс-агнаток. Ну что ж, это объяснение вполне годилось...

Все разрешенные спортивные занятия проводились девушками в одном-единственном зале. Оборудован он был, по всей видимости, по последнему слову техники, то есть на высшем уровне. Катилина, совершенно не разбираясь в спортивных агрегатах, не мог сказать ничего такого наверняка, однако покрытые блестящим металлом детали и блистающие полировкой поверхности тренажеров впечатление производили. Непонятным оставалось только назначение некоторых из них. В частности, Катилина отметил для себя несколько загадочных аппаратов. В одном, судя по внешнему виду, предполагалось в течение длительного времени приседать на корточках, широко раздвинув ноги, а на другом — вообще отжимать от себя тяжелый груз, лежа на спине. Пикантность упражнения состояла в том, что плоскость груза нужно было отжимать нижней частью бедер, при том колени в положении перед жимом практически упирались в плечи. Немного покумекав про себя и прикинув, какие именно навыки развивают подобные аппараты, Катилина только сплюнул и подивился извращенности человеческой фантазии.

Как ему объяснили старшие подруги по прайду, занятия на таких тренажерах должны были (по счастью) проводиться с их классом еще не скоро. Более того, посещение тренажерного зала в этом месяце являлось единственным, поскольку остальные занятия по ОФП для «новорожденных» и дневные прогулки после сна должны были проводиться на территории стадион-сада — там и пробежку можно сделать значительно дольше, и времени на физкультуру девушки должны потратить больше. Катилина в ответ только кивнул — «нулевой» день их обучения действительно грозился стать самым легким днем всей шестимесячной программы.

Однако же этот день таковым не стал. Впереди агнаток ждал первый в их жизни урок по «Этике поведения», проводимый, как следовало из расписания, лично коммерческим директором Высшей школы свободным когнатом Нуль-Корпорации сикхом Шайроном Вольдемиантом Артели.

Кластер Седан. ИЦ АТ № 166. Высшая школа наложниц. Сикх Артели обучает командам и позициям

В отличие от большинства своих подчиненных и возможно, вследствие своего более

высокого культурного или интеллектуального уровня, когнат Шайрон Вольдемиант Артели обращался с агнатками значительно мягче евнухов и охраны. Можно сказать — он был даже добр, даже вежлив.

После окончания ОФП и быстрого душа в мойке при тренажерном зале тридцать девчонок сидели пред ним на полу в просторном зале с окнами, выходящими на стадион-сад, жмурились от искусственных «солнечных» лучей и даже немного — от удовольствия. На самом деле им в глаза светило не солнце, а гигантский прожектор «дневного света», однако для несчастных обитательниц Высшей школы разницы не существовало, ведь они знали, что настоящее солнце тут не появится никогда.

Первая половина дня, занятая разминкой, гимнастикой и пробежкой, не вызывала ни у кого ни ужаса, ни боли. Немного расслабленно, со смешанным чувством надежды и безвыходности Девушки ждали второй — «теоретической» — половины...

Весь пол в Зале этики устлали мягкие спортивные маты. Слишком мягкие, подумал легат, для любых из известных ему спортивных упражнений. Агнатки расселись на матах, кучкуясь по прайдам, девятнадцатый прайд вошел одним из последних, поэтому Мерелин, торопясь занять хорошие места направилась в самый дальний его конец, но Катилина, по старой командирской привычке, уселся в первом ряду. Вошедшие вслед за ним Роксана, а затем Лилит и Эффи автоматически подсели к нему. Мерелин посмотрела на них, досадливо покачала головой и вернулась обратно.

— Я вижу, тебе нейдет, — с непробиваемым выражением на лице шепнула блондинка, присаживаясь рядом с легатом. — Снова шокера захотелось?

Катилина в ответ только пожал плечами.

Длинная череда высоких окошек обрывалась у стены с экраном, а перед экраном стоял мистер Артели, с чашкой чего-то горячего в руке. На этот раз коммерческий директор явился к ним без яркого хитона и пеплоса, но в безукоризненно белой, облегающей спортивной хламиде. Он сладко причмокивал, отпивая неизвестный напиток из дымящегося потира маленькими глоточками. В промежутках между глотками гладко выбритый волевой его подбородок покачивался на фоне мощной, мускулистой шеи.

Артели размеренно кивал.

— Рассаживайтесь, дорогие дамы! — сказал он громко, обводя чашкой зал. — Рассаживайтесь поудобнее. Все сели?.. Хорошо. Мне понадобится одна из вас в качестве столика... Вот ты! — Он ткнул в ближайшего к нему Катилину. — Подойди.

Опешив от неожиданности, Катилина послушно поднялся и шагнул к коммерческому директору. Тот вручил ему в руки блюдо и чашку кофе, затем знаком приказал отступить за спину. И начал вещать.

— Как вы заметили, мои любезные ученицы, — торжественно произнес шеф Артели, — сейчас я провожу занятия один. Здесь нет ни охранников, ни их ужасных махейров. Это мой стиль преподавания и, одновременно, демонстрация моего к вам доверия. Мне бы хотелось, чтобы вы отнеслись к подобному жесту милосердия с пониманием и поддерживали во время уроков порядок... Первое, что я хотел бы сказать — это пара слов именно по поводу порядка. Я всегда провожу первые занятия в нашей Школе сам. И вот по какой причине... Среди вас много прогов, и они не знакомы с той суровой дисциплиной и правилами, что установлены для секс-агнаток Нуль-Корпорации. Если бы на моем месте стояли Глазго Деморти и пара охранников, половина из вас сейчас валялась бы в болевом шоке, звеня нервишками... Поэтому я провожу первые занятия сам, чтобы помочь вам адаптироваться к нашим правилам с наименьшим ущербом для здоровья...

— Итак, — объявил он, — первое правило учениц Школы таково: перед лицом старшего агната, а тем более когната, вы должны сидеть прямо.

Он обвел рукой зал и остановил свою длань на ближайшей после Катилины девушке.

Мерелин сидела ровно, не шевелясь, как замерший в поле сурок.

— Обратите внимание, дорогие дамы, как сидят опытные секс-агнатки, — сказал тогда Артели, указывая на платиновую блондинку рукой.

Все повернулись. Как и другие ученицы, Катилина, стоя за спиной «шефа», бегло obeжал очами Мерелин с головы до ног. Девушка сидела, на коленях, с прямой как струна спиной, вытянутой шеей и смотрела на рот Артели не отрываясь.

Катилина перевел взгляд чуть в сторону. Примерно так же сидели все опытные агнатки, Лилит и Эффи — все.

— Перед вами одна из основных неподвижных позиций, — прокомментировал приведенный пример Артели, — один из вариантов так называемой позы Тадмор, или «покорность». Общительница на коленях, коленки сведены, а руки лежат на спине, как будто связанные веревкой, крест-накрест. Запомните эту простейшую и, замечу, довольно скромную и легкую в исполнении позицию. Ее должны «по умолчанию» принимать все рабыни, простите, агнатки, в присутствии старшего по статусу лица.

Он сделал паузу.

— А теперь, сударыни, обратите внимание на то, как сидят молодые проги.

С этими словами он показал ладонью на Рокси.

Та вздрогнула, но тут же собралась и попыталась выпрямиться, как Мерелин. Но не смогла это сделать достаточно быстро. Роксана засмушалась под взглядами одноклассниц и замерла. До этого девушка сидела «обычно», подтянув к себе колени, обняв их и положив на них подбородок.

— Вот это, — пояснил Артели, — неверное положение. Если наследующем занятии и при другом преподавателе кто-то из вас будет сидеть в такой позе, то подобная вольность закончится для расслабившейся агнатки электрической дубинкой и ящиком. Вопросы?

Вопросов не было. Как-то непроизвольно неопытные проги и просто «расслабившиеся агнатки», взмахнув ногами, перекатались и встали на колени превратившись в некое подобие Мерелин. Зал наполнили ровные спины и замершие, дрожащие за спиной руки.

От слов Артели, такого милого и приятного, сильно пахнущего дорогими нательными маслами, на самом деле повеяло замогильным ужасом. Все знали уже, что такое махейр, да и про «ящик» слышали. Поэтому смысл слов коммерческого директора был более чем доступен. Настолько доступен, что Катилина будто физически почувствовал мурашки, шныряющие по его холодной спине. Артели тем временем продолжал:

— Теперь второе общее правило, — произнес он и постучал подушечками пальцев друг о друга, — на любых занятиях ученицы всегда сидят обнаженными. В этом нет реальной необходимости, и так делается для подавления в вас скрытых подсознательных комплексов. Тем, кому предстоит в течение тысячелетий работать на поприще, в котором мы даем вам, сударыни, образование, нужно быть легкими в общении, в поведении и более... Хм, я бы сказал, более распутными, распущенными. Как минимум — более привычными к появлению перед незнакомыми людьми — как женщинами, так и мужчинами — без одежды.

Он оглядел класс внимательным взором.

— Ну же, сударыни, я не вижу вашей реакции. Сняли все, живо!

Голос Артели по-прежнему был мягок и даже весело-шутлив, но все это не скрывало дребезжащей корявой жести в глубине его слов.

Мерелин, Лилит и другие молча потянули с себя сначала блузы, затем шорты. Носки-обувь почему-то оставили. Возможно, в прошлой практике старых агнаток это разрешалось.

Катилина осторожно взглянул на Роксану и других прогов, которых он знал. Нехотя, медленно, но все полностью разделись. В принципе, бывшего легата не слишком смушал сам факт сидения без одежды. Будучи мужчиной, он относился к подобным вещам (к голым дамам) вполне нормально. Но сейчас дело выглядело несколько иначе. Более того — кардинально иначе, ведь, даже чисто теоретически, дамой сейчас являлся и он.

Двадцать девять агнаток быстро стянули с себя сначала блузы, а затем скинули шорты. Не могла не удивлять проявленная сейчас покорность девушек, многие из которых являлись прогами, такими же, как он и Роксана, и совсем недавно доказывали друг другу, что не желают быть рабынями-проститутками. Легат посмотрел на остывающее у него в руках блюдо с чашкой и мысленно поблагодарил Божество. В данной ситуации, подумал он, для

прогов-агнаток вряд ли возможен иной вариант поведения, кроме как получить в висок шокером. И если бы сейчас он сидел с остальными...

Спустя секунды двадцать девять полностью обнаженных женских тел застыли перед лектором на коленях. Артели внимательно осмотрел своих подопечных и остался доволен. Но виду не подал — на его лице играла все та же отрешенная улыбочка, в голосе звучали те же менторские нотки.

Из чисто абстрактного интереса Катилина взглянул ему на хламиду, чуть ниже живота. Нет, там тоже все было нормально. Как видно лицеизрение двадцати девяти холеных, идеальных и совершенно голых женских тел являлось привычным зрелищем для начальника школы шлюх и эрекцию не пробуждало.

— Ну что же, — прокомментировал зрелище господин Артели. — Вот так другое дело. Теперь на будущее — в зал вы должны входить уже обнаженными и сразу принимать позу Тадмор, то есть неподвижную позицию, в которой сейчас сидите. Ну а сейчас начнем... Сначала я хотел бы пройтись по некоторым общим вопросам вашего образования. И прежде всего — снять страх некоторых прогов-агнаток перед обучением. Режим нашей Высшей Школы весьма суров, как вы уже успел и заметить, но эта суровость продиктована исключительно практическими соображениями, а вовсе не склонностью моего персонала к садизму и насилию. Суть нашего обучения сводится к развитию и поддержанию в воспитанницах хорошей и даже отличной физической формы, внешности и абсолютного здоровья. Вы можете подумать, что основной предмет нашей школы — секс. Смею вас заверить, что это абсолютно не так.

Он откашлялся.

— На самом деле сексуальные возможности человека, даже модифицированного, весьма ограничены. Обучение эротическим дисциплинам, конечно, будет иметь место, но проводить мы его станем скорее виртуально, а не по-настоящему. В том числе для сокращения времени вашего обучения... Вам известно, что благодаря достижениям передовой науки Нуль-Синтеза обучение детей языкам, истории, литературе, математике и многим дисциплинам построено по схожему принципу. В голову человека автоматически через шунт ночью во время сна загружаются знания, а задача Школ состоит только в отработке умений и навыков их использования. А также — в психологическом тренинге на устойчивость в стрессовых ситуациях и в привычке к усидчивой скрупулезной работе.

— Именно поэтому, — продолжил Артели, — в современных средних школах для детей и подростков, а также в Высших для девушек и юношей реальные занятия проводятся только по труду и физической культуре, а в отношении других предметов — только тесты по техническим дисциплинам и изложения материала — по гуманитарным... У нас — то же самое. С момента вашего шунтирования прошли уже сутки, и многие из вас успели заметить, что во время сна к вам приходят видения... Это Сеть Информации Нуль-Корпорации, или, сокращенно СИНК, проводит наполнение вашей памяти соответствующей информацией. Из компьютера школы — непосредственно в мозг... Попробую продемонстрировать, не пугайтесь.

Артели отошел от стола и встал рядом с одной из сидящих в первом ряду девчонок.

— Вот, смотрите. Для каждой наложницы основой нормы поведения является знание статических и динамических позиций покорности. Одну из них, Тадмор, мы уже изучили. Это — простейшая позиция из известных, и принимается она по умолчанию... Про другие позиции вам никогда не рассказывали, вы никогда не слышали о них, но подсознательно, благодаря работе обучающей программы, они вам уже знакомы... Стезя наложницы — это тяжелая стезя, на которой не всегда хватает воли и силы, чтобы контролировать свое поведение и держать свое тело «в рамках». Поэтому для облегчения вашей участи наша обучающая программа не просто сливает в ваш мозг информацию о позах покорности или сексуальных позициях во время соития, но и поможет вам их правильно выполнять!

Он поднял руку вверх.

— Теперь начинаем! Любая принудительная команда, записанная вам в мозг

нейропрограммированием, отдается голосом вашего хозяина и распространяется на агнатку, если произнесено ее имя или на всех агнаток, которых хозяин видит перед собой. Итак, команда Дум-Рат!

Катилина вздрогнул. Сознание, так же как и секунду назад, спокойно спало под его черепом, смотря на мир глазами, слушая ушами и ощущая кожей. Однако что-то изменилось, как будто прошло незримое, но сильное движение в воздухе. Тела двадцати девяти агнаток только что были отвратительно скрючены в позорной позиции, на коленях, с руками за спиной, полностью неподвижны. И вдруг, как казалось, независимо от их воли — двадцать девять точеных тел буквально тронуло взрывом и как будто разом они пришли в движение.

Синхронно как роботы-автоматы или же команда опытных танцовщиц, выполняющих перед зрителем общую акробатическую комбинацию, все девушки плавно упали на спину, уперли ладони в пол и одним рывком подняли над собой обнаженные ноги. Плотно сведенные вместе, двадцать девять пар женских ножек оказались воздетыми вертикально вверх — точно в потолок.

Спины девушек натянулись, руки напряглись, а пальцы — воткнулись в спины, чтобы поддерживать тонкий торс перпендикулярно к полу.

Очи агнаток уперлись взглядом в маленький гладкий треугольник, образованный бедрами и низом собственного живота, теперь, впрочем, поднятым вверх. Носки ног вытянулись, как у балерин во время прыжка, изящно и далеко... «Как?!.. Что происходит?!..» — зажглось в голове Каталины, и он ахнул от осознания: все двадцать девять обнаженных красавиц застыли в классической гимнастической «свечке».

Вот только... голыми. И... совершенно синхронно!

В этой синхронности что-то было не так. Возможно, Мерелин, Эффи, Лилит могли знать эту команду заранее и выполнить, просто услышав приказ директора-извращенца. Но вот Роксана и прочие проги?! Они и в Тадмор-то сесть как следует не могли. И что это значит для него, Катилины? Что команда оказалась выполнена помимо их воли, программой?! От шокирующего открытия старый катафрактарий чуть покачнулся. Но чудом удержал равновесие, и напиток Артели не пролился на пол.

Ноги над головами его товарок тянулись в воздухе, будто стянутые веревкой, как маленький, тонкий, до невозможности возбуждающий лес... Распущенные волосы прекрасных агнаток покрыли пол, подбородки прижались к тоненьким шейкам. Точеные фигурки замерли, будто сведенные судорогой — никто даже не шевелился. Тела девушек физически более им не подчинялись — они выполняли команду, произнесенную устами Артели. Дум-Рат — вот что это было такое!

Как будто читая в его голове, Артели продолжил свой комментарий.

— Итак, сударыни, теперь вы видите, как работает пси-программирование. Положение, которое вы сейчас приняли, действительно называется Дум-Рат или же «Свеча». Тадмор, в котором вы сидели перед этим, также имеет «общеупотребительное» название — «Покорность». Великолепно, не правда ли? Я всего лишь произнес название позиции вслух после слова «команда» — и ваши тела автоматически выполнили приказ... Вместе с командой Тадмор команда Дум-Рат входит в список элементарных статических позиций, которые обязана знать всякая уважающая себя профессиональная наложница. Вообще так называемые простейшие статические позиции делятся на три большие группы: «неподвижные позиции», «позиции для осмотра» и «позиции обуздания».

Важнейших позиций для обуздания, — вещал он, — которые понадобятся вам в нашей школе в первый месяц обучения, всего три. Это «Узда», иначе именуемая Урат; «обратная узда», иначе именуемая Шаммат, и «Ошейник», также именуемый как Сипара.

Команда Урат используется для надевания на рабыню наручников в случае, если ее нужно приковать у постели господина или же в его пыточной, когда он занят другой наложницей. По этой команде агнатка поворачивается к господину лицом и падает на колени, затем вытягивает руки вверх и вперед, скрещивая их в запястьях. Голова при этом смиренно наклонена, обнаженное тело открыто, глаза опущены вниз или прикрыты —

хозяин надевает на вас наручники. Таков Урат... Позиция Шаммат, или «обратная узда», еще проще. Вы поворачиваетесь к господину спиной, отводите плечи назад, помещая руки за спину и тесно смыкая их. Наклоняете спину так, чтобы она была параллельна полу, оставаясь при этом на прямых ногах и выпячивая э-э... зад. При этом максимально, насколько позволяет гибкость суставов, приподнимаете сомкнутые руки над позвоночником, дабы господину или его евнуху было удобно надеть на вас оковы. В таком положении обнаженная общительница ждет, пока на нее наденут ее браслеты... Последняя из простейших позиций для обуздания — это Синара, «ошейник». Она представляет собой некую комбинацию из первых двух. Вы поворачиваетесь лицом к хозяину как в Урат, но при этом сгибаете спину, оставаясь на прямых ногах, как в Шаммат. Затем двумя руками вы собираете волосы, обнажая шею. Одну руку убираете за спину, второй — поддерживаете волосы, стягивая их наверх. Ваш подбородок приподнят и голова повернута налево, чтобы владелец мог без труда застегнуть ошейник и прикрепить к нему поводок... Итак, попробуем: Шаммат!.. Урат!.. Сипара!..

И вновь, как и несколько минут назад, тела двадцати девяти агнаток послушно выполнили команды, несмотря на яростное противодействие их сознания. Как видно, в распоряжении мозга оставались лишь лица девушек, мимика, горло, глаза и язык. Краем глаза Катилина заметил, как рядом пытается бороться с командой Роксана. Зажмурившись, рыжая попыталась не выполнять заложенную в мозг программу, однако тело действовало само по себе. С тем же успехом, похоже, девица могла надеяться остановить работу сердца или печени.

Красноволосая напряглась, жилы на шее вздулись, лоб покрылся морщинами, но тело чудесной смуглокожей агнатки послушно выполнило команду, наплевав на собственные усилия. Выполнило, даже не нарушив синхронность движений с сидящими рядом наложницами.

Конечно, Роксана могла закричать, но — к чему? Только чтобы получить в лоб разряд шокера? От знакомства с новым техническим достижением Катилину слегка затрясло. Шок, ящик, избиение и унижения — все это еще можно было понять, это вмещалось в его представления о реальности в той или иной степени, но отсутствие контроля над собственным телом — это уже било через край!

Пока его сестры по несчастью автоматически выполняли позорные движения, он снова украдкой огляделся. На глаза многим известным ему прогам навернулись слезы. Вид несчастных товаров заставил его скрипнуть зубами. «Нужно держаться, — прорычал он себе. — Держаться!»

Артели тем временем продолжал, как ни в чем ни бывало. Конечно, для него все происходящее являлось не более чем надоевшей рутинной.

— Ну что ж, двигаемся далее, — произнес коммерческий директор, вполне довольный произведенным эффектом. — К неподвижным позициям кроме команд Дум-Рат и Тадмор относятся также элементарные позиции положений. Бесполезные позиции для осмотра, например, как команда Табир, что переводится как «звезда» (он подождал, пока девушки сменяли позу). Или команда Тредламу, что переводится как «ослик».

При слове «Табир» в двух метрах от Каталины, Роксана плавно бухнулась на спину, кинув расслабленные руки в стороны, на уровне плеч, ладонями вверх. Ноги девушки, несмотря на очевидное — и потому страшное — сопротивление воли, медленно раздвинулись, не отрываясь от пола. Раздвинулись почти на максимум, открыв взору легата самую сокровенную часть обнаженного женского тела. Глаза Роксаны слезились. Зубы растерзывали нижнюю губу в кровь... «Ноги врозь, — подумал Катилина, — ну что же, это „звезда“, все понятно».

При слове «Тредламу», практически не меняя общего положения тела, класс дружно перевалился набок через левое плечо, развернувшись так сказать задом к лектору, и, опираясь на упершиеся в пол плечи, локти и лицо, поджал под себя ноги.

Более позорного положения Каталине еще не доводилось видеть. Эффи, Лилит, Роксана

и Мерелин, лежащие перед ним, одновременно как бы стояли на коленях, но лежали на лице и плечах. Их округлые задницы возвышались над головами на всю длину их изящных бедер. «Позиция для осмотра? — мелькнула мысль. — Ну что ж, лучшей позиции для лицецерения женской составляющей человеческого организма просто невозможно придумать». От темной злобы, переполняющей голову, Катилина закрыл глаза.

Артели же комментировал.

— Да, вот так, — сказал он, с довольным взглядом осматривая согнутых на полу подопечных девушек, — как видите, позиция удобна для осмотра секс-агнатки врачом. Она также хороша для проведения охранником личного обыска агната и абсолютно привлекательна для некоторых вариантов сексуального использования, на которых мы остановимся позже...

Но все это скучно! На самом деле стационарных позиций существует свыше двух тысяч, и они довольно разнообразны. Ни времени, ни возможности демонстрировать все из них у нас с вами на уроках не будет. Большую часть из наиболее экзотических вы познаете на практике, общаясь с купившими вас хозяевами, многие из которых даже больше разбираются в программной этике, чем я. Но все эти позиции в течение шести месяцев будут загружены в ваш мозг во время сна вместе с установочными модулями на подавление воли. Вы выйдете отсюда настоящими профессионалками!

Чисто для ознакомления с «экзотикой» в статических командах я покажу вам вариации команды «Софа». Просто, чтобы вы имели представление о разнообразии нашего образования. Итак, команда «Софа». Она делится на четыре позиции:

Первая — команда Шамму-атум, или «стол».

Вторая — команда Шамму-абур или «обратный стол», он же «мостик».

Третья — команда Бахтин, или «стул».

И четвертая — команда Дин-гир, «станок».

Пока он все это перечислял, двадцать девять девушек изворачивались на полу, послушные ментальным программам, закачанным в них этой ночью.

Шамму-атум! Отжавшись от пола, наложницы встали на колени, упали на пол обеими руками и, обхватив свои бицепсы, повалились на локти. Ноги наложниц, согнутые в коленях, разъехались в стороны, выравнивая свои голые спины и фиксируя их параллельно полу. «Столик»!

Шамму-абур! Перевернувшись на спину, как только что делали при выполнении «обратной узды», двадцать девять агнаток выгнулись, встали в мостик, повиснув воздухе на согнутых руках, ногах, голове и выпятив вверх обнаженный живот. «Обратный столик»!

Бахтин! Агнатки вернулись в прежнее положение, вновь на четвереньки, на локти и колени, спиной вверх, но на этот раз — поджав их под себя более компактно и плотно. «Стул»!

И, наконец, Дин-гир, «станок»! Агнатки встали во весь рост, выпрямили безумно длинные ноги, уперлись руками в колени, согнули спины и опустили головы, выпятив зад. Прямые спины, прямые ноги, тело согнуто под прямым углом.

Артели удовлетворенно кивнул.

— Указанные команды, — откомментировал он, — это один из способов, которым агнатка может послужить хозяину, заменив собой стол, стул или скамейку, куда купивший вас когнат или демиург может положить ноги, поставить стакан, сесть сам, разложить бумаги или поставить компьютер. Как видите, во всех четырех вариациях «Софы» девушка должна встать таким образом, чтобы ее рабочая поверхность — спина или живот — оказались максимально прямыми и параллельными полу. Голова при этом обычно опускается вниз, глаза также опущены. Обращаю ваше внимание, что в таком положении следует стоять неподвижно, долго и не шевелясь, дабы не потревожить хозяина или не разлить напитки. Иногда агнатка лучше выполняет свои обязанности, если в позиции Шамму-атум опирается на прямые, но широко расставленные руки и сведенные, а не раздвинутые колени. Это делает позицию более высокой.

Теперь о временных ограничениях. Статические команды заставляют «прошитую» программой рабыню выполнять предусмотренные программой действия беспрекословно. В вашем распоряжении остаются только мимика лица, зрение и речь. Команда действует от начала ее слухового восприятия и до момента, пока не прозвучит иная команда к смене положения, к динамической команде или к отмене данной. В противном случае, если команда на отмену не последует, программа отключает действие предыдущей команды через тридцать минут после ее срабатывания. А до этого времени — вы будете сидеть фиксировано и неподвижно, как статуи. Таким образом, любая из команд программирования может являться жесточайшим наказанием. Ибо при желании, хозяин может заставить вас сидеть в том же Шамму-атум, «мостике», несколько дней подряд до обморока или кровоизлияния в мозг.

Общей командой отмены является следующая.

Алла-лах!

Услышав кодированный сигнал, тела снова вздрогнули. По спине, рукам и ногам прошли волны легкого покалывания — это снимались принудительные установки. Девушки наконец смогли чуть расслабить мышцы, а затем одна за другой плавно выпрямили спины и опустили на колени. Сели в позу Тадмор (на коленях, руки за спину), но уже по собственной воле. Уроки Артели были слишком показательны, чтобы их забывать.

Учитель обвел руками аудиторию, как бы спрашивая своих студенток: «Ну что?» Естественно, никто не ответил.

— На этом со статическими положениями мы закончим, — произнес он тогда вслух. — А сейчас, сударыни, дабы не отвлекаться от процесса, мы перейдем к рассмотрению динамических позиций. Собственно, они также делятся на две большие группы.

Первая группа — это так называемые «команды на передвижение». Вторая группа — так называемое «изменение статуса», подразумевающее длительное пребывание агнатки в том или ином положении. Обе группы команд в отличие от «статических» позиций предоставляют вам больше свободы в действиях и не требуют замирания тела в фиксированном и, как часто бывает, в мучительном и неудобном положении.

Итак, команды на передвижения. Ишту, или «ко мне!». Когда эта команда дается, вы поворачиваетесь в изящном пируэте, волосы при этом должны взметнуться в воздух. И далее — вы идете скользящей «подиумной» походкой, вытянутые носочки едва взлетают над полом, бедра чувственно покачиваются, спина держится прямо. Подойдя к господину, вы останавливаетесь и стоите, тело по-прежнему выпрямлено, плечи отведены назад, живот втянут, грудь выдается вперед, ноги чуть согнуты, левая — чуть выставлена и согнута в колене. Руки по бокам, голову держите высоко и прямо, но взгляд опущен. Вторая команда — Пушту, «пасть ниц!». Рабыня падает на четвереньки, опуская голову почти до земли, но не касаясь ее. Работая коленями и локтями, она ползет к своему господину, пока голова ее не коснется его ног. В этом положении раба замирает...

Далее следуют команды на изменение статуса. В отличие от команд на передвижение, эта разновидность команд действует до отмены. Однако свободы воли здесь больше. Вот, например, Сех-мет, «тигрица»! Это своего рода принятие статуса четвероногого. Вы падаете на четвереньки, шея опущена, но лицо направлено вверх. После этой команды агнатка как бы превращается в животное. Перейдя в этот статус, рабыня остается в нем постоянно до отмены, выполняя свои обязанности на четвереньках и не используя рук. Она не имеет права встать на ноги и может делать что-либо только ртом, зубами или языком... Второй распространенный приказ статуса — это Харру-Да. Она представляет собой еще более свободную команду. Настолько свободную, что при желании рабыня может принять предусмотренную Харру-Да позу сама, без распоряжения господина... Харру-Да — это позиция для общения. Если вы хотите спросить о чем-либо господина или же он спрашивает о чем-либо вас, вы принимаете эту позу. Поза проста. Агнатка падает на пол, как всегда — на колени. Прижимает живот к сложенным вместе коленопреклоненным ногам, обхватывает плечи руками. Ее голова при этом или ее волосы должны касаться стоп, ног или обуви

господина. В этом положении рабыня поворачивает лицо к своему хозяину и смотрит в его глаза снизу вверх с пола, молча, но чуть приоткрыв губы. Если хозяин позволит, то она может заговорить.

Катилина широко раскрыл глаза. Тело изворачивающейся напротив Рокси действовало, невзирая на ее собственные желания. И теперь, когда глаза оказались открыты, он со странным чувством обнаружил, что все двадцать девять агнаток, а не только девушки его прайда, подползли к Артели на коленях, замерли у его ног и смотрят ему глаза, раскрыв влажные губы. Естественно, весь класс у ног Артели не поместился. Только пятеро или шестеро рабынь, включая девятнадцатый прайд, расположились вокруг, омывая своими распущенными волосами белые сандалии шефа агнатской школы. Остальные наложницы разместились полукругом, не толкаясь, но готовые тут же, если освободится место, пригнуться к господину поближе. Щеки Роксаны так же, как и лица всех двадцати девяти агнаток, покоились на прохладном полу, а зад — торчал в воздухе, вознесенный на согнутых коленях.

Артели самодовольно кивнул.

— Ну что ж, — сказал он, — на этом наш первый урок этики закончен. Надеюсь, главное вы для себя уяснили. Агнатки принадлежат своим будущим хозяевам не только по законам Корпорации и по договору купли-продажи, но и внутри собственных голов. Ваши души не властны даже над своими телами, запомните это! А теперь последнее...

С этими словами он обернулся и взял из рук Катилены остывший напиток.

— Мы только что прошлись, сударыни, по «командам на передвижение», «неподвижным позициям», «позициям для осмотра», командам «на обуздание» и «на изменение статуса», — продолжил Артели. — В заключение же урока я познакомлю вас с последним типом важнейших команд, так называемыми «командами на подавление».

Одним глотком Артели допил остатки напитка и водрузил пустую чашку в раскрытые ладони экс-легата.

— Команды на подавление используются в Корпорации в основном для пресечения противоправного поведения со стороны агнатов и агнаток, — сказал он, — для допросов, а также для транспортировки агнаток на дальние расстояния. Обычно эти команды связаны с потерей сознания, сном, болевыми импульсами, обездвиживанием и другими эффектами, способными пресечь, подавить сопротивление или непослушание раба. Самой простейшей, менее болезненной и потому самой распространенной из подобных команд является «Безмолвие»... Команда «Безмолвие» применяется, если нужно, чтобы агнат не слышал разговор хозяина с другим человеком, немедленно прекратил какие-то действия или вообще — уснул.

Если в момент, когда прозвучит эта команда, у агнатки в руках будет какой-либо предмет, она выронит его, — с этой фразой Артели почему-то показал на Катилину. — Если агнатка пыталась нанести удар или другое движение — то не сможет его завершить. Пресечение происходит мгновенно! При исполнении команды рабыня немедленно закрывает уши руками, зажимает глаза, рот, падает на пол, поджимает под себя колени, сворачивается клубочком и мгновенно теряет сознание. Мышцы рук, ног и всего тела при этом остаются чудовищно напряжены, как будто сведенные судорогой. В таком состоянии агнатку можно поднять за волосы, но она не очнется, не разожмет рук и не выпрямит ног, а так и останется свернутой клубочком до тех пор, пока не последует команда на отмену «Безмолвия».

Но не пугайтесь! На самом деле указанная команда наиболее часто используется обеспеченными когнатами для транспортировки своих агнаток в тюках багажного отделения на туристических лайнерах, а вовсе не для подавления бунтов в гаремах.

С этими словами, коммерческий директор усмехнулся, отвел глаза от двадцати девяти агнаток и упер взгляд своих серых, крысиных глаз прямо в очи замершему от напряжения Катилине.

— Сейчас я продемонстрирую вам, сударыни, — произнес Артели, — простейшую

команду на подавление, заключительную на сегодня. Итак, команда «Безмолвие». Кал-Тарраш!

Словно тупой таран ударил Катилину в лоб. Глаза захлопнулись многотонными ставнями, а руки до боли вдавили уши внутрь черепа. Двадцать девять измученных и униженных агнаток, смотрели на него, не дыша.

Сквозь гаснущий мир Катилина чувствовал, как конечности его сводит судорога, руки опускаются и пустая фарфоровая чашка с блюдцем обрушивается на пол. Ноги его поднимаются к животу, и он падает наземь за чашкой тяжелым мучным мешком, а гаснущее сознание проваливается в бездонный колодезь.

Это сработало «Безмолвие» — Кал-Тарраш!

Поза 9

Милый новый дом

Кластер Седан. ИЦ ЛТ № 166. Секция начальных классов Высшей школы наложниц. Первая ночь

После занятий с сикхом Артели, в первую ночь в своем новом доме, Катилина долго не мог уснуть. Кал-Тарраш поразил его ненадолго, сикх Артели почти тут же позволил прийти в себя, однако ужас от осознания того, насколько все они стали рабами, до сих пор пронзал экс-легата до мозга костей. Бывалый рубака и кавалерист мог встать лицом к лицу с вооруженным врагом, не моргнув даже глазом, не думая об опасности и загнав естественный в бою страх так далеко, что и самому не найти.

Однако в Высшей школе для будущих рабынь-проституток ему пришлось столкнуться с чем-то принципиально другим. Этому «другому страху» оказалось невозможно сопротивляться. Программу внутри головы было невозможно убить или заставить драться. На нее было невозможно кинуться, чтобы напороться на меч и умереть в бою, унеся с собой столько вражеских жизней, сколько подарит тебе Господь и острие собственного меча.

Легат долго думал, что было бы, если бы он не встал за спиной Артели, остался вместе с другими агнатками на матах вилить задом и взмахивать нотами. Сначала легат решил, что, вероятно, просто бросился бы на директора школы, чтобы сломать ему шею и погибнуть в драке самому. Однако он тут же отбросил эту мысль.

Да, при сильном желании и некоторой толике везения он смог бы убить такого крупного мужчину, как Артели даже слабыми женскими руками. Вопрос состоял в другом. Все воспитатели, тренеры, евнухи и охрана школы являлись принципиально бессмертными. Имело ли тогда подобное нападение смысл? Более того, бессмертие его учителей являлось только частью проблемы. Второй частью было его собственное бессмертие.

Как бы героически он ни умер, его смогут воскресить и наказать за совершенное преступление! И наверняка за долгие годы тут наловчились наказывать свихнувшихся от унижений рабынь.

От осознания безысходности Катилина прикрыл глаза и, проклиная себя за трусость, мучительно простонал.

Пси-программирование оказалось сильнее воинской доблести, Хеб-сед — опаснее меча и прочнее кавалерийского панциря, а тело юной женщины — сильнее воли зрелого мужчины. Казалось, пока все идет нормально, легат постепенно знакомится с новым миром, ему не грозит явная и непосредственная опасность, и только впечатления от унижений, которые сегодня пережили подруги по классу и прайду, царапали сердце предательскими когтями. Сегодняшние унижения, кстати сказать, следовало признать более чем терпимыми. Ну, покрутили подружки голыми задами перед незнакомым мужиком, что с того?

И все же Катилина был зол. Он почти ненавидел себя. То, что он видел сегодня, было неправильно, недостойно. И пусть на первом уроке участь безвольной стриптизерши его

миновала, постоянно такого не следует ожидать. Бывший кавалерист прекрасно осознавал: если так пойдет и дальше, то когда-нибудь унижения превысят допустимый для мужского сознания предел. И что случится тогда?

Катилина перевернулся на бок. День выдался трудный, полный впечатлений, и ему следовало поспать. Однако, несмотря на то, что по сравнению с «отстойником» адаптационной камеры свежая постель в номере для наложниц казалась просто царской, сон никак не шел к нему. Кроме примитивной злости кавалериста по-прежнему мучили вопросы, по-прежнему пугал красный «глаз-мишень», зависающий перед глазами, каждый раз, как только он их открывал. Поэтому, как и днем, Катилина продолжал напряженно думать.

Огонек видеокамеры, похожий на замучившее его пятно на сетчатке, тускло поблескивал алой точкой под потолком, сверля лицо экс-легата и не замирая ни на секунду. Чтобы не возбуждать подозрений, Катилина двигался очень скупно и осторожно, стараясь походить на спящего человека. Он лежал с закрытыми глазами, иногда переворачивался и лишь изредка приподнимал веки, оглядывая свою комнату из-под длинных, пушистых и наверняка искусственно удлиненных женских ресниц.

Что и говорить, сутки, проведенные им после прошивки шунтом его нервной систем прошли не зря. Не только днем в столовой, не только в перерывах между занятиями, но и за оставшуюся после обустройства в номерах часть вечера Катилина подробно расспросил своих подружек по заключению и вообще всех, кого мог, о новом месте. Он не гнушался даже охранников, которые, правда, реагировали на его вопросы не столько с опасениями по поводу возможного побега, сколько с наглой улыбкой и похлопыванием вопрошавшей по талии. Мол, знаем мы вас, знаем. Каждая вторая хочет сбежать.

«Не знаете!» — рычал про себя легат. Он улыбался, отходил и продолжал свое «расследование» дальше.

После выяснения общих подробностей об истории и устройстве Искусственного Мироздания Катилину более всего интересовала разнообразная техническая информация.

Важнейшими научными достижениями Нуль-Корпорации являлись, конечно, Нулевой синтез, шунт, Сеть Информации и Хеб-сед. Создание энергии и вещества «из ничего» Катилину пока мало интересовало, да и чем, собственно, знания о природе Нуль-синтеза смогли бы ему помочь? А вот система нейроконтроля и реинкарнации, обеспечиваемых шунтом, казались бывшему кавалеристу очень важными вещами именно с практической точки зрения — для побега. Поэтому именно на них легат решил сосредоточить свой интерес.

На одной из перемен, когда ему надоело косвенно затрагивать тему действия нейрошунта в отвлеченных беседах, он отозвал Мерелин в сторону и задать ей вопрос напрямую.

— Как работает нейрошунт? — спросил он блондинку. — Меня интересует принцип действия этого устройства. Если Сеть способна считывать информацию с человеческого мозга с помощью нейрошунта, очевидно, что и носитель нейрошунта может с его помощью контактировать с Сетью. Мне кажется должны существовать особые коммуникационные программы для выхода в Сеть через шунт. Как считаешь?

Мерелин в который раз посмотрела на него удивленно.

— Забавно, — сказала она подозрительно. — Ты или на самом деле чересчур умна, или просто притворяешься прогом. Обычно агнатки из программных миров считают шунт за своим ухом волшебным куском железа, который обеспечивает им воскрешение, и не задают лишних вопросов о его устройстве и функциях. А ты знаешь, что такое коммуникационная программа?!

— Нет, — неохотно признался Катилина. — Я недавно услышала это название.

— И от кого?

— Лилит мне сказала.

— Хм. Мы вроде все время ходим вместе, и я не заметила, чтобы... Впрочем, ладно. Как выглядят отношения с нейрошунтом у демиургов Нуля, мне доподлинно не известно. Но

говорят, что для них нейрошунт — это вещь, гарантирующая почти божественную власть. С его помощью они могут управлять разнообразной техникой, запрограммированной на подчинение их личности — от бытовых роботов до космических крейсеров. Однако для агнатов нейрошунт — это всего лишь средство контроля, а также гарантия воскрешения в случае, если заигравшийся хозяин замучает их до смерти.

Всего для обеспечения бессмертия существует два пути. Первая возможность — это именно нейрошунт. Он закреплен в голове у каждого когната, агната, демиурга и вообще любого существа, способного оплатить Хеб-сед, за счет собственных средств или за счет страховки по рабскому контракту. Как тебе уже известно, шунт, он же — нейроразъем или нейроконтактер, имеет вид металлической таблетки. При контакте с теплым человеческим телом он автоматически активизируется, выпускает микроскопические щупальца-нервы и забуливается в черепную кость. Удалить шунт после установки на черепе практически невозможно. Можно выдрать саму металлическую таблетку вместе с частью кости, но силиконовые щупальца останутся внутри навсегда, поскольку тонкой сетью расползаются по всему организму и оплетают мозг.

Но это не опасно. Нейроразъем имеют как бесправные агнаты, так и свободные агнаты, как акционеры Корпорации, так и нуль-клоны, ее искусственно выращенные работники со специализированными узкофункциональными телами. Все выше перечисленные категории являются носителями шунта в течение миллионов лет, с момента рождения и до казни по уголовному приговору — единственной смерти, способной случиться на просторах Искусственного Мироздания. Монтируется нейрошунт в височную долю черепа, чуть выше основания ушной раковины. Справа или слева — не важно.

«Нервный разъем», или «нейрошунт», является фундаментом системы реинкарнации и сетевого контроля. Шунт позволяет осуществлять прямое взаимодействие между Сетью информации, внесетевой компьютерной техникой и человеческим мозгом. Шунт работает бесконтактно, невероятно быстро и позволяет осуществлять передачу огромного объема данных практически на любом расстоянии в пределах кластеров Нуля. В шунт также производится запись матрицы сознания внезапно убиенного человека.

Это значит, что воскрешению в новом теле подлежат не только те, кто специально для этого пришел в палату Хеб-седа, но и те, кто совершенно неожиданно для себя погиб в аварии, умер в результате несчастного случая, скончался от внезапного инфаркта или отравился плохой едой. Корпоративный шунт от Нулевого Синтеза способен передавать информацию на чудовищные расстояния, и, прежде всего — индивидуальную матрицу сознания. Напротив, агнатский шунт, использующийся у нас в Высшей школе и в некоторых других специальных заведениях, отличается от обычного шунта когната. Как я уже говорила, шунт Раба несет в себе только функцию обеспечения бессмертия. Ни выход в Сеть, ни другие специальные функции шунта рабам не доступны... Связано это с особенностями нашей работы. Агнатки не должны отвлекаться ни на что, кроме хозяина и секса с ним. А Сеть предоставляет слишком большие возможности для бесплатного образования, виртуальных игр и путешествий. А кому из мужиков нужны умные бабы?

Мерилин усмехнулась.

— Второй фактор, обеспечивающий бессмертие гораздо проще, чем нейрошунт. Вокруг развитых планет, а к таковым относятся в основном миры из старых кластеров Нуль-Корпорации, часто кружатся весьма дорогостоящие спутники с так называемыми ментоуловителями. Эти приборы способны в прямом режиме без всяких нейроразъемов считывать пси-матрицы и память всех, кто ходит под ними по поверхности планет. Техника, в общем, не сложная, но очень дорогая и не слишком распространенная. Поэтому система реинкарнаций ориентируется в основном на нейрошунты.

В далеком прошлом, возможно, еще на Древней Земле, шунт представлял собой входное отверстие для линий передачи информации. Изначально это был специальный паз, куда вставлялся штекер, соединяющий твой мозг с машиной посредством банального металлического провода. Сейчас, конечно, ничего такого давно нет и шунт — это

бесконтактный порт. Его связь с Сетью обеспечивается внепространственно — через микроскопический нуль-портал.

На этом Мерлин закончила короткую лекцию.

«Микроскопический нуль-портал, — мысленно повторил Катилина. — Господи, очередная галиматья!» От переизбытка информации у него опять начала ныть голова. Но новый мир, — одернул себя он это новый мир, лишние сведения тут лишними не бывают.

Слушая Мерелин, легат с недовольной миной поскреб за ухом и постучал по своему шунту кончиком длинного ногтя. Потом посмотрел в зеркало, повернувшись немного в профиль. Шунт был практически не виден — металлическая бляшка на черепе приняла цвет, совпадающий с цветом кожи. Плавное движение тонких пальцев коснулось шоколадных волос, и шелковый локон клонированной красавицы легко закрыл место расположения коммуникационного разъема.

Будучи бравым кавалеристом, Катилина и в прошлом (как, впрочем, и большинство принципиальных холостяков и активных бабников) частенько красовался стоя напротив зеркала перед свиданием или походом в веселый дом. Крутя ус и бряцая орденами. Но в данный момент его отражение выглядело кардинально иначе, и смотрелся он отнюдь не браво. Более того, иначе выглядело не только тело и лицо «женской особи», как он выразился бы раньше, но и ... все остальное.

Положение его рук, наклон головы, то самое «плавное движение тонких пальцев», изгиб чуть развернутого плеча — именно все. Не только его тело, но и его душа, по крайней мере, в той части, которая касалась рефлексов, все более и более походила на поведение женщины. «Натура берет свое, — горько размышлял Катилина. — Все же тело — злобная штука!»

— А знаешь, что я не пойму? — сдвинув брови, произнес он вслух. — Почему шунт находится за ухом? Он же там слишком заметен. Если подобное устройство не нужно в качестве механического разъема — туда же ничего не втыкается! — то... зачем? Выглядит очень странно.

— А какие есть варианты? — улыбнувшись, поинтересовалась в ответ Мерелин.

Обычно настойчивость Каталины по выяснению подробностей окружающего мира ее раздражала, но иногда, как в данном случае, она могла забавлять.

— Думаю, что вариант расположения шунта на голове — элементарно самый простой, — пояснила старшая прайда. — Главное, там он ближе к мозгу, а это главный орган, с которым связан шунт. Конечно, шунт может передавать сигналы и находясь внутри тела, но зачем усложнять? Там его надо вживлять, а здесь приложил «таблетку» за ухо, и она сама сделала все — и закрепилась на коже и кости, и внедрилась в твою нервную систему. Да и не так видно ее за ухом — волосы прикрывают. К тому же, если ты обратил внимание, шунт приобретает цвет кожи человека, на котором крепится — так что он совсем мало заметен.

Катилина задумался. При этом он совершенно автоматически повернул свою женскую головку сначала направо, затем — налево, совсем по-девичьи изучая свою прелестную внешность в зеркале напротив.

Действительно, — думал он, анализируя все услышанное мужским разумом, но не отрывая взгляда от своего женского отражения, — с учетом расстояний, на которые передаются в этом мире сигналы (а они передавались, насколько он понял даже меж кластерами, то есть меж разными пространствами и временами), совершенно без разницы, торчит ли антенна наружу или нет. И то, что единственным мотивом для расположения нейрошунта является именно сочетание эстетических соображений и простоты установки на теле.

Наверняка Мерелин права и нет разницы, торчит ли антенна наружу или нет. Но, возможно, — для ремонта или ввода загрузочных программ требуется прямой контакт с нейрошунтом.

Вообще, куда его можно установить? — размышлял легат. — Попробуем

пофантазировать. Непосредственно в головной мозг? В ствол спинного мозга? В грудь? Просто на руку или в ладонь?

— Интересно, — спросил он. — А куда нейрошунт передает сигнал о том, что носитель умер?

Он передает сигнал в космос в ближайшую палату Хеб-седа. Но шунт свободного когната отличается от шунта раба. Для когнатов нейроразъем это не просто устройство считывания матрицы сознания, но и весьма многофункциональная вещь. Например, он может использоваться как средство связи, по которому люди могут говорить на больших расстояниях. Кроме того, шунт может использоваться как пульт управления техникой и обеспечивает доступ в Сеть Информации в любом месте и на любом состоянии... Шунт — это нечто неизмеримо большее, чем простой коммуникационный порт. Это целая система связи и управления, своего рода компьютер с очень сложной системой связи.

— То есть шунт, — подвел итог Катилина, — это прежде всего компьютер?

— А ты знаешь, что такое компьютер? — заключила в свою очередь Мерелин. — И какого черта я тут распинаясь?

— В общих чертах мне это как бы знакомо, — пожал Катилина плечами, сам удивляясь собственной технической осведомленности. — Только не спрашивай меня, откуда и почему. Я как бы вспоминаю, что означают эти сложные слова, но понятия не имею, где могла узнать их значение. Кстати, мне кажется, что слово «шунт» в переводе означает «соединитель» или «перемычка». То есть некое неактивное устройство. Я ошибаюсь? А любой компьютер — это активное устройство, и ему для управления необходимо то, что называют клавиатурой. У нейрошунта это есть?

— Ого! Тебе знакомо и это слово? — Мерелин удивленно вздернула бровь.

— Каким-то образом.

— Клавиатура у шунта есть, — поборов изумление, сказала блондинка, — В нашем агнатском варианте для наложниц она не предусматривается, но у когнатов и уж тем более демиургов Нуля клавиатура присутствует обязательно. Все клавиши — виртуальные, и кроме самого носителя шунта их никто не видит. Достаточно просто активировать нейрошунт прикосновением руки к виртуальной кнопке — и эта невидимая клавиатура зависает перед тобой прямо в воздухе. Кнопка активации — это особая метка, висящая перед тобой на расстоянии вытянутой руки, чуть справа или чуть слева — в зависимости от расположения шунта в правом или в левом виске. Метка называется «сила». Она горит перед тобой всегда, когда открыты твои глаза, и гаснет, когда веки опускаются.

При этих словах Катилина чуть не подпрыгнул.

— Сила? — переспросил он. — Метка, которая гаснет, когда опускаются веки? А... слушай, а как она выглядит?

Мерелин пожала плечами.

— При желании ей можно представлять разный вид, — ответила блондинка, — как и любой компьютерной иконке. Стандартно — это нечто похожее на снайперскую мишень и на око одновременно — несколько овалов, один в другом, а в центре — закрашенный круг.

— А цвет?

— Цвет сила? Да любой. Но стандартно он красный.

Катилина рассмеялся — так вот что висело все это время перед его глазами!

— Ты чего?! — удивилась Мерелин.

— Да так, все нормально. Ну и что дальше? Дотрагиваемся до «силы», активируем, таким образом, скрытый в шунте компьютер...

— Точно, — кивнула головой Мерелин. — После этого перед тобой возникнет виртуальный интерфейс, так называемый «визуальный шар» — та самая пресловутая компьютерная клавиатура. Визуальный шар включает круглый экран, горизонтальный и вертикальный ряд функциональных клавиш, а также, как ты сама можешь догадаться алфавитную клавиатуру. Однако кнопки клавиатуры не слишком активно используются, поскольку в основном интерфейс рассчитан на голосовые команды и сенсорное управление с

помощью пальцев — визуальный шар можно двигать, вертеть, переворачивать, раздвигать, выбирая те или иные нужные функции.

Активируются клавиши «функций» и клавиатуры прикосновением «перчаток». Тоже виртуальных, которые висят перед тобой в воздухе на уровне живота.

Представь — ты кладешь ладони на эти виртуальные перчатки. Они прилипают к твоим рукам — и вперед, можно нажимать на клавиши.

Короче — клавиатура есть. Это основа нейрошунтования и общения с СИНК. Однако она представляет собой чисто виртуальную конструкцию. Для стороннего наблюдателя клавиши не видны, и потому человек, работающий с клавиатурой и «функциями» нейрошунта и тычащий пальцами в воздух, для стороннего наблюдателя будет выглядеть несколько странно.

— Не пойму, — сказал Катилина, — как клавиатура может быть виртуальной? Если ее клавиши и твой визуальный шар висят перед глазами, то они не могут быть видимы только одному человеку. Как лучи света могут быть видны одному наблюдателю и невидимы для другого?

— Да брось, все просто, — усмехнулась блондинка. — Сигнал из шунта поступает непосредственно в мозг, а перед глазами ничего нет, никаких лучей, это просто иллюзия. Ты не видишь ничего своими зрачками, а зрительный нерв возбуждается непосредственно электронными импульсами, которые следуют от нейрошунта. Глаза твои, как и глаза окружающих, ничего не видят. Видит только сам мозг.

Катилина кивнул. «Похоже, — подумал он, — с объяснениями пора было завязывать». Во-первых, Мерелин объясняла слишком долго. Ему давно уже пора было опробовать «силь» на практике. Ведь если все, что говорит Мерелин, это правда и таинственный Саймон Рукс, не соврал ему, то подаренная коммуникационная программа открывала перед легатом прекрасные перспективы!

Кавалерист прикусил свой женский язычок, поблагодарил старшую подругу за пояснения и быстро отправился восвояси.

* * *

Опробовать новые знания Катилина решил сразу перед сном, как только динамики скомандовали отбой и секс-агнаткам было велено приглушить в своих комнатах свет.

По словам Мерелин, нейрошунт значительно упрощал проблемы образования — изучить новый язык или целую учебную дисциплину для «прошунтованного» работника Нуль-Корпорации было делом нескольких секунд. Подключение, выбор обучающего файла — и все.

Как говорила Мерелин? Шунт — универсальное устройство, обеспечивающее доступ в Сеть в любом месте и на любом расстоянии. Это очень даже интересно.

Итак, — резюмировал он, — для использования нейрошунта по назначению носителю достаточно просто открыть глаза. При поднятых веках в поле зрения справа возникает так называемый «силь» в форме овальной клавиши красного цвета. Реально «силь» не существует, а является всего лишь воображаемым изображением, спроецированным прямо в мозг носителя его нейрошунтом.

Легат усмехнулся.

Мигающее, красное нечто, нервировавшее его весь этот долгий день с того самого момента, как он очнулся от «болевого» сна, сна, в котором его посетил загадочный Саймон Рукс, — это всего лишь «силь», специальная метка для активизации виртуальной клавиатуры.

Катилина прошел по своей комнате, выдвинул кровать, расстелил постельные принадлежности, затем быстро выключил свет и сел на свое ложе в полной темноте.

Для того чтобы инициировать шунт, нужно как бы «прикоснуться» правой рукой к «силу». Так, кажется?

Немного переживая от важности момента, экс-легат одним касанием указательного пальца правой ладони вдавил мигающую виртуальную кнопку.

Возможно, в этот момент никто не видел его в крошечной темноте личной комнаты, но страх перед постоянным наблюдением беспокоил бывшего катафрактария. Вокруг тьма, сам мир виртуальный и все же...

Внезапно мир вспыхнул красками, заиграл, как космическая туманность, как яркий рекламный ролик!

Мгновенно, как только подушечка его пальца будто бы коснулась алого, висящего в воздухе пятна, вокруг его тела, перед ним, и справа, и слева, из тьмы в одно мгновение и пугающе ярко возник интерфейс, воздвигнутый нейрошунтом как цветной, огромный обелиск.

Неужели все это виртуально? Неужели видеокамера в углу комнаты не видит всего этого цветного многообразия, что вспыхнуло вдруг вокруг сидящей на кровати агнатки?

Легат замер.

Присмотрелся. Прислушался. Но нет, все было тихо, и, самое главное — каморка Каталины по-прежнему пребывала в крошечной тьме, несмотря на то, что изображение перед его глазами горело яркими красками. Эти картинки действительно вставляли только у него перед глазами!

«Хорошо, — подумал Катилина. — Это хорошо».

Немного успокоившись и осознав, что прямо сейчас к нему в комнату не ворвутся охранники с шокерами, он сконцентрировался на самом интерфейсе.

Как и рассказывала Мерелин, основной фигурой интерфейса являлся визуальный шар с объемным изображением внутри. Параллельно полу, примерно на уровне живота оператора протянулась клавиатура — с удобными по размерам клавишами, ровная как поверхность стола, тонкая и прозрачная как полиэтиленовая пленка.

Помимо «клавиатуры», по краю экрана-шара, полукругом справа и слева оказались разбросаны клавиши дополнительных функций. И клавиатура и оба полукруга с функциональными клавишами размещались на некой полупрозрачной, но отчетливо видимой виртуальной подложке.

Погрузив руки в виртуальные перчатки, услужливо лежащие по бокам от визуального шара, Катилина коснулся подложки указательным пальцем и без труда передвинул по очереди оба полукруга и клавиши вверх, вниз, в сторону и обратно. Затем, дотронувшись пальцем до самого экрана-шара, он крутанул его вправо и влево. Тот завертелся вокруг оси, как будто подвешенный на веревке.

Действительно, оперировать виртуальным интерфейсом оказалось очень удобно. При каждом касании звучала мелодичная музыка, как будто кто-то тихонько ударял в ксилофон. Тоненько и дружелюбно — «з-зынь!».

Наконец Катилина вернул все обратно. Изначальное положение составляющих интерфейс объектов оказалось самым удобным. Шар — на расстоянии полуметра прямо перед глазами, клавиатура напротив пупка, функциональные клавиши — под чуть поднятыми руками.

Наверное, со стороны это выглядело так, как и говорила Мерелин — словно человек совершает бессмысленные пассы руками в воздухе перед собой. Впрочем, если его никто не видит, на что он надеялся, то какое это имело значение?

Образовательные программы (например, языковые), по словам Мерелин, могли загружаться в мозг в ускоренном режиме и в больших количествах. Именно это и было сейчас необходимо Каталине — скорость и объем. Активировав интерфейс нейрошунта, бывший кавалерист находился теперь в непосредственной связи с Сетью. Это означало, что время устных расспросов, время трудного добывания информации у подруг по прайду закончилось.

— Голосовой режим, — шепотом произнес Катилина в воздух. — Прошу вывести на экран наиболее используемые образовательные программы. Языковые, а также по истории

Нуль-Корпорации... нет к черту, все это подождет! — Легат внезапно вспомнил свое солдатское прошлое, свои недавние унижения во время шунтования, пси-программирование на уроке по этике и ему внезапно, остро и отчетливо вдруг захотелось взять в руки... нет не палаш, а — бластер-эскамет!

— Мне нужны пользовательские программы! — попросил он. — В частности, меня интересуют краткие лекции по используемому в Искусственном Мироздании ручному стрелковому оружию, системам контроля и видеонаблюдения, обучающие программы для пилотов космических кораблей и наземной технике. А также боевая тактика и методика обучения местной полиции и спецназа...

Он помолчал.

И еще. Пожалуй, мне нужна объемная карта ИЦа № 166. Есть таковая?

Надпись вспыхнула на экране.

— Да, мадам, — произнес из воздуха приятный мужской голос. Это нейрошунт передавал сигналы в область мозга, ответственную за слух. — Хотите получить весь список образовательных программ?

— А сколько их там?

— По первой из названных вами категорий в разделе «Краткие лекции по используемому в Искусственном Мироздании стрелковому оружию» найдено пять триллионов восемьсот четырнадцать миллиардов пятьдесят семь миллионов образовательных программ. Округленно. По второй категории...

— Стоп! Давай ограничимся одной программой из каждого списка. На твое усмотрение. И то-то шесть программ. Я смогу запомнить их все сразу?

— Не сомневайтесь, мадам. Через минуту вы будете непревзойденным специалистом. Для справки: прайсовая стоимость скачивания указанных шести программ составит двести пятьдесят четыре миллиона триста четырнадцать тысяч кредо...

Услышав цифру, Катилина осекся. Но машина тут же продолжила:

— Однако по предоставленной вам специальной коммуникационной программе скачивание будет проведено бесплатно. Спасибо, что воспользовались нашими услугами!

Легат облегченно вздохнул. Что ж, щедрость Саймона Рукса воистину не имела пределов.

Чтобы расслабить мышцы во время получения информации, он откинулся на кровати на спину, и вместе с этим движением все нагромождение виртуального экрана, клавиатуры и функций пришло в горизонтальное положение. По-прежнему застыв перед глазами и на уровне живота.

Экс-кавалерист опустил ресницы, и изображение интерфейса исчезло. Но его шунт-компьютер оставался с ним.

— Прикажете приступить? — вежливо поинтересовался искусственный разум.

Давай!

И поток информации рухнул ему прямо в мозг, поглотив сознание.

«Спасибо вам, господин Рукс, — успел подумать Катилина. — Сеть — отличный подарок!»

Кластер Седан. ИЦ АТ № 166. Индивидуальная камера Катрины-Беты. Время — восемь часов спустя.

Спустя восемь часов Катилина проснулся. После сбора в Актовом зале прошло уже более полутора суток. (Что за название, «Актальный зал», — подумал Катилина, — для школы шлюх его можно весьма двусмысленно истолковать.) Нулевой день занятий закончился вчера, и с новым утром для будущих профессиональных наложниц начался первый «стандартный» день в Высшей школе.

По звонку вмонтированного над кроватью «общего» будильника бывший кавалерист широко открыл свои новые огромные голубые глаза с длинными ресницами и уставился на

зрочок видеокамеры. Лампы дневного света зажглись одновременно с сигналом к пробуждению, и теперь в их белых приветливых лучах лазерный огонек уже не казался оком вампира, как ночью.

Легат потянулся и сел. На противоположной стене вспыхнуло разнообразием цветов плазменное панно с изображением захватывающего горного пейзажа. На картинке сверкало озеро, затерянное среди снежных вершин. «Красота!» — подумал по этому поводу Катилина. В углу плазмы горели цифры. «07-45-14» (он узнал их без труда, видимо, знание цифр из голов агнаток при клонировании не стирали). Последняя цифра менялась на: «15», «16», «17»...

«Ага, — догадался легат, — это время: секунды, минуты, часы. Пора вставать».

Он легко сел на кровати и коснулся ступнями пола — что и говорить, его новые женские ноги выглядели обалденно. Безусловно, они бы порадовали мужской взгляд.

— Доброе утро, Катрина-Бета, — прошептал потолочный динамик вежливым голосом. В отличие от голоса нейрошунта, с которым Катилина общался ночью, голос динамика его комнаты оказался тоненьким и визгливым. — Система рада приветствовать вас в добром здравии!

— Как же, в добром здравии, — буркнул легат, посмотрев на свою женскую грудь, и протопал в ванну. Вчера вечером во время обустройства секс-агнаток в личных комнатах динамики молчали. Объяснялось это просто — нулевой день не считался днем обучения и, по всей видимости, систему голосового контроля, которой были оборудованы камеры рабынь, еще не подключили.

Оказавшись в ванной, катафрактарий согнулся, и его тонкая девичья рука плавно порхнула над раковиной. Кристальная струя ласково-теплой, сверкающей воды устремилась фонтанчиком вверх.

— Ух, замечательно! — пробормотал он вслух.

После нескольких часов интенсивного ночного обучения «Сеть-в-мозг» голова у него болела не по-Детски, как будто с хорошего перепада, и освежиться холодной водой было очень приятно. Катилина Умылся, достал из синтезатора над ванной мягкое бумажное полотенце, промокнул лицо, выкинул полотенце в мусорный ящик. Мусорка пискнула и тут же съела гостинец.

Катилина взглянул на себя в зеркало.

После получения информации по всем видам основных вооружений, существующих в Искусственном Мироздании, как-то особенно умным он себя не чувствовал. Голова болела, знания скрывались в бездне памяти. Чуть напрягшись, Катилина заставил себя вспомнить что-нибудь из заученных ночью уроков и — о чудо! — в памяти тут же услужливо всплыло множество изображений оружия, схем разборки-сборки, технических характеристик и даже видеозаписей от первого лица со стрельбищ и из тиров. В этих видеозаписях было все — от ощущения отдачи при выстреле до запаха пороховой гари или воздуха, сжигаемого поражающим лучом бластера.

В голове поместилось более двух сотен часов тренировок, посвященных стрельбе. В имитационном ролике он сначала мазал и не попадал, а затем, набивая руку и тренируя мозг, бил в яблочко все чаще и чаще, и к концу записи вообще смог выбить сотню мишеней из ста. Похоже, он стал настоящим снайпером!

Кстати о бластерах. Ручные эскаметы являли собой наиболее распространенную модель ручного оружия в Мироздании Корпорации. И теперь Катилина знал, что те великолепные плоскоствольные монстры, что висят на предплечьях евнухов и охранников ИЦа № 166 зовутся «правительственной моделью» — то есть «официальной моделью служб и войск Стратегикона Нулевого Синтеза». Данная дешевая, мощная и необычайно надежная разновидность лучевого наручного пистолета была до чрезвычайности распространена и составляла, пожалуй, восемьдесят процентов всего легкого стрелкового оружия в кластерах Нуля.

Закрыв глаза, Катилина еще раз мысленно разобрал и собрал этот могучий (но при этом

легкий) пистолет, щелкнул запястным замком, вытащил и вставил обратно две съемные энергетические батареи. Так, вроде все в порядке. Ночь, можно сказать, прошла не зря — теперь он являлся знатоком оружия и ловким стрелком.

Вспомнив свой старый палаш и кремневый пистолет, которым пользовался когда-то, легат усмехнулся и вновь непроизвольно посмотрел на зеркало. Веселье сразу пропало.

«Да, господин мой, — усмехнулся легат, — приплыли». Косметика на его лице сейчас, естественно, отсутствовала, но участки вокруг глаз и пигментация губ, по всей видимости, были подкрашены «генетически». Вместе с длинными, загнутыми ресницами и идеально чистой кожей они создавали совершенно сногшибательное впечатление.

Смотрящее на него из зеркала лицо нельзя было назвать никак иначе, кроме как «почти совершенным» или «невероятно красивым» — именно так. Высокий лоб, гордая лебединая шея, правильные Черты лица, открытый и прямой взгляд бездонных темно-голубых глаз... Впечатление не портили даже волосы, шоколадным и слегка спутанным покрывалом, ниспадающие на спину.

— Красавица, блин, кавалерист хренов! — выругался реинкарнированный полководец.

Почти прорывав, он показал себе зубы, сплюнул по-мужски и грязно выматерился в три этажа.

— Внимание, Катрина-Бета, — тут же сказал динамик. — Система автоматического контроля рекомендует вам воздерживаться от использования нецензурных идиоматических оборотов. Вы получаете пять секунд шокера в конце недели. Пожалуйста, будьте бдительней.

Катилина слегка опешил от подобного оборота и резко выпрямился. Он хотел даже по инерции ругнуться, но весьма живо вспомнил весь ужас последнего перенесенного им наказание махейром и сдержался. По коже пробежали мурашки. Глупый протест не стоил и двух секунд шокера. Даже ради новой встречи с загадочным Эс Си Руксом.

Легат сжал губы — ладно, пусть идут к черту!

Затем, ощутив некоторое желание, Катилина прошел в угол комнаты и присел на унитаз. Ощущения, связанные с отсутствием члена, по-прежнему казались ему необычными, но даже то, что он впервые за три дня мог справить малую нужду в одиночестве, не опасаясь случайных взглядов своих невольных подруг, его сильно порадовало. Хоть какая-то приватность!

— Внимание, Катрина-Бета, — от неожиданности Катилина аж подпрыгнул. — В вашей моче зарегистрировано повышенное содержание кремния.

Система рекомендует вам повышенный контроль питания. После прибытия на занятия немедленно сообщите о результатах урологического теста вашему дежурному евнуху. Доброго здравия, Катрина. Спасибо.

— О господи, — только и выдавил из себя экс-легат. Он быстро подтянул шорты-трусики, затем немного подумал, скинул с себя одежду и, подойдя к синтезатору, быстро получил новую. Все те же бумажные блузка, шорты и носки с подошвой.

Интересно, подумал он, с чем связано повышенное содержание кремния в его моче? Ведь он только что «изготовлен». Быть может с тем, что всю ночь его мозг и тело пронзали легкие электрические разряды, несущие с собой информацию из Сети? Столь долгий контакт с электрическими приборами должен был как-то отразиться на химических реакциях организма, верно?

В этот момент под потолком прозвучал второй предупреждающий сигнал.

— Внимание, Катрина-Бета, — сказал динамик. — Вы приглашаетесь в стадион-сад для развода на занятия. До завершения общего сбора осталось пятнадцать минут. Поздравляю вас с началом первого учебного дня!

За спиной щелкнуло. Затворы плавно вползли в стену, и стеклянная дверь, повинаясь току ионов, пронзающих ее тонированную толщу, внезапно стала прозрачной, явив его взору залитый солнцем коридор за собой. По общему холлу к выходу из «снежинки» уже торопились другие девушки.

Катилина тоскливо взглянул на зеркало и, печально подмигнув отражению, поспешил вслед за ними.

Его обучение началось.

Поза 10

Дополнительная нагрузка

Дни полетели за днями, а время медленно потекло.

Человеческая душа не всегда способна принять некоторые вещи, однако слабое человеческое тело привыкает почти ко всему. Катилина держался. День за днем, час за часом. В полном соответствии со словами господина Глазго Деморти — их старшего евнуха, по случайности ставшего личным евнухом «девятнадцатой» группы — обучение сексагнаток шло согласно установленному расписанию занятий. Ранний подъем, ежедневное ОФП, утомительные занятия по теории, унижительные уроки практики, дневной сон, прогулка, полуголодные завтраки и обеды в столовой, регулярные медицинские осмотры, и, наконец, краткое свободное время перед сном.

К обычной программе Высшей школы примешивалась еще и дополнительная нагрузка, определенная Катилиной самому себе. То была собственная программа обучения — путешествия по Сети.

История и устройство Искусственного Мироздания легата не интересовали, — в этом вопросе хватало объяснений Мерелин и Лилит, а также нескольких файлов, которые удалось скачать из Сети в первый пень после ознакомления с работой нейрошунта; навыков владения специальной техникой и знаний о конструкции различных технических устройств он также освоил достаточно. Обучающие программы стоили безумно дорого, и то, что Катилина скачивал их в огромных количествах совершенно бесплатно, давало ему невероятную фору. Перед кем? Да хотя бы перед обычными когнатами и евнухами охраны.

Хвала Господу, практические занятия в Высшей школе пока не пересекали черту, за которой Катилина не смог бы сдерживать свою гордость. Однако черту самой гордости перескакивали почти ежедневно. Впрочем, сильным ударом по его психике был сам факт нахождения в теле женщины, причем не дородной мужеподобной старухи, что еще можно было бы стерпеть, а в оболочке холеной красавицы. Роскошная шатенка Катрина-Бета с бесконечными ногами и ледяной бездной голубых глаз была настолько хороша, что иногда Катилина признавался себе, что испытывает к собственному телу чуть ли не сексуальное влечение. Все это отдавало раздвоением личности и шизофренией. Но Катилина терпел.

Несмотря на доступ к неограниченным сетевым ресурсам, множество вопросов по-прежнему мучили его истерзанный разум. Легат разгадывал их постепенно, поскольку объем информации о новом пугающем мире был слишком велик, чтобы впитать в себя все целиком и сразу. Но Катилина не отчаивался.

Разведка и рекогносцировка на местности, по мнению старого полководца, являлись главным элементом победы в любом бою. Да, случайности предусмотреть невозможно, но знать о противнике все, что можно узнать, — священная обязанность всякого бойца. И Катилина пытался узнать.

Уже за первую неделю он выяснил почти все, что было необходимо.

В частности, он узнал, что секция, в которой расположилось помещение их школы, та самая «суперснежинка», к центру которой устремлялись все коридоры адаптационных камер, личных комнат наложниц и учебных помещений, находилась в так называемом «присоединенном мире», а вовсе не в теле индустриального центра.

Индустриальный центр, согласно сведениям Сети, представлял собой висящий в космическом пространстве стальной шар диаметром всего десять с половиной километров. При том что если мысленно вытянуть протяженность всех залов и коридоров Высшей школы, хотя бы приблизительно прикинув их размеры, размеры ИЦа должны были превышать тысячи километров. А ведь школа в ИЦ № 166 была не единственным крупным

заведением!

Внутренне пространство стального планетоида в основном занимали помещения промышленного назначения, а также грузовые терминалы, где космические челноки ежечасно загружались для отправки синтезированных товаров на подконтрольные планеты. Часть помещений ИЦа выделялась также для размещения администрации и военных.

Войсковая часть на территории ИЦа находилась всего одна, но ее «ограниченного контингента» в десять тысяч армейских душ, по мнению Мерелин и Лилит, с лихвой хватило бы на то, чтобы разнести в щепы все, что могли выставить и в космосе и на земле пятнадцать «союзных» планет близлежащей звездной системы. А территория части, по схемам СИНК, как минимум в пять раз превышала территорию проститутской школы. Катилина долго не понимал, каким образом это возможно.

Сущность так называемых «присоединенных миров» дошла до него только после нескольких бессонных ночей, во время которых бывший катафрактарий проштудировал сотни томов с архитектурной документацией. Вначале Катилина представлял, что под названием «присоединенные миры» имеются в виду какие-то планеты, не вошедшие по тем или иным причинам в Торговый Союз Корпорации (а что еще он мог подумать?), но вскоре выяснилось, что это совсем не так.

Как уже говорилось, ИЦ был шаром, диаметром в десять километров. Логично было бы предположить, что максимальная протяженность его помещений не могла превышать эту стандартную величину. Тем не менее просторы, которые открывались взору со смотровой площадки стадион-сада Высшей школы агнаток, даже на самый неопытный взгляд, говорили, что внутри индустриальный центр гораздо больше чем снаружи.

Архитектурная документация наглядно показывала, что к нескольким помещениям внутри ИЦа присоединены сотни искусственных миров в форме параллелепипедов и кубов. Эти миры представляли собой ограниченные пространства, похожие на «комнаты», только несоразмерно большие. Именно поэтому структура всех заведений ИЦа напоминала «снежинку». Широкие залы и маленькие каморки, составляющие такую «снежинку», по сути своей являлись не помещениями, а представляли изолированные независимые пространства, соединенные посредством стационарного межпространственного перехода, внешне похожего на длинный коридор. В начале и в конце каждого коридора располагались не двери, а нуль-порталы. Все коммуникации — как линии видеонаблюдения, так и линии вентиляции, электричества и связи, осуществлялись также через нуль-порталы.

Такая структура позволяла располагать внутри ограниченного пространства помещения большего объема, чем даже сам ИЦ — ведь на самом деле они находились «не здесь», а в «иной вселенной». В них просто вела очередная дверь из коридоров планетоида.

Во всем этом Катилине помогло разобраться подключение его шунта к Сети Информации Нуль-Корпорации.

Большинство его подружек-агнаток были бессмертны, а потому необычайно стары. Недостаток природного ума или образования таким «древним» наложницам с лихвой компенсировали жизненный опыт и разнообразные обрывочные знания, приобретенные ими во время бесконечного дефиле через реинкарнации и гаремы. Но сведения, почерпнутые из бесед с рабынями, часто оказывались отрывочны и не полны, а иногда даже противоречили друг другу.

Информация из СИНК, напротив, была предельно подробна и почти математически точна. Однако на многие вопросы не могли дать ответа даже сетевые библиотеки.

Кроме структуры ИЦа Катилина без особого труда выяснил количество охранников, что сторожили выход из каждой «снежинки», график их смены на посту, служебные характеристики самих охранников, их личное вооружение и оценки по стрельбе во время недавних стрелковых тестов. Он ознакомился с расположением залов и комнат, с геометрией коридоров, наизубок заучил их привычки и распорядок дня.

Однако, как пройти мимо охранников, чтобы выбраться из школы наружу, — он не имел понятия. Сеть таких ответов, разумеется, не содержала.

Как бы там ни было, к концу третьей недели обучения в Высшей школе экс-легату стало очевидно, что одних только знаний, гигантскими массивами скачиваемых им из Сети, для успешной подготовки побега явно не хватает. И хотя в целом в его голове вырисовывалась достаточно подробная картина, тут требовалось нечто большее.

Режим работы Высшей школы и индустриального центра, количество имеющихся космодромов, число ежечасно приземляющихся на них кораблей, штат служащих и охраны, психологические портреты руководителей и менеджеров среднего звена — все это теперь имелось в распоряжении Катилины. Однако недоставало простых вещей.

Например, элементарно — оружия.

Из алюминиевой ложки, украденной из столовой, Катилине удалось сделать подобие заточки. Из бумажных полотенец — сплести некоторое подобие веревки, не слишком прочной, однако вполне способной выдержать его нынешний «женский» вес. Катилина и сам не понимал, зачем он все это делает — ведь ни нож, ни даже любимый им кавалерийский палаш-спата не помогли бы ему пройти через ряды вооруженных эскаметами охранников.

В условиях режимного учреждения, каким, без сомнения, являлась Высшая школа наложниц, Катилина не имел возможности заранее приобрести одежду, деньги или продукты для дальнего похода, не мог получить инструмент, необходимый для бегства, не мог вырыть своей ложкой-ножом подкоп, как сделал один неизвестно откуда знакомый ему литературный герой — ведь вокруг был космос.

Единственное, что мог Катилина, — это размышлять и строить невыполнимые планы.

Например, немного прикинув свои новые возможности во время занятий по ОФП, Катилина заключил, что спортивная форма будущих VIP-наложниц хотя и далека от совершенства, но все же вполне сносна. Девчонки из прайда не годились в десантницы и в спецназ, однако были молоды, здоровы и пылали жизнью. Катрина-Бета, например, пробегала стометровку за двенадцать секунд, отжималась от земли пятьдесят раз и без особого труда подтягивалась на перекладине — все это он выяснил опытным путем, во время прогулок по стадион-саду. Если забыть про тонкие женские кости, увеличенный женский таз, слабые кисти рук, отсутствие мозолей и сбитых костяшек на женских руках, — выходило не так уж и плохо. А если вспомнить о невероятной выносливости и гибкости каждой сексуальной рабыни — то и вообще хорошо. При некоторых специфических навыках, которых у легата Катилины имелось теперь более чем достаточно, сомневаться в том, что девица с легкостью завалит пару-тройку местных охранников, не приходилось.

И все же решиться на прорыв в одиночку Катилина пока не смел. При всех своих способностях и опыте, он прекрасно осознавал, что физически слабее большинства охранников, не говоря уже об их количестве, а также о самом главном — о цели Побеге.

По большому счету, даже если бы легат выбрался за пределы ИЦа и угнал при этом космический корабль (после сорока часов симуляторов полета он очень надеялся, что в состоянии это сделать) ему некуда было бежать. Повсюду в Искусственном Мироздании его нейрошунт, так много давший Катилине за эти четыре недели, станет его ловушкой.

Поэтому, набравшись терпения, Катилина решил дожидаться следующего визита господина Рукса, чтобы хоть что-нибудь прояснить...

Именно так, за учебой в классе будущих наложниц, в шатаниях по Сети по ночам, в размышлениях и тревогах, прошел первый месяц его обучения в Высшей школе для сексагнаток. Одни занятия сменялись другими, и постепенно они с Роксаной, а также прочими прогами из их курса превращались из жителей своих старых, выдуманных миров в некое подобие блондинки Мерелин и синеволосяй Лилит — в запрограммированных наложниц-зомби. В «изделия», созданные Корпорацией Нулевого Синтеза для оказания сексуальных услуг искусственным обитателям Искусственного Мироздания. Безмолвных и совершенно «глухих» к обычным чувствам людей.

Впереди оставались только контрольные тесты и традиционные, ежемесячные занятия по пси-устойчивости. Катилина ждал. И все же противоестественное состояние, в котором пребывал старый кавалерист, расхаживая по новому миру в теле длинноногой красавицы, не

могло продолжаться вечно. И вскоре, то жестокое и злое разрешение ситуации, которого Катилина так опасался, обрушилось на него с роковой неизбежностью.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ЭКЗАМЕН ДЛЯ РЕЗИНОВЫХ КУКОЛ

Поза 11 Пси-устойчивость как учебная дисциплина

**Кластер Седан. ИЦ АТ № 166. Высшая Шкала наложниц. Зона за стадион-садом.
Спустя один месяц после начала обучения**

Как и прочие проги, Катилина вскоре привык к незыблемому распорядку дня, обозначенному перед Дрожащими агнатками в самый первый день их прерывания в Высшей школе. Все тридцать прошедших суток в смысле распределения времени были похожи одни на другие и отличались не более чем две капли росы, застывшие на зеленой травинке. Или, лучше сказать — как две капли яда на губах отравленного мертвеца.

Однако тридцатый день их пребывания в Школе должен был отличаться от прочих.

В полдень этого памятного дня, как и всегда после завтрака, секс-агнаткам полагался «выгул» перед практическими занятиями. Однако евнухи-охранники, оцепив девушек в столовой, большим коровьим стадом погнали их не в стадион-сад, который представлял собой как бы центр «суперснежинки», а по большому коридору — куда-то в другом направлении.

Легат удивился. Незвестный ему очень широкий коридор вывел учениц в кольцеобразный зал, залитый приглушенным светом. Зал был именно «кольцеобразным» — коридор, по которому они шли, свернулся в круг и замкнулся сам на себя. В центре зала, как бы образуя внутреннюю стену «кольца», размещалось относительно небольшое помещение, закрытое тонированным стеклом. По сравнению с этой «остекленной» зоной, Актный зал и даже рабская столовая выглядели огромными — комнатка была крайне не велика.

Катилина вспомнил, что по расписанию значилось: «13–00 — занятия по психологической устойчивости». Те самые, о которых упоминал шеф Артели ровно тридцать дней назад. Впечатлений за прошедшее время было получено много, и Катилина, Роксана, а также другие проги из виртуальных миров, с которыми девушки успели перезнакомиться за минувший месяц, не придавали слишком большого значения этому странному названию.

Катилина, например, полагал, что речь пойдет о каком-то подобию экзаменов, завершающих программу, которую они «изучили» за этот месяц.

Душу теребили вопросы...

Мерелин упорно отказывалась пояснять, что собой представляет в понимании преподавателей «психологическая устойчивость». А синеволосая Лилит язвила и издевалась. Эффи просто молчала и время от времени отпускала в пространство короткие, злобные ругательства, характеризуя предстоящие занятия как нечто весьма неприятное. Катилина и Роксана сначала переглядывались и недоумевали, но как-то раз отсели в сторонку, чтобы обсудить это между собой.

— Думаю, это будет что-то вроде пыток. Возможно — махейр, — шепотом высказала идею Роксана. Помнишь, в самом начале нас им обрабатывали? Не знаю, но, по-моему, большей «психологической устойчивости», чем выдержать две минуты шокера в природе быть не может.

— Это в природе, — возразил Катилина, — а у нас тут торжество науки и дисциплины. Я скромно полагаю, что господин евнух Деморти извратится как — нибудь так, что шокер покажется нам детской забавой.

Возможно, — вздохнула Роксана. — У тебя есть догадки?

Катилина только пожал плечами.

— Не знаю, — задумчиво ответил он, — догадки есть, но лучше бы им не воплощаться в реальность.

В принципе, сейчас Каталина не боялся шокера. В каком-то смысле он даже ждал этого наказания. Весь долгий месяц он изображал из себя покорную умницу, стараясь избегать злобы охранников и учителей. Однако срок хорошего поведения затянулся, ему уже давно требовалось переговорить с мистером Руксом. А кроме шокера Катилина не видел способа увидеться со своим тайным благодетелем. С одной стороны, ему не хотелось испытывать боль от удара электродубинкой, с другой стороны — свидание с Руксом уже являлось жизненной необходимостью. По большому счету он и так с этим затянул.

Как бы там ни было, по прибытии в «кольцевой зал» девушек разбили на классы, классы развели по периметру остекленной зоны. Оказалось, что остекленная зона разбита на секции, по числу пригнанных на занятия классов. В секцию каждого класса вела собственная дверь из тонированного стекла.

Несмотря на то, что внешняя стена Кольцевого зала была ослепительно белой, как и большинство помещений Высшей школы, а пол чисто вымыт, зал показался Катилине неопишимо зловещим и мрачным. Вскоре он понял почему. Вдоль этой не стеклянной стены кольцевого зала, прикованные к вмонтированным в стену металлическим нашлапкам, висели цепи.

Цепи заканчивались ошейниками — маленькими, кожаными, как раз на тонкую шею агнатки... А внутри... внутри за стеклом было хуже. Грязная, когда-то белая плитка, ржавые столы, похожие на столы для рожениц, с металлическими тестами, наверху которых также заканчивались наручниками и ... ножницами? Форма столов и расположение на них шестов с оковами вызвали нехорошие ассоциации, однако конструкция ржавых постаментов была настолько извращенной, что додуматься до смысла создавшей их инженерной ели оказалось с первого взгляда достаточно сложно. Было ясно, что агнаток станут класть на столы, закрепив ноги и руки в немыслимых позициях, а потом... Разум отказывался верить! Когда Катилина прикинул по расположению наручников, как именно можно закрепить девушку на одном из постаментов, и то, насколько больно ей будет так полужелезничать-полувисеть, волосы на его голове почти зашевелились...

Перед каждой стеклянной секцией разместилось двадцать пять девушек одного класса по пять человек в пяти прайдах. Кроме того, тут же стояла охрана — много охраны, гораздо больше, чем требуется для контроля над двадцатью Пятью несчастными запуганными полуголыми Девушками.

Всего Катилина, традиционно, еще по старой офицерской привычке привыкший считать толпу людей (или отряд бойцов) полусотнями, насчитал, по меньшей мере, три полные полусотни охранников. То есть в шесть раз больше, чем самих общительниц. Неизвестно почему, но соотношение заставило его поежиться. Шесть к одной или... шесть на одну?

Вслед за прайдами в зал вошел старший евнух Глазго Деморти.

— Ну что же, дамы, — начал он, выделив последнее слово интонацией, — вот и настал тот сладостный миг, который все мы, — тут по рядам охранников прокатилась волна смехов и гогота, — так ждали целый месяц. Весь этот до-о-олгий месяц! За это время, мои милые воспитанницы, вы приступили к изучению множества теоретических и практических дисциплин, без которых невозможно себе представить благородную профессию секс-агнатки.

При этих словах, несмотря на все попытки сдерживать эмоции, лицо Каталины стало непроизвольно наливаясь кровью — подонок явно издевался над стоящими вокруг рабынями.

— Однако занятия, которые сегодня будут с вами проведены, — продолжил Глазго Деморти, — представляют собой наиболее значимую часть вашего обучения, ибо... ибо...

Он покрутил в воздухе пальцем и наконец махнул рукой, то ли устав кривляться, то ли потеряв свою мысль. Да и была ли она, эта мысль, в больном мозге садиста?

— В общем, мои сладкие, добро пожаловать на занятия по пси-устойчивости! — Отчеканил он злобно, вновь превратившись в ощерившегося хорька. — И дай вам бог устоять!.. Начинаем, господа, начинаем!

И Деморти хлопнул в ладоши.

С этим сигналом часть охранников оттеснила двадцать агнаток их класса к стене напротив входа в стеклянную секцию и по одной приковала за шею к цепям, закрепленным в бетоне. Пинками и тычками шокера девушек заставили сесть в позицию «Тадмор» и смиренно смотреть, что происходит с оставшимися.

Тем временем пять оставшихся секс-агнаток из класса затолкали за стекло. Вместе с ними, предварительно сняв с себя шокеры и эстиметы, в комнатку вошли ровно тридцать охранников. Как и догадывался Катилина — как раз «шесть на одну». Легат судорожно обернулся — рядом с другими секциями стеклянной зоны, с другими классами происходило то же самое. Четыре прайда приковывали к стене, один прайд — загоняли внутрь секций с цепями.

Катилина смотрел, не отрываясь, на ближайший столик с оковами. Почти не сопротивлявшуюся девушку — одну из пяти вошедших — шестеро мужиков легко подсадили наверх, согнули, закрепив руки и ноги в кандалах на наверхиях железных шестов. Получилось, что агнатка теперь то ли стояла, то ли висела вниз головой, с вывернутыми на излом Руками, с запрокинутыми до максимума ногами и шестеро ухмыляющихся охранников возвышались над ней широкими башнями, а затем...

Катилина вздрогнул. То, что происходило за стеклом, не вписывалось в его голову.

Тридцать охранников, сняв портки, накинулись на стянутых наручниками девчонок и принялись...

Не у всех получалось сразу, некоторые агнатки, особенно проги, бешено сопротивлялись, пытаясь увернуться от наседающих сверху насильников, но в таких условиях это было практически бесполезно. Наконец надругательство вошло в стадию «практического приведения».

Бывший легат прокашлялся.

Ему, как старому кавалеристу, весьма основательно знакомому с кабаками и борделями своего «программного» каталаунского мира, в некотором смысле сцена была вполне знакома. Катилина в свое время не только весьма основательно шлялся по борделям, особенно после рейдов и походов, но и несколько раз за долгие годы службы участвовал в штурмах городов и крепостей. А там, как известно, догмы морали отступают на задний план перед элементарным вожделением бойцов, обезумевших от вида крови, ненависти к врагу и воздержания.

Картины с мертвыми телами товарищей, огонь пожаров, страх, испытываемый при штурме, все это неимоверно снижает этические пороги, и насилие над женщиной становится естественным продолжением зверских убийств мужчин. Но здесь...

Разумеется, до такого уровня прагматизма банальное изнасилование в его старом мире не доходило, однако дело заключалось даже не в этом. Волновал Катилину вовсе не научный и «упорядоченно-прагматичный» подход господ охранников к насилию над агнатками. А то, что следующим в славной очереди был именно его прайд.

Пять женщин.

Сначала чудесная блондинка Мерелин — старшая. Она, допустим, войдет первой и достанется вон тому, ухмыляющемуся с гнусной рожей, возглавляющему живую очередь из насильников. Затем за стекло войдут Эффи, Лилит и Роксана. Трое ублюдков с довольными лицами стоят за своим «первым» товарищем и что-то обсуждают.

Достоинства жертв? Ловкость товарищей в обращении с ними? Неважно!

Но даже если он, Флавий Азций Катилина, легат и катафрактарий, станет последним, участь его не минует. Вон тот здоровяк с мрачной миной стоит пятым в очереди. Он ждет. И

его фаллос наливается под штанами.

Челюсть легата опустилась. Похоже, предстоял тот самый момент, который он не сможет пережить. Внутри, за перегородкой, со скованными руками и ногами, в невыносимой, издевательской позе, шансов нет, а это значит...

Старый полководец тихо прикрыл голову внезапно вспотевшими ладонями и опустил лицо в пол.

Девушки вокруг издавали весьма даже разнообразные звуки. Кто-то тихонько плакал, кто-то просто попискивал, как мышка в мышеловке. Разумеется — для них эта процедура неприятна. Самые опытные, та же Мерелин, например, просто сидели, не двигаясь, и даже не смотрели в сторону экзекуции. Эффи с ее извращенным менталитетом напротив, откровенно пялилась на действо и время от времени даже похабно усмехалась, правда с горечью в глазах.

Как видно, неоднократное прохождение через предписанную программой занятий процедуру извращенного изнасилования через некоторое время делает указанную процедуру привычной и на самом деле повышает порог психологической устойчивости. «Ну что ж, все верно, — подумал легат, — практичный подход. Верещать и биться под „обычным“ клиентом прошедшие через подобное девушки уж точно не будут».

Для опытных секс-агнаток процедура просто неприятна. Еще одно зло, через которое надо просто пройти. Стерпеть. Пережить ради бессмертия.

Для всех агнаток. Но не для него!

Он сжал веки. Сильно. До боли в голове.

Бежать? Невозможно. Один в центре вражеского логова, без оружия и даже без нормальной одежды, куда он уйдет? Нужно было раньше нарваться на чей-нибудь шокер и поболтать с Руксом...

Стерпеть? Его тело — это тело женщины. Но сам он...

«О нет, господин мой, — признался он себе, — этого ты не стерпишь!»

И что-то щелкнуло в его голове. Сердце успокоилось. Неизвестный «друг» из Корпорации по имени Эс Си Рукс многое ему обещал, но в течение нескольких минут, отделяющих его от того, что не вынесет ни один офицер, да что там — ни один нормальный мужчина, этот таинственный друг вряд ли появится.

Возможно, он просто не учел, что Катилина — это не совсем Кэти. Да впрочем, этого здесь никто и не учитывает. Сидя, легат выпрямил спину, закрыл глаза, сложил ладони в замок и повертел, разминая кисти. Он вспомнил Каталаун, холодное ковыльное море и океан гуннов, развернувшийся перед его строем... И это помогло! Как всегда перед атакой, сердце Каталины забилось размеренно и четко, испарина ушла, рука и разум стали твердыми как пропитанная человеческим потом рукоять спаты...

Тонкая цепь, протянувшаяся от шеи до стены, слишком крепка, думал он, чтобы хрупкая девица смогла порвать ее голыми руками. Тут нужно другое...

Сняв заколку, он распустил косу, затем обмотал длиннющие, шелковые волосы вокруг правой ладони как тряпку. Схватился за цепь и намотал ее вокруг кисти поверх волос. Вытравил длину, так чтобы цепь не висела, а была натянута от его руки до стены с креплением как струна.

Потом схватился за цепь уже второй рукой и уперся обеими ногами в стену как лягушка.

Держась за цепь, он теперь как бы висел в воздухе, будто на корточках, но упершись ступнями в штукатурку.

Выдохнул и, страшно напрягая мышцы спины, бедер, плечей, выжал себя от стены как штангу.

Крепление застонало. Как можно было догадаться, оно держалось в бетоне за счет не слишком глубоко вкрученных шурупов.

«Дурачьё! — усмехнулся Катилина, медленно отваливая от гладкой поверхности вместе с выворачиваемыми из стены шурупами. — Рассчитывали только на запуганных

девок? Думали, никто не попытается? Чтоб вы все сдохли, ублюдки!»

Уже было плевать на расклады и шансы. Вокруг стояло сто пятьдесят человек охраны, вооруженных и более крупных, более сильных, чем он. Вернее — она, тонкая девушка с голубыми глазами. Но он уже сделал свой выбор. Крепление с мясом вырвалось из бетона, и старый убийца, хрюкнув, с грохотом рухнул на пол.

И тут же вскочил.

На него смотрели Мерелин и другие. Крики и плач вдруг замерли. Двадцать пар глаз наложниц уставились на голубоглазую шатенку с распущенными волосами. Сто пятьдесят пар глаз охранников, только что обративших внимание на инцидент и отвлекшихся вследствие этого от забавного действия за стеклом, — тоже. Было видно, что местные стражи сильно удивлены и слабо представляют себе опасность, исходящую от голой девицы в стальном ошейнике с цепью.

— Э! — заявил ближайший охранник. — Ты это чего? Стену испортила, дура...

— Ничего, поправим, — уверенно заявил Катилина. В руках его была цепь — тонкая, с массивным креплением на конце. Такая же тонкая, как его новое женское запястье. Он оскалился. Как всякий катафрактарий, в прошлом он довольно ловко пользовался кнутом. Гонял лошадей на выгуле. На собственном выгуле — собственных лошадей!

«Ну, сволочи, зашибу!» — вспыхнуло в голове.

Кисть дернулась, закручивая петлю, цепь прыснула в воздух.

Месяц назад, до своей мнимой смерти, он мог гасить свечи, орудуя кнутом.

И он погасил!

Первой стальная полоска крепления опустилась на рожу защитника стен.

Шурупы вонзились как когти — и вырвали глаз! Враг рухнул.

Вторым пал высокий, тот, что скалился, глядя в застенки. Металлическая полоска раздробила ему висок.

Третий, четвертый, пятый! В отличие от двух первых, он не убил их, застывших с раскрытыми от удивления ртами, а только свалил на землю, порвав цепью лицо и... ворвался в застенки.

Развернулся, захлопнул за собой дверь. Со спущенными штанами, тридцать человек нависали там над беззащитными телами его товарок. Лишенные шокеров и оружия, насильники не могли защититься. Краем глаза он видел, как застывшие были в шоке охранники снаружи, вдруг ожили, разбуженные криками своих раненых товарищей, и засуетились, пытаясь проникнуть внутрь, но бесполезно. Замок стеклянной двери был крепок.

Катилина встал у стены, и цепь свисала с его новой тонкой руки как ядовитая кобра.

Тридцать насильников без оружия и портков смотрели на него расширенными от удивления глазами. Пока — без страха. Однако пять девушек, прикованных к постаментам, выгнувшись из своих ломанных поз, взирали на него просто с ужасом.

— Ты... — неуверенно сказал один из подонков, — а ну-ка брось цепь!

Губы легата сложились в оскал.

— Цепь бросить? Лови!!

И он метнул длинную железную ленту в голову своему врагу. Лицо охранника брызнуло кровавыми каплями, и потное тело рухнуло навзничь, буквально вплеившись в пол.

В камере возникло движение. Рыча и стена, тридцать мужчин бросились врассыпную. Кто-то упал, запутавшись в штанах, сбитый с ног товарищем или наткнувшись на постамент с распластанной на нем агнаткой. Если б они решились подавить его массой, то смяли бы разом, как танк сминает траву, но трусость — главная составляющая души каждого вертунья — заставила толпу насильников дрогнуть. Мечась, они спасались от его жестоких ударов.

А цепь порхала по комнате как живая, раздирая лица, кроша черепа, захватывая шеи.

Удар. Бросок. Удар. Оттяжка.

Цепь пела и танцевала, закручиваясь в петли, выписывая немыслимые «восьмерки».

Так ловко, с таким жаром и мастерством кавалерист Катилина не крутил стальной кнут еще никогда.

Бросок! Оттяжка. Удар! Удар!

Получите, сволочи, получите! И лишь когда комнатка превратилась шевелящееся месиво из раненых, окровавленных, напуганных людей и нескольких трупов, шипение наручного бластера вдруг заставило его обернуться.

Глазго Деморти выстрелил в стекло, и перегородка лопнула. Вооруженные евнухи вдруг заполнили комнату мощными тучными телами. Луч скакнул в сторону Кэти, разрезав цепь, и женское тело рухнуло, сраженное ударами нескольких шокеров сразу...

Несколько минут после этого напуганные охранники с энтузиазмом тыкали в Катилину разрядниками и просто лупили наотмашь, используя шокеры как дубинки. По ногам, по рукам, по лицу...

Наконец Деморти отогнал их. Посмотрел сверху вниз на поверженную окровавленную рабыню, ожидая, пока товарищи по службе осмотрят в комнате пострадавших.

— Что там с ребятами? — спросил он без интонаций.

— Пятеро мертвы, господин. Восемь человек без сознания. Остальные целы, но много травм и рассечений.

— Пряткая, сука, — произнес старший евнух задумчиво и взвесил на руке свой махейр, который только что, несколько раз вонзал в ее плоть болевыми контактами. — Ничего, бойцов воскресим... Ну что, хватило тебе?

Последняя фраза предназначалась бунтарке.

Катилина сплюнул. Зубы в кровавой пене вылетели на пол. От разрядов электрических дубинок его сильно трясло.

— Н-нет, — процедил он сквозь сжатые судорогой зубы, — м-м-мало.

Лицо Глазго исказила жуткая гримаса. Он размахнулся и со страшной силой ударил Катрину в челюсть подкованным сапогом. Та клацнула, и Катилина отлетел в сторону тяжелым мучным пакетом.

— Ну? А сейчас? — спросил евнух самодовольно.

Язык во рту Катилины, этот нежный горячий женский язык почти не ворочался. Челюсть двигалась как вставная. Со стороны он не видел свое лицо, но на ощупь губы уже напоминали мясистые баклажаны. Надутые, но рваные как тряпка.

И все же эти губы еще слушались его воли.

И...

— Ма-ло, — все еще сквозь судорогу прошептал он ими.

Глазго быстро шагнул вперед и с размаху, по-молодецки, со всей дури пнул девушку в грудь. Что-то треснуло внутри Кэти, и легкие хarkнули кровью.

— А так?!

— Щенок-кх, — прошептала та, задыхаясь и дрожа на полу свернутым, беспомощным клубком. Такими подковами... дух вышибают... одним ударом! Слабо?!

Кулаки Глазго сжались. От ярости он задрожал. Вокруг стояли охранники, его ребята. И пятеро трупов товарищей лежало сразу за ними. Те, что стояли, смотрели на эту сцену, не отрываясь, видя унижение своего предводителя. А он, бессильный перед ее презрением, возвышался над обнаженной поверженной девушкой и впивался ногтями в собственные ладони. Голова у евнуха закружилась.

Прицелившись, он пнул ее снова. В печень. Точно и страшно.

— А так хорошо?

— Не-ет, — голос агнатки уже почти не расслышать.

Удар.

— А вот так?

— Не-ет...

Удар!

— А сейчас?!

От боли судорога прошла, челюсти разжались.

— Сдохни! Не-ет! — закричала она.

И Деморти понесло. Кровавая планка опустилась ему на глаза и застила зрение. Дрожа всем телом, он бросился на нее и принялся топтать и рвать, как будто вбивая подковами сапогов прямо в землю, как будто сминая это нежное, холеное тело в пасту, в глину, в песок, размазывая, растирая клонированную плоть по грязным, кровавым каменным плитам. Уже задыхаясь от усталости, не слыша криков товарищей, зовущих его отойти, но все еще слыша «Нет!» из уст проклятой агнатки, он пинал и пинал Катрину, ломая кости и разрывая кожу своими коваными ботинками, наконец, отошел на шаг и указав на поломанное тело пальцем заорал всем своим:

— Бойцы вперед! Стоптать ее! Забить насмерть!

С этим криком примерно двадцать охранников, не считая самого Деморти, метнулись к изувеченному, смятому полутруп. Толкаясь и почти не доставая до распростертого тела ногами, они принялись топтать ее носком и подошвой. Не бить даже, ибо бить там уже было нечего, а просто достать, дотянуться, внести свою лепту в подавление бунтарки.

Вот кто-то с хрустом наступил ей на откинутую в сторону кисть — кости треснули! Кто-то ударил по развернутой ступне, на излом. Кто-то прыгнул на грудь, ударил в плечо, пнул в лицо, раздавил ей почки. Тела, ноги, сапоги замельтешили, замельтешили, и брызги крови, а также выдранных стальными набойками кусочков кожи Катрины, забрызгали все вокруг.

Наконец все кончилось. Отступив, охранники замерли. Отвернулись. Смотреть на то, что осталось внутри их тесного круга, было действительно страшно. В огромной кровавой луже перед рослыми, крепкими мужиками лежало то, что пятью минутами ранее называлось Катриной-Бетой, красавицей-агнаткой.

Куча свежего мяса в обрамлении из костей.

Поза 12

Регенерация как подготовка к продаже

Кластер Седан. ИЦ АТ № 166. Медицинский блок. Палата предварительного осмотра

Как только подкова от сапога врезалась в ребра Катрины, сотни сигналов метнулись по нейронным цепям в ее череп. Шунт заполнился байтами информации, вопящими от боли и разрушении, и в долю мгновения, столь краткую, что невозможно моргнуть, вошел в соединение с СИНК. Неизвестный оператор, все это время неотрывно следивший за состоянием девушки, резко развернулся и впился глазами в контрольные мониторы. Еще через мгновение, рука его потянулась к трубке видеофона. Через секунду вопящий зуммер тревоги разбудил еще одно СУЩЕСТВО. Сигналы боли понеслись далее, а тело Катрины тем временем стремительно превращалось в фарш...

Тридцать минут спустя Катрина-Бета пребывала в медблоке, в палате предварительного осмотра. Сикх Артели, находясь в своем кабинете, внимательно следил за монитором, в который передавался сигнал из «предвариловки». На экране, облаченный в белое хирург 166-го индустриального центра доктор Юма тщательно водил окровавленным детектором по стройному, но сильно изувеченному телу, что распростерлось перед ним на досмотровом столе.

— Ну что я могу сказать тебе, Шайрон? — произнес наконец доктор, отбросив детектор в сторону и протирая руки гигиенической салфеткой, — ребятки твои опять перестарались, а нам с тобой как всегда разгребать. Как говорится в одном анекдоте, пациент скорее мертв, чем жив. Детектор фиксирует многочисленные разрывы тканей, внутренние кровотечения. Сломаны ребра, ключица, кисть правой руки разбита просто в пасту. Сотрясение мозга, микротрещина в височной и затылочной частях черепа. Про мелочи типа раздробленной

челюсти и выбитых зубов я вообще молчу.

— Слушай, ты мне мозги не пудри, — процедил Артели сквозь зубы. — Она выживет или нет?

— Нет, конечно.

— Дьявол! — знаток женских поз со злостью стиснул кулаки.

Доктор пожал плечами.

— Знаешь, шеф, — продолжил он как ни в чем не бывало, — я закрыл раны санитарным герметиком и вколол ей стимулятор. Сейчас кровотечение остановлено, а сердце работает. Однако повреждения внутренних органов слишком велики и больше пары часов без спецоборудования или скорпеев она не протянет. Эту шлюху зовут Катрина-Бета — так, кажется? По ней нужно принимать решение, — Юма демонстративно провел большим пальцем себе по шее. — Что скажешь?

Увидев жест доктора, шеф Артели замысловато выругался. А господин Юма внимательно посмотрел на своего босса. Коммерческий директор в общении с персоналом был очень спокойным и довольным жизнью человеком, но вот сейчас казался явно взволнованным.

«Что самое интересное, — подумал вдруг док, — наш шеф вроде бы взволнован сильнее, чем следовало бы в такой ситуации».

Да, одна из наложниц оказала попытку сопротивления, пытаюсь избежать изнасилования. Да охранники забили ее до смерти, ну и что?

Ситуация нештатная, спору нет. Но разве это повод для столь сильных волнений у начальника Высшей школы наложниц с десятками тысяч «изделий»? Однозначно — нет.

Из пачки, что лежала прямо на досмотровом столе рядом с полутрупом девушки, доктор не спеша достал тонкую сигарету с наркотической пастой.

Щелкнул зажигалкой, затянулся. Они с Артели работали вместе уже больше чем полета лет и знали друг друга хорошо. Поэтому Юма, взглядевшись в лицо начальника, спросил о своих сомнениях прямо:

— Ты чего так нервничаешь, Шайрон? Это ведь всего лишь агнатка. Ну, сдохла. Что с того?

— Почему волнуюсь? — переспросил Артели растерянно. Глаза его забегали. — Не знаю, не знаю. Думаю, причин у меня достаточно. Что теперь делать с этой дурой? Вариантов два. Первый — стирание и утилизация, а второй, — он с какой-то надеждой посмотрел на доктора — сохранить ей жизнь и списать к военным как дисквалифицированную.

— Ну и что тут думать? Неужели тебя волнует смешная сумма, которую выплатят нам вояки за дисквалификат? Надо стереть сучку и все, тем более Деморти с охранниками орет благим матом, что хочет разделаться с ней лично.

— Деморти мне не указ! — вспыхнул Артели.

— Мне он тоже не указ, — доктор Юма согласно кивнул. — Но он как бы прав: сучка напала на охрану и заслуживает только двух вещей: стирания или дисквалификации. Давай, если мы не отдаем ее воякам, я просто отключу паршивку от системы реинкарнации и пойду спать. Она в течение часа сдохнет.

Доктор помолчал, перебирая в уме дополнительные варианты.

— С другой стороны, — продолжил он, — последний вариант можно усложнить: если ты решишь доставить Деморти удовольствие и устроить показательное наказание, нужно ее сейчас лечить. Полагаю, пары капель скорпеев будет достаточно для полного восстановления. После этого можно вывести девицу на плац перед другими ученицами и содрать живьем кожу. Что будем делать?

— Третий вариант убираем однозначно, — решительно заявил Артели. — Удовлетворять садистские наклонности Деморти за школьные деньги — это последнее, чего я хочу.

— Тогда отключаем Хеб-сед и пусть дохнет. Новое тело в любом случае дешевле, чем

регенерация изломанного старого.

К удивлению Юмы, Артели при этих словах смертельно побледнел.

— Нет-нет, — почему-то севшим голосом пролепетал он. — Катрина должна выжить! А нельзя ее просто вылечить и вернуть в прайд?

Глаза дока полезли вверх:

— Извини, Шайрон, но ты не выпался! Правила общеизвестны. Если преступницу-агнатку присуждают к стиранию, то воскрешение производят только для показательной казни — а его оплачивает Правительство... Если же ее присуждают к дисквалификации, то воскрешение оплачивают вояки — им же пользоваться этим телом еще сотни лет!..

Док покачал головой.

— Но если мы регенерируем ее просто так, — доктор аж покачал головой, настолько этот план не вписывался в его представления о логике, — то кто будет оплачивать расходы на регенерацию и... что скажет наш попечительский совет? Бракованные агнатки должны стираться или сдаваться в армию!

Щека Артели спазматически дернулась. Экран не обладал функцией «эффекта реального присутствия», но даже чисто визуально доктор заметил, что лоб его руководителя покрылся жирной испариной. «Дьявол, чего это он?» — подумал док.

От удивления Юма выпрямился и вытащил сигарету изо рта.

— Что-то не так, сикх?

— Нет, Юма. Все хорошо, — шеф помолчал. — И надеюсь, что все хорошо...

Он сглотнул, забавно дернув кадыком.

— Знаешь... вводи ей скорее, — наконец выдохнул Артели на одном дыхании. — Она должна выжить! Вопрос по оплате расходов и разговору с советом, если что, я беру на себя. А насчет дальнейшего, вот что ... отложи вопрос по ее дисквалификации хотя бы на одни сутки. Это приказ!!

Доктор уставился на старого товарища вытаращенными глазами: он был поражен.

— Шайрон, ты уверен?!

— Как никогда в жизни! — пошатываясь, Артели отвернулся и выключил экран.

Кластер Седан. ИЦ АТ № 166. Кабинет шефа Артели. Сорок минут после инцидента

Пошатываясь, Артели отвернулся и выключил экран внутреннего коммуникатора. Однако тут же резко протянул руку и включил висящий на стене экран Сети.

На мониторе возникла виртуальная девушка с механической улыбкой — специальная программа для вербального общения с СИНК.

— Почта Торгового Союза, слушаю вас, — прощепетала программа.

— Войти в раздел «личные сообщения», быстро! — произнес Артели посиневшими губами. — Абонент «Г.Е.Б.». Адрес сохранился? Хорошо.

Код — «Срочно. Максимальная конфиденциальность».

Шеф проститутской школы вздохнул, собираясь с мыслями, и начал диктовать текст. Слушая его короткие реплики, машина дублировала торопливое письмо на экране.

Текст гласил:

«Анх-уджа-сенеб!

Шайрон Вольдемиант Артели — господину Заказчику.

Уважаемый хапи Г.Е.Б. Пишу коротко.

Исследуемый объект под угрозой уничтожения.

Наш проект — на грани полного срыва.

Срочно! Свяжитесь со мной или пришлите Вашего представителя для немедленного совершения процедуры инициации.

С верой в удачу и надеждой на понимание, всегда Ваш Ш. Артели».

Он помолчал и добавил:

«Умоляю, поторопитесь!»

Смахнув со лба жирный пот, коммерческий директор Высшей школы наложниц устало откинулся на спинку своего роскошного кресла. Теперь ему осталось только ждать.

Кластер Седан. ИЦ АТ № 166. Лаборатория медицинского блока. Час спустя после инцидента

Деморти вошел в палату предварительного осмотра. Девушка, устроившая его ребятам кровавую баню менее двенадцати часов назад, лежала на досмотровом столе совершенно обнаженной, сияя высоким бюстом и покрытой кровавыми ушибами плотью. На девушке живого места не было.

«Да, — подумал Глазго, — славно я поработал».

Несмотря на ужасающий внешний вид, переломанные кости и пробитый череп, девушка находилась в сознании — введенные доком всего несколько минут назад стимуляторы работали хорошо. Левый глаз, в мешке из огромных кровоподтеков, смотрел на Деморти спокойно и отрешенно. Правый глаз вытек, и на его месте присутствовала только пустая оплавленная воспалением глазница. Девушка уже ничего не ждала, ни на что не надеялась и не боялась. А зря!

— Привет, — сказал Деморти очень тихо, нависнув над «прекрасным» женским лицом — Жива, сука? Жива-а-а. Тащите ее за мной!

Последняя фраза предназначалась сопровождающим его охранникам. Один из них, дюжий детина сажени в плечах, почти синхронно этому приказу, как будто заранее ожидая команды, подскочил к девушке и, намотав окровавленные волосы на кулак, рывком стащил ее с «досмотровки». Агнатка не сопротивлялась. Сломанные кости ударились об пол, но даже хрип не сорвался с разбитых губ — Катрина-Бета терпела молча.

Уже десять минут спустя, протащив изуверченную секс-агнатку по короткому хорошо освещенному и идеально чистому, а теперь заляпанному женской кровью коридору, они оказались в новой камере. Катилину швырнули его изломанными костями в широкое кресло. Как и всегда в течение последних тридцати дней, его тело оставалось телом потрясающе длинноногой, роскошной женщины, с высоким бюстом и водопадом волос цвета темного шоколада. Но волосы ныне были заляпаны кровью, а ноги... Ступня правой оказалась сломана. На левой, ниже колена, торчала острая палка хрустнувшей от удара кости. Кожа по всему телу напоминала сплошной кровоподтек — на нем просто не было живого места, которого не коснулась бы подкова от сапога или опущенная с размаху электродубинка. «Впрочем, — думал сквозь боль Катилина, — какая теперь разница, что у меня осталось целым, а что еще нет? Для трупа — разницы никакой».

Кресло возвышалось в центре просторной комнаты. А комната была — без окон.

Кроме него в помещении находились еще двое человек. Псевдогунн Деморти, со странным именем Глазго, а также некто пожилой и коротко стриженный, в темном пиджаке и с сигаретой в зубах охранники, тащившие Катилину по коридорам, остались за дверью.

Стриженный незнакомец задумчиво полистал бумаги, подошел ближе, пристально взглянул на легата и усмехнулся.

— Катрина-Бета 19-725, — задумчиво протянул он. — Попытка побега из Школы. Да-с. Что ж, единственное, что могу вам сказать, сударыня, — добро пожаловать на военную службу! Будем знакомы, меня зовут Юма Тамарис и я — офицер отдела обслуживания личного состава ИЦ 166-го кластера Седан. Я ваш врач. До поступления в распоряжение воинской части я буду заниматься, мадам, вашим личным осмотром и контролем здоровья, как одного из изделий, передаваемых на баланс чуждой нам организации за деньги. Кстати, вы знаете, чем отличается «гражданская» агнатка, каковой вы были до недавнего инцидента, от «военной агнатки»?

Катилина набрал побольше воздуха в отбитые сапогами легкие. Он давно смирился с тем, что придется вскоре сдохнуть, однако идея стать «военной агнаткой» была для него нова. Нет, он не испугался, ибо в состоянии, когда на тебе нет живого места, а в тебе — практически ни одной целой косточки, такие примитивные эмоции, как страх, полностью исчезают. Тут было другое. Почему-то страшно захотелось зажмуриться, а потом открыть глаза и понять, что все это — просто сон.

— Нэ-э, — шепнул он сквозь обжигающую боль, ворочая разбитыми в мочалку губами и сломанной челюстью, — нэ ... снаю.

— Напрасно, — весело прокомментировал доктор. — Ибо отличия эти весьма неоднозначны. Из курса обучения, вам должно быть уже известно, что в Высшей школе бить наложниц запрещено из-за боязни нанести тяжелое увечье, которое потом придется лечить, что стоит денег...

Что-то забулькало справа от него. Доктор обернулся — это давясь мокротой и кровью, смеялась Катрина-Бета!

— Та-а-а, — прошептала она, едва шевеля губами, — я-аа... фижу... што пить налош-шниц... са-прещено...

Юма улыбнулся. Несмотря на ужасный внешний вид, девушка, а также ее необычайные стойкость и мужество ему явно импонировали. Сильных людей он уважал.

— Ну, вы барышня, это особый случай, — пояснил он. — Однако у военных избивание рабов в процессе изнасилования — обычное дело. Поэтому каждому из тех, кто отправляется агнатом в молодые кластеры, вводятся скоропеи. Они регенерируют ткани, излечивают раны и все такое. Чтобы не тратиться лишний раз на Хеб-сед. Понимаете?

Он подошел ближе. Симпатии симпатиями, а работа — работой.

— Расслабьтесь, мадам!

Кресло, в котором сидел Катилина, напоминало мебель из зубопротезного кабинета. Высокое, металлическое, с тонкими подлокотниками и узкой хромированной подставкой для ног.

— Фы што... сопираетесь... телать? — прошептал полутруп.

— О, сударыня, это обычный медицинский осмотр перед списанием в армию. У нас так принято. Не волнуйтесь. Процедура совершенно безболезненна.

Юма склонился над Катриной, поправил ей ноги и руки, затем нажал на какой-то рычаг под креслом. Зажужжали сервоприводы, и конечности несчастной наложницы стиснули металлические скобы, внезапно выскочившие из подлокотников и подставки для ног.

— Если... процетра ... песпользненна... сачем... свясывать меня? — сквозь выбитые зубы прошепила Катрина, — я еле ... шевелюсь.

— Вы правы, незачем, — легко согласился Юма, пожав плечами. — Пустая формальность.

Уже совершенно не спеша, доктор зашел за голову Катилены и выдвинул откуда-то снизу еще две металлические дуги, которые защелкнул между собой надо лбом девушки. Голова ее оказалась прижатой к подголовнику кресла крепким хомутом — без сильного сжатия, но гарантированно плотно.

После этого, действуя на самом деле как опытный дантист, Юма раскрыл окровавленный рот девушки специальным приспособлением, напоминающим капкан, но не сжимающий то, что внутри, а, наоборот, разводящий челюсти. Рот раскрылся, сверкнув корнями выбитых зубов и опухшим языком.

В более униженном положении Катилина еще не оказывался никогда, исключая разве что еженедельные занятия по этике, проводимые лично шефом Артели. Но там было другое, а вот механическими приспособлениями его рот тут никто не открывал.

Юма отошел к своему рабочему столу, а девушка-кавалерист, прижатая к креслу, молча уставилась в потолок. Ситуация нравилась Катилине все меньше.

Юма вернулся — в руках была пипетка с каким-то ярким переливающимся веществом.

— Это... о-ольно... о-октор? — поинтересовался Катилина, с огромным трудом двигая опухшим языком в принудительно раскрытом рту.

— Разумеется, не больно, сударыня, совершенно безболезненная процедура, — заверил Юма, закапывая пипеткой ей что-то в рот.

Катилина скосил глаз в сторону и увидел, как странно мерцающие капли из пипетки падают ему в горло. Капли ощутимо жгли, словно какой-то зверек стал царапать слизистую мелкими коготками...

— Тэ-эк-с, — протянул врач, — а теперь еще в носик, туда тоже надо...

Экс-кавалерист сглотнул кислую жидкость и промычал:

— Что вы... делаете?

— О, успокойтесь, милая, это всего лишь микроскопические роботы-хирурги. Они вас вылечат. Это, м-м, не слишком приятно, но терпеть можно — вас же лечат!

Залитая в пищевод и носовые ходы жидкость, казалось, странным образом потекла сквозь все ткани его тела. Жжение нарастало и распространилось в груди, в животе, возникло в самом мозгу, раздирая все адской болью.

Катилина дернулся. Его тело, состоящее из одного сплошного ушиба и вывихнутых, поломанных костей болело уже целых шестьдесят долгих мучительных минут, но это превышало по воздействию даже шокер!

Боль от ударов подкованных сапог Деморти ломающих грудную клетку, внезапно показалась Катилине лаской любовницы. Настолько ужасающей была разница в остроте ощущений, настолько сильным был между ними контраст.

— Мне... о-ольно! — проорал он сквозь открытый «капканом» рот, ужасно коверкая слова. Сами собою слезы покатались из изувеченных глаз.

— Ну что вы, — отмахнулся доктор.

— О-ольно!

— Да бросьте! А вот это можно уже убрать, не буду вас мучить...

Доктор удивленно хмыкнул и ловко выхватил изо рта Кэти «капкан». Затем достал из кармана специальный плотный резиновый цилиндр и, улучив момент, аккуратно вставил его в рот девушке, как кляп. Теперь Катилина мог только что-то нечленораздельно мычать.

Юма удовлетворенно кивнул, потом повернулся к Глазго Деморти, достал из кармана пачку и не спеша затянулся новой сигаретой.

— Знаешь, — заявил он, — здорово держится. Теперь я верю, что эта милая куколка завалила пятерых здоровых мужиков. Она действительно бросилась одна на целую роту твоих охранников?

— Болтают, господин. Сарафанное радио, мать его. — неохотно отвернулся Деморти.

— Не знаю, — доктор с сомнением покачал головой. — Мне, вообще-то, о ее подвигах сам шеф Артели рассказывал. В любом случае, перед нами весьма резвое создание. Не жалко отдавать воякам? Ведь хороша, красавица — даже с синяками. Чудо, как хороша!

А чего жалеть-то? — осклабился евнух. — У нас этого добра, знаете... И потом надо ведь думать о солдатах гарнизонов. Колониальные служаки — тоже люди. И бабу хочется, и ширнуться. Шмаль-то им не светит, так хоть это. Кстати, долго еще ждать?

Юма пожал плечами. Оттянул Катилине веко, обнажив белок единственного глаза. Прищурился, посмотрел. Агнатка уже не мычала, а только изредка подергивала конечностями.

— Ну, — прокомментировал он, — судя по реакции зрачка, нанороботы уже впитались в сосудистую. У девчонки, естественно, болевой шок. Примерно через час скоропее восстановят порванные ткани, спаяют сосуды и капилляры, вырастят ей новый глаз... а ушибы и прочая дрянь, что портит внешний вид, просто исчезнут. Кстати, — Юма соорудил скабрезную мину, — мои роботы соткут ей новую девственную плеву. Девочка, так сказать, э-э... «дедефлорируется». Но это, конечно, уже потом. В общем, подожди еще минут пять и можешь сажать ее в «ящик». Один дождешься? Я хочу к Артели сходить, разговор есть.

С этими словами Юма выбросил сигарету в пепельницу и вопрошающе уставился на

старшего евнуха.

— Не вопрос, — отвечал тот. — Конечно!

Доктор кивнул.

— Но смотри у меня! — пригрозил он пальцем. — Никакого секс-возмездия, она итак еле живая. Тем более — в моей рабочей лаборатории. Девушка поступает на баланс армейцев только после того как окажется на территории военной базы. До этого ее девственность и целостность организма не должны пострадать. Усек?

Деморти кивнул.

«Да плевать я хотел на твои правила, док, — подумал он про себя. — Девственность? Да кто там у вояк за этим смотрит?»

Кластер Седан. ИЦ АТ № 166. Терминал гостевого космодрома. Полтора часа после инцидента

Работая маневровыми двигателями, огромная космическая яхта плавно опустилась на гостевую площадку ИЦа 166. Несмотря на размеры и роскошь судна, ее никто не встречал. Только сам Артели вышел на стыковочную палубу, чтобы поприветствовать долгожданного гостя. Всех служек, рабочих и охранников он разогнал, процесс посадки корректировала автоматика.

Артели помахал рукой из-за прозрачной стены стыковочной палубы. Он не знал, сколько человек может составлять стандартное количество пассажиров столь роскошного частного судна, но знал, что если кто-то и наблюдает за ним сейчас с борта, то лишь единственный человек. Космические корабли эпохи первичного Сотворения были слишком разумны, автономны и не требовали экипажа. В богатых апартаментах на борту и во время прогулочных рейсов внутри обитали только пассажиры, а уж сейчас, когда речь шла о деловой встрече, визитер наверняка прибыл один.

Наконец к борту яхты присосалась соединительная перемычка, и визитер появился на палубе ИЦа. Увидев лицо незнакомца, Артели крикнул и чуть не присел от удивления. Перед ним предстали знакомый нос, знакомые глаза и знакомые скулы — точная копия его собственного лица. И только цвет глаз и шевелюры у встретившихся на площадке людей отличались. У Артели глаза были серые, а у новоприбывшего — словно насыщенный изумруд, но в остальном и ямочки на щеках, и гранитный подбородок, и бычья шея — все совпадало.

Похоже, подумал Артели, они с гостем отоваривались в одном каталоге для Хеб-седа. Печально, но, как говорится, факт.

Увидев Артели и тоже обратив внимание на совпадение их «братской» внешности, человек с космической яхты открыто и добродушно захохотал: — О, друг мой, я вижу у нас вправду одинаковые черты лица!

Артели пожал плечами.

— Почему вправду?!

— Да рассказывала мне одна... знакомая.

— Понятно, — Артели нервничал, а потому пропустил намек на «знакомую» мимо ушей. — И вы находите это смешным?

— Скорее забавным, — ответил человек-отражение. — Странное совпадение, да? Ага, у нас разные глаза, вы заметили? Вот здорово!

— Вы когда в зеркало смотрите, тоже смеетесь?

— Нет, разумеется, — незнакомец снова широко улыбнулся. — Я вижу, вы пессимист.

— Скорее озабоченный человек, которому вместе с вами, мой господин, придется решать одну сложную проблему. Быть может, лучше обсудим все в кабинете, здесь не лучшее место для беседы.

Гость кивнул, и они быстро вошли внутрь комплекса и поднялись на лифте на административный уровень. Дело было вечернее, в ИЦе притушили свет. Никто не ждал уже

Артели на этаже, и даже его секретарша, взятая на должность из числа учениц собственной школы и готовая остаться, если надо, попозже, уже убежала, виляя роскошным задом, к себе в каморку.

Мужчины прошли в большой холл перед кабинетом Артели и присели на огромные кожаные диваны, стоявшие вокруг прозрачного, хрустального в золоте стола.

Чуть-чуть шумел кондиционер, нарушая совсем уж мертвую тишину, и легко попискивал ионатор.

— Итак, сикх? — задал вопрос Артели. — Вы не Заказчик, насколько я понимаю?

— Верно понимаете, — подтвердил гость. — Настолько верно, что мне даже странно слышать подобную трактовку моего визита. Неужели вы допускаете мысль, что он (гость ткнул пальцем вверх) мог прийти к вам лично?.. Я — полномочный представитель. И я, кстати, не «сикх». Уже больше шести сотен лет я — демиург и тшеди, а это значит, что обращение «хапи» ко мне более приемлемо, нежели ваше безвкусное «сикх».

Артели вежливо склонил голову:

— Понятно. Как скажете, хапи.

Его собеседник порылся во внутреннем кармане и извлек оттуда листок. Это была принтерная распечатка.

— Вот текст вашего письма. Мое имя Эс Си Рукс. Но для друзей — просто Саймон. Или просто Си. Можете звать меня так. Я специалист по подготовке уникальных клонов. Так сказать «тшеди» для делания «тшеди». И в определенных кругах, нужно заметить, — тут Саймон повторил заученную для представления фразу, — я пользуюсь достаточной известностью, обусловленной участием во многих именитых проектах. Кстати, как мой последний Проект?

— Вы про объект?

— А про что еще я могу спрашивать?

— Ну-ну, взгляните.

Артели взял со стола многофункциональный пульт и пробежал большим пальцем по его кнопкам повинаясь этим сигналам, пятиметровый квадрат экрана, висящий на одной из стен, вспыхнул и выдал изображение.

— Так, — бормотал Артели, сопровождая свое бормотание нажатием клавиш, — вот стадион-сад вот экзекуторская, коридоры, коридоры, коридоры... ага, комнаты секс-агнатов, о! Вот и досмотровая. Вы смотрите? Красавица, да?

Лицо Катилины, покрытое страшными рваными ушибами и синяками, закрывало собой пол-экрана и выглядело как обкусанная собаками буханка хлеба. Только черная от запекшейся крови. Саймон приподнял бровь.

— Боже, — произнес он тихо.

— Боже? — встрепенулся Артели. — Причем тут он? То, что вы видите, дело рук моих охранников, Создатель тут не при чем.

— Она жива еще?

— Пока да.

— Тогда в чем проблема? — удивился Саймон. — У вас нет оборудования для полной реанимации?

— О, хапи, — возмутился Артели, — по-моему, вы явно надо мной издеваетесь! Смею напомнить, что Катрина-Бета 19-725 — это первый экземпляр, заказанного вами и неизвестного для СИНК «сверх-тшеди», прошедший через мою Высшую школу. Я выращивал для вашего нанимателя множество агнатов, но такого не было ни с одним! Да будет вам известно, вчера это чудовище совершило попытку побега. Пятеро моих охранников убиты, еще восемь — страшно искалечены. Вы представляете, какие затраты на регенерацию и Хеб-сед мы уже понесли?

— О, сикх, — ехидно передразнил визитер, — не стоит лукавить! Сотрудники вашей компании наверняка застрахованы, разве нет?

— Конечно. Но страховку нужно еще получить, А тонкости нашего страхового

договора не предусматривают оплату Хеб-седов для охранников, убитых обнаженной наложницей, вышедшей без оружия против ста пятидесяти вооруженных мужчин! Так что вопрос тут спорный. Могут выплатить, а могут и отказать. Но дело, собственно, в другом. В самой девице, разумеется.

Он встал и прошелся по комнате.

— Сейчас, хапи, я нахожусь в очень щекотливой ситуации. Согласно регламенту Корпорации, агнатка, совершившая подобное, подлежит немедленному стиранию, то есть окончательной смерти без права на Хеб-сед. С другой стороны, я получил за нее предоплату от вашего нанимателя и не могу оставить дело неоконченным, — Артели сильно волновался, но решил все-таки говорить прямо. — В общем, мы должны сделать все, чтобы она выжила. Ибо если Катрину казнят, я буду не в состоянии вернуть полученную от вас сумму.

— Неужели уже все потратили? — рассмеялся Саймон. — Все четыре миллиона ка? Да уж, ваши аппетиты меня просто поражают.

Артели всплеснул руками.

— Да о чем вы говорите, боже мой! Я вовсе не мот. У меня были затраты, весьма существенные и на вполне благородные нужды. Недвижимость, вложения в ценные бумаги... И, в конце концов, я не обязан перед вами отчитываться, хапи!

— Да разве я прошу вас об этом? — визитер сделал круглые глаза. — Мне плевать как на ваши расходы, так и на ваш заработок. Единственное, что интересует меня и моего нанимателя — это сам искомый талант сверхтшеди! Заказ на его поиски распределен по всей обитаемой части нашей подмножественности, задействованы сотни тысяч агнатских школ в более чем двухстах кластерах на более чем пяти миллионах обитаемых миров. Мы ищем это существо уже много лет! И вполне вероятно, что тот красочный экземпляр его генетического клона, который вы мне только что продемонстрировали, на самом деле не обладает нужными нам талантами. Понимаете? Разброс слишком велик!.. Из пяти-шести миллионов генетических клонов только один или два могут обладать соответствующим даром, и то, что носителем такого дара является ваша воспитанница, — совсем не факт.

Артели воспрял духом.

— Значит, я могу ее спокойно утилизировать?

— Значит, вы не можете ее утилизировать до того, как мы убедимся в ее непригодности для нашего дела! Надеюсь, эта простая мысль вмещается в ваш мещанский мозг? Нам, прежде всего, нужно определить она это или нет. Если нет — плевать, пусть стирают...

Тут Саймон Рукс покачал головой.

— Но если «да», и вы ее потеряете... — медленно произнес он. — Клянусь, мы ищем сверхтшеди уже более восьми лет, и если шанс будет упущен, то едва ли мы ограничимся одним взысканием уплаченного вперед аванса. Поразмышляйте над этим!

Артели хлопнул ресницами и уставился, не отрываясь, в зеркальное лицо напротив. Он словно смотрел на себя, только в зеленые, а не в серые глаза, и в то же время отчетливо понимал, что перед ним сидит совершенно чужой человек. Ужасный, сверхъестественный тшеди, демиург и акционер Нуля, не «сикх», а «хапи»! Деньги, даже очень большие деньги — ничто для таких, как Рукс. Возмездие подобного бессмертного существа, возвышающегося не только над агнатами, но даже над свободными когнатами Корпорации может оказаться воистину кошмарным!

Глядя в собственные черты, Артели судорожно сглотнул.

— Я понимаю, понимаю, — прошептали его побледневшие губы.

Глаза напротив снова улыбнулись. Вновь появились, заиграли знакомые по отражению ямочки на щеках.

— Вот и отлично, — по-прежнему добродушно кивнул визитер. — Наша главная задача сейчас — Проверить ее способности к «пси». Искомый нами сверхтшеди, как вам известно, кардинально отличается от обычных экстрасенсов. Это не просто сверхчувственный медиум или сильный гипнотизер. Этот тшеди, собственно, вообще не может воздействовать на человека. В смысле традиционной экстрасенсорики он сущее

ничтожество и его способности не превышают возможностей обычных людей. Его сила лежит совершенно в иной плоскости, и нам нужно стимулировать его уникальные способности за... Сколько у нас времени до стирания этой вашей агнатки?

Артели взглянул на часы.

— Примерно двадцать четыре часа от настоящего момента, — ответил он торопливо.

— Значит — за двадцать четыре часа, — заключил Рукс. — А теперь вот что...

С этими словами зеленоглазый блондин залез в скрытый карман на груди и вытащил оттуда кожаное портмоне.

— Стимулировать талант тшеди до того, как он созреет сам, — продолжил он, — можно только экстренным способом. Точнее — двумя. Первое — это обычный болевой шок. А второе — нервная стимуляция, например, химическая или с помощью особого рода излучений. Монтаж излучателя требует много места, да и времени потребует прилично.

— И что, — немного смущенно перебил Артели, вспомнив недавнюю беседу с доктором Юмой, — вы предлагаете мне содрать с несчастной девочки кожу для пробуждения в ней дара тшеди? Скороеи-то, надо полагать, на нее не подействовали.

Саймон снова захохотал.

Зачем же! — пожал он плечами и вынул из портмоне тоненький пластиковый пакет с маленьким бронзовым квадратиком внутри. — Сдирать с нее ничего не нужно, тем более кожу. Мы с вами живем в мире передовой науки, и было бы стыдно использовать для инициации сверхлюдей такие варварские методы. Вот перед вами простой химический препарат. Он впитывается через кожу. Вы должны прилепить его куда-нибудь на тело Катрины, лучше на шею, вот сюда, над ключицей — так ближе к артериям. Если спустя час после этого дар не пробудится, значит — адью, девочку можно пускать в расход и никаких проблем.

— А если пробудится? — нервно перебил Артели.

Саймон Рукс шумно выдохнул.

— Тогда сложнее, — заявил он. — В любом случае — вопрос решаемый. Главное, проведите сам тест!

На этом, по всей видимости, визитер счел разговор завершенным. Он встал, протянул руку для рукопожатия, но вдруг замер и внимательно посмотрел на своего сероглазого двойника.

— Кстати, — заметил гость, воздев палец, — если вы когда-нибудь будете иницировать подобных Катрине существ, то запомните накрепко, сикх, самостоятельно сдирать с них кожу не стоит. Для собственной безопасности, разумеется...

И Рукс ослепительно улыбнулся.

Поза 13 На рывок!

Кластер Седан. ИЦ АТ № 166. Высшая Школа наложниц. Комната ожидания. Один час до инициации тшеди

Скороеи работали. Тихо, но безостановочно. Восстановление было крайне болезненным, но зато явным и скорым. Менее чем через полчаса рассосались ушибы и синяки, исчезли кровоподтеки, начал появляться под опухолью новый глаз.

Если бы кто-то мог сейчас взглянуть на Катрину со стороны, то этот гипотетический сторонний наблюдатель уже легко узнал бы в ней прежнюю высокую, стройную шоколадноволосую красавицу. Чуть изможденную и немного исхудавшую (в отличие от стационарной аппаратуры регенерации роботы-хирурги использовали для восстановления тканей собственные ресурсы организма, а не вещество, полученное из капельниц, и энергию, полученную из Сети), но все такую же прекрасную, как и в первый день появления в

искусственном скотском мире.

Отойдя от болевого шока, вызванного резким проникновением нанороботов-целителей в лимфатическую и кровеносную систему, Катилина пришел в себя и тут же резко об этом пожалел. Во-первых, лишенный сил организм, истощенный целым часом усиленной регенерации, мучился от страшной жажды и жгучего голода. Во-вторых, сам процесс регенерации протекал весьма тяжело, боль, казалось, мучила каждую клеточку его несчастного женского тела.

А в-третьих — он был в ящике.

Об этом удивительном приспособлении, настоящем «шедевре», порожденном животной сущностью человеческого естества, Катилина слышал множество раз за прошедший месяц обучения. Неоднократно о возможности его применения упоминали и господин шеф Артели, и господин евнух Деморти (чтоб им пусто было), а также вспоминаемые сейчас с почти ностальгией Мерелин и Лилит. Последние, кстати, ящика очень боялись — гораздо более, например, нежели махейра или пресловутых занятий по психостойчивости.

И правильно делали!

Реально «ящик» оказался забавной штукой. В первую минуту после осознания этого нового изуверства, экс-легат даже посмеялся над своим нелепым положением. Все же армейское «черное» чувство юмора ничем не перешибешь. Он смеялся бы, наверное, и дальше, но уже через полчаса его тело скрутило новой судорогой, конечности затекли и не осталось даже сил, чтобы шевелить губами или чем бы то ни было, кроме как чудесными густыми ресницами, обладателем которых он стал после реинкарнации.

Осталось лишь молча материться и моргать.

«Ящик» действительно был просто — ящиком. Продолговатым. Немного похожим на маленький гроб, но глубже, короче и уже. Он состоял из пластиковых прутьев. Несколько более сложной конструкции, нежели ящик для фруктов или, там, инструмента. Немного крупнее и из несколько более гладкого материала, но... просто ящик.

Два бугая из охраны, под пристальным надзором Глазго Деморти, согнули Катрину-Бету пополам и затолкали ее внутрь задом вниз. Катилина сопротивлялся — но сделать ничего не смог. Во-первых, он был чудовищно искалечен и вообще находился в сознании только благодаря стимуляторам, а во-вторых... мышечная масса в таком положении есть мышечная масса. Сила силу ломит.

Затем, когда он залез в ящик полностью, его перевернули. Теперь он то ли стоял, то ли висел, упираясь боками в стенки, как будто делающий гимнастику человек, застывший во время наклона к носкам. Доставшееся Катилине женское тело было очень гибким (особенно со сломанным позвоночником — ха-ха!). Однако даже оно, спустя несколько минут, начало дрожать от напряжения. Сесть в ящике не представлялось возможным, выпрямиться — тем более.

Суть ящика, таким образом, сводилась вовсе не к удобству транспортировки. А — к наказанию. Из Высшей школы в армию переводили только злостных нарушительниц дисциплины. Необычайно злостных. Убийца пяти человек из охранников, разумеется, считалась таковой.

Один из охранников коротко пояснил, что в будущем ее ожидает счастливая стезя вечной подстилки под тысячами быстро сменяющихся служивых лиц, по несколько сотен за сутки. Очень быстро ее ждет смерть от истощения и износа — от кровавого поноса, воспаления матки, разрыва гортани постоянным давлением на горло и язык посторонних предметов. Затем — медленное восстановление скоропеями и новый повторяющийся цикл из служивых лиц. И так — как минимум двести лет.

Средний срок жизни наложницы в армии Нуля исчислялся одним-двумя месяцами, максимум. И перевозили провинившихся рабынь только так — в «ящике». Чтобы быстрее осознали: счет жизни уже пошел на дни и часы.

Сначала Катилина испытал даже некоторое облегчение — микрохирурги старались

вовсю. Казалось, он полностью восстановился, сломанные кости срослись. Он был снова здоров и цел. Боль от ран и переломов ушла.

Однако сразу пришла другая.

Катилина чувствовал, как в ужасном «согнутом» положении голова его медленно наливается кровью, а конечности и спина немеют, превращаясь в растянутые струны.

Он попытался бороться с болью, мысленно «вгоняя» в сведенные судорогой конечности волны внимания и воли. Затем — просто терпеть мучительную и долгую пытку, пытаясь считать, перебирая секунды, складывая их в минуты и выжидая, пока пройдут часы. Однако — не смог. Не выдержав даже часа, мозг начал бунтовать.

Сквозь мутную пелену он чувствовал, как кровь, почти оставившая его холодные плечи и позвоночник, бурлит в висках, наливается в темени, переполняет извилины. Или ему только кажется?

Он моргнул. Нет, дальше так не пойдет.

Как там сказала Лилит? «Ты воскрешена после смерти, тебе этого мало?» Катилина поежился. Стенки ящика давили. «Определенно мало, сударыня, — подумал он, — определенно мало. Терпеть, — решил затем легат. — Я буду терпеть».

Но тело его, похоже, решило иначе. Затекие конечности почти разрывались от страшной судороги. К скрученным в стальную проволоку лодыжкам присоединились сначала мышцы рук, а затем — и большие мышцы тела. Спина, бедра. Не в силах сдерживаться экс-легат заскрежетал зубами. Затем — застонал. Что за дьявол придумал эту поганую процедуру! Ужасная, тягучая боль заполняла все тело.

Он прикрыл глаза...

...И резко открыл их.

Дьявол!

Резко щелкнула и распахнулась дверь. Катилина не видел ничего, что происходило там, за спиной, только слышал. Кто-то вошел, затем дверь захлопнулась. Еще раз, закрываясь, щелкнул замок.

Шаги. Мягко ступая, вошедший не торопясь подошел к ней откуда-то сзади. Не говоря ни слова, он с ходу пнул. «Ящик» со своим прекрасным и уже полностью восстановившимся после избиения содержимым повалился на пол. Теперь Катилина лежал в прежнем положении, но на спине. «Спасибо хоть на этом», — устало подумал он. Кровь медленно отливала от его головы.

Охранник присел. К удивлению беглянки, это был сам старший евнух. Сам господин Глазго Деморти!

Ну что, красавица, — оскалился изувер, — излечилась от своей прыти?

Похоже, подонок пребывал в отличном настроении.

Катилина лишь стиснул зубы. Он помнил их «спор» в экзекуторской за стеклом, и повторятся не хотелось. «Терпеть надо молча, — прикрикнул он на себя. — Молча!»

Но Глазго не унимался. Видимо, упрямство девушки во время занятий по психустойчивости зацепило его за живое.

И чего молчим? Кровь в головушку ударила, да? Бывает. А то «Нет! Нет! Нет!». Я вот, знаешь, подумал: стандартный срок для «ящика» — двадцать четыре часа. Потом тебя уже отправят воякам. М-да. Но двадцать четыре часа — это долго, — он протянул. — О-о-очень долго. И если ты будешь ласковой, я могу сократить тебе наказание. Что молчишь? Эй!

Он просунул руку в клеть и больно ткнул костяшками пальцев ей в скулу.

Впрочем, слово «больно» в данной ситуации, было понятием весьма относительным. Сведенные судорогой мышцы просто сводили Катилину с ума.

И если бы он мог себе это позволить, то заорал бы так громко, как позволяли легкие. Но нет, его враг не дожидается этого.

— Отвали, — выдавил экс-кавалерист сквозь зубы.

Глазго Деморти усмехнулся.

— Ха! Стандартный ответ, — усмехнулся он. — Посмотрим, как ты запоешь часа через

три. А через четыре? — тут он страдальчески вздохнул. — Эх-х. Да пойми ж ты, дуреха. Мы поссорились — надо мирится. Вариантов-то у тебя нет.

— Это кто сказал?

— Я. Думаешь, выдержишь?

Катилина прикрыл глаза.

— Посмотрим... — На самом деле он не был уверен. — Попробую. В конце концов, один день — это не так долго.

Глазго осклабился:

— Н-да? Занятный подход. Вообще, ты меня заинтриговала. Упорство — это странная позиция для прога, ты не находишь? А уж тем более для шлюхи.

— Ну, господин, вам виднее. Я, уж простите, не специалист.

Евнух заржал, не поняв иронии.

— Эт точно, — он потер подбородок. — Впрочем, как знаешь. Хочешь сидеть сутки напролет в этой клетке — сиди. А я твое «сладкое» возьму и так. Прутья мне вряд ли помешают.

Внезапно замолчав, Деморти поднялся, подошел к камере слежения, висящей под потолком, и что-то показал ей жестами. Затем поднялся на край кровати и аккуратно отсоединил один из проводков. Красный глаз, мигающий в центре окуляра, погас. Отключена?

С мерзкой миной на лице Глазго вернулся, присел и с довольной улыбочкой сообщил:

— Ну что, сударыня, теперь мы совсем одни. Романтично, черт подери!

«Понятно, — заключил Катилина. — Значит, видеокамеры действительно отключены».

Между тем, не теряя времени, евнух поднял ящик в прежнее положение, просунул руку сквозь прутья клетки и погладил округлую ягодицу Катрины-Беты. Она как раз приходилась на уровне его паха.

Катилина раскрыл от удущья рот. Но вместо крика наружу вырвался лишь животный рык. Подавившись собственным бешенством, осклаившись как зверь, легат захрипел.

Высокий псевдогунн гаденько улыбнулся. Наклонился так, чтобы согнутая пыткой девушка увидела его лицо. Присел. Его рука соответственно скользнула с ягодицы ниже, по манящему изгибу обжигающе холодного бедра, к коленям. К уткнувшемуся в них лицу. Вторая рука в то же время пыталась пролезть туда, где только что находилась первая — меж ягодиц...

«Ну что ж, — решил кто-то внутри Кэтиной головы, — Похоже, терпеть более не получится».

Резко дернув челюстью, Катилина схватил Деморти за пальцы. Зубами! Затекие руки невольницы лежали вдоль тела, вцепившись в собственные лодыжки. Быстро подтянув их, наложница зажала кисть насильника в замок и, с силой сомкнув челюсти, с хрустом откусила ему вонючий мизинец!

Деморти заорал. Вывернув кисть на излом, Катилина зафиксировал лучезапястный сустав своего врага в собственных руках и, тяжело дыша, сплюнул кровь и откушенную фалангу.

— Молчать, — прохрипел он тихо, вспоминая давешний приказ одного из охранников, и подкрепил свои слова, усиливая давление на кисть. — Молчать говорю!

От боли в запястье Деморти дернулся и затих. Сцена была нелепой: здоровый высоченный мужчина в униформе с электрической дубинкой на поясе стоял на коленях перед обнаженной девушкой с окровавленным лицом внутри ящика-клетки из пластиковых прутьев.

— О, Боже, — задыхаясь зашептал евнух. — Тварь... Ты ж мне палец... откусила!

Но Катилина только крепче зафиксировал захваченную руку и прошипел:

— Только фалангу, господин евнух. Еще можно пришить.

Глазго длинно и витиевато выругался. Дернул плечом, но резкая боль сдержала его попытки.

— Совсем сдурела? И что дальше? Сломаешь мне руку?

— Видно будет! — глотая воздух ответил Катилина. — А вот вы, я смотрю, не совсем евнух. А? — И он легонько надавил на вывернутую на излом кисть.

— Черт! Черт! Черт! — зашипел Деморти. — Осторожней! Что ты за дура? Что за дура! Ты хоть представляешь, что с тобой сделают после нападения на старшего офицера?

— Не-а, — с деланным весельем заявил Катилина, хотя пот заливал ему глаза, а руки легонько дрожали от напряжения. — Но одно я знаю точно: я тебе сейчас все пальцы переломаю. Где ключи?

— Тут нет ключей, здесь защелка.

— Открывай.

— Да пошла ты!..

Катилина ощерился:

— Уверен?

— Сука! Я тебе матку вырежу!

«Ах ты гнида, — подумал Катилина. — Вырежешь матку? Ну что ж, очевидно следует уже привыкнуть, что все в этом мире считают меня женщиной. Поганые, грязные ублюдки! Ненавижу!»

И вместо ответа ОНА вывернула сустав!

От страшной боли Глазго взревел. Как дикий зверь, он вскочил, выпрямился во весь свой нешуточный рост, отрывая вцепившуюся в его руку клетку от пола, и с размаху ударил ей по стене. Потом об пол! Снова об стену! Об кровать! Пластиковая Клетка с тонкой обнаженной девушкой была слишком легкой для двухметрового великана. Подстегиваемый болью, он орудовал ей как битой.

Удар! Удар!

Но Катрина держала крепко. Рука Глазго залезла за прутья по локоть, и невольница, воспользовавшись этим, согнула ее на излом, используя как крюк, зацепивший один из прутьев, одновременно с хрустом доламывая врагу запястье!

Кэти в клетке болталась на его изломанной конечности как пустой мешок.

— Тварь! Тварь! Тварь! — надрываясь, орал он. — Отда-ай! А-аааа!

Хруст. Резким движением она сломала ему руку. Кисть евнуха болталась теперь как плеть, и больше ломать ей нечего — согнутый на излом локоть в таком положении вряд ли поддастся.

Дико вращая глазами непрерывно матерясь и давясь собственным криком, псевдогунн обрушил поскрипывающую клетку на пол, затем стал пинать. Еще раз! Пнул, пнул, пнул подкованным сапогом, крутанулся на месте как юла, попытавшись дернуть из-за пояса верный электрошокер! Но ему не повезло — махейр болтался в кобуре справа. И левой, свободной руке Деморти трагически не хватало длины, чтобы вытащить его полностью в этой бешеной свистопляске. Пальцы лишь бессильно скользили по рукояти, и он снова пнул клетку.

В этот раз один из прутьев треснул и сломался, от следующего удара сломался второй. Медленно, по сантиметру, сломанная, но все еще сдерживаемая болевыми импульсами потная рука Глазго выскальзывала из «ящика» — сил Катрине все-таки не хватало. Липкие пальцы насильника выплывали из захвата девушки, хотя она вцепилась в вывернутую конечность, казалось, уже всем своим телом — руками, плечом, ногами, прижала к обнаженной груди, словно в страстных объятьях.

Бешено крича, Глазго нагнулся и надел на клетку. Та скрипнула, затрещала. Через проломанные прутья он всунул свободную руку внутрь и принялся выламывать пальцы Катилины, чтобы оторвать наконец их от своей измученной конечности.

Кисть его сжата. Сильные пальцы согнуты. Наружу перед ее лицом торчит только крепкий большой палец руки с толстенным суставом. Невозможно, невозможно! Вены вздулись у девушки на висках. От страшного напряжения побелели руки. Даже судорога, сводившая болью все тело всего пару минут назад, вдруг показалась смешной, как детский

ушиб.

Глазго медленно, с рычанием разжимал ее пальцы — еще пара мгновений, и он вырвет руку из захвата, достанет шокер, вызовет охрану и тогда...

Не-ет!

Не в силах сдержать порыв разъяренного евнуха руками, Кэти-Катилина снова раскрыла челюсти и сжала их изо всех оставшихся сил на липких мужских пальцах. И раз нет у нее иного оружия кроме собственных зубов, то...

Кости хрустнули вновь. Ее чуть не вырвало от вкуса мяса и теплой человеческой крови, но зубов она не разжала.

Лопнули сухожилия, шея людоедки бешено напряглась. И огромный большой палец правой руки, оказался у нее во рту. Один. С фонтаном крови, заливающей ей язык. Откушенный под корень, палец конвульсивно дрожал...

...И Глазго встряхнуло. Кажется, он закричал. Опять вскочил как бешеный, поднимая изломанную клеть двумя изувеченными руками прямо над головой. И страшно, со всей силы рук и ярости обрушил скованную пластиком невольницу на стоящую в комнате тумбу.

Удар!

Удар пришелся на бедра. Таз Кэти, казалось, лопнул от столкновения напополам.

С громким противным треском тумба развалилась на куски, а «ящик», не выдержав этого последнего унижения, брызнул в стороны выломанными прутьями и анкерами.

Щепки и обломки пластика впились Катилине в тело. Кровь заливала рот и спину, порезанные руки, шею, грудь. Но, не замечая боли, Кэти рванула наружу. Створка вылетела и, перекатившись через собственный бок и рваные обломки клетки, она встала на ноги. Впервые за последние два часа. Ноги ее дрожали.

Глазго стоял напротив. Какую-то секунду он смотрел на место, где только что находился его большой палец левой руки, на бьющий кровавый фонтан и на сломанную кисть правой. Затем отступил на шаг, одновременно кое-как доставая из-за пояса электрошокер. Левой. Стоя свободно и согнув корпус, теперь он смог дотянуться.

— Ты сдохнешь, — прошептал он, дрожа, и голос его вибрировал от боли и ужаса, как натянутая струна. Вместе с кровью и со слюной Кэти сплюнула то, что было во рту.

Огромный мужской палец в кровавой пене плюхнулся на кровать.

Несмотря на страшную боль и усталость, несмотря на голод, жажду и затекшие конечности, ее охватило какое-то странное, злое веселье.

Легко, почти играя, Катрина шагнула в сторону, на ходу подбирая с пола отпавший от клетки пластиковый прут, и развернулась.

Правая нога вперед. Левая — назад, стопа перпендикулярно к правой. Левую руку — в сторону. Правую, с тонким прутиком — в глаза своему врагу. Фехтовальная стойка. Наверное, со стороны это выглядело нелепо: обнаженная, измазанная в крови девушка со смешным пластиковым прутом вместо шпаги. Но камера отключена, и некому было наблюдать за нелепой сценой.

— А знаешь, — сказала агнатка сквозь застилающую глаза кровавую пелену и сумасшедший хохот, клопочущий в ее глотке, — плевать твоими пальцами входит у меня в привычку. Что с твоими руками?!!!

Задохнувшись от ненависти, изувеченный евнух бешено зарычал и прыгнул вперед. Он был выше Матрицы почти на две головы и явно — значительно сильнее худенькой девушки. В узком пространстве комнаты это могло бы стать решающим фактором. Однако шокер Глазго, явный правша, сжимал теперь левой рукой, к тому же лишенной большого пальца.

Катрина пригнулась. Внезапно уснувший в ее голове легат Каталина был в прошлом опытным фехтовальщиком, он чувствовал себя неуютно в теле голой избитой девицы. Новое тело не обладало ни рефлексам, ни отточенными тренировкой подсознательными навыками его старой «мужской» оболочки. Но опыт войн и осад, уличных драк и дуэлей и годы, проведенные на ристалище и в тренировочном зале, оставались с ним, в его памяти и сознании.

Пригнуться. Притоп. Терцио! Укол! Ловким движением своей импровизированной шпаги бывший катафрактарий вышиб электрическую дубинку из руки своего неумелого противника. Вторым скупым движением отбил ему «фехтующую» кисть, а третьим — вонзил свою «шпагу-прут» ему прямо в шею. Сквозь кадык — за одно мгновение. Внутрь — острием из затылка.

Глазго Деморти захрипел. Что-то забулькало у него внутри, глаза закатились, и он рухнул на пол как мешок с дерьмом, каковым, в сущности, и являлся.

* * *

Несколько секунд после этого Кэти стояла, не дыша, над неподвижным телом старшего евнуха. Странно, но в эти мгновения она уже не осознавала себя Флавием Аэцием Катилиной. Собственно, рее, что было в ней от бравого катафрактария, являлось лишь памятью, набором воспоминаний. Биологическим мужчиной на самом деле она не была.

Все это — наваждение, раздвоение личности, медицинский синдром. Легат Катилина дал ей очень многое — навыки владения холодным оружием, мужскую логику, волю и множество терминов, которые при ином раскладе оказались бы ей совершенно не знакомы. И все же тридцать дней с момента изготовления в школе, внутри стен этого ублюдочного заведения жила именно она — Катрина-Бета 19-725. Полноценная личность и совершенно иной человек. Невозможно оставаться стопроцентным мужчиной, пребывая в теле стройной девушки. Бытие определяет сознание? Да, похоже, именно так.

Кэти потрянула головой и, отбросив в сторону совершенно излишнее сейчас самокопание, присела и дотронулась до сонной артерии сраженного ею человека. Кровь заливала его шею, но пульс осторожно проклевывался под кожей.

«Ага, — подумала Кэти, — надо бы добить Ублюдка».

Она посмотрела вокруг, выискивая глазами что-нибудь подходящее, но потом махнула рукой: тыкать в Глазго пластиковым прутом не хотелось как-то слишком по-мясницки. А душить уже просто не было сил.

Она поднялась. Что дальше? «Вроде бы, подруга, мы собирались терпеть все пытки, до подходящего момента, связаться с Руксом, все выяснить и обсудить... — сказала она себе. — Что ж, будем считать, что у нас не получилось с терпением и выяснением».

И, по всей видимости, более подходящего момента в ее столь короткой и столь скотской жизни в этом новом чудесном мире уже просто не будет.

Кэти закрыла глаза, мысленно воспроизводя увиденную во сне картину того, что находится за дверью. Схему внутренней планировки ИЦа 166, подаренную ей СИНКом во время быстрых «ночных» уроков с шунтом. Можно ли доверять этой памяти? Логика говорила, что нет, но ей плевать на логику — это все, на что она могла положиться. Итак...

Вот перед нею схема. Коридор, коридор. Комнаты, комнаты, комнаты.

За углом — ближайший пост. Там стол и охранник с эстиметом. Дальше идет еще один коридор — более широкий, он предназначен не только для пешеходов, но и для электромобилей, развозящих наложниц в дальние секции. Своего рода «улица» внутри здания. Затем — большой зал с бассейном. И вот оно — выход в стадион-сад.

Стадион-сад отгорожен забором от других «пространственных комнат» ИЦа. С высоты цветочных террас она несколько раз смотрела туда, в последний коридор, ведущий из Высшей школы внутрь шумящей многоголосьем самой большой снежинки Индустриального центра. Там — город и порт. Много людей и машин. Много зданий и... космических кораблей.

Нужно выйти туда. Какова бы ни была ситуация с контролем населения и системой учета когнатов, других вариантов у нее нет. Остаться в комнате — смерть. Причем, скорее всего, извращенная, долгая и мучительная.

Требовалось прикинуть время. Сколько заняла их схватка с Деморти? Показалось — долго, но наверняка не больше пары минут. Скорее, даже меньше. Стены глухие, дверь со

звукоизоляцией. Специально, чтобы насильник из числа охраны или евнухов мог спокойно справить свои дела, а вопли жертвы не отвлекали бы от обучения ее соседок. Все верно. Однако, если брать случай с Деморти, то это похоже на злую шутку. Кэти скорчила гримаску: насилие вышло наоборот!

Дверь Деморти запер сам. Камеры выключил сам. Кстати, сколько дежурный в комнате видеонаблюдения будет мириться с тем, что его товарищ насилует красотку при выключенной камере? Пять минут? Десять?

Вряд ли больше — насилие, это знаете ли, такое Дело...

Добавим к этому пять минут на предварительное избиение жертвы и еще столько же на — ее последующее избиение, если насильник — садист.

Получается — двадцать минут от силы.

Катрина уперлась взглядом в висящие на стене часы. Дьявол! Сколько они показывали, когда Деморти вошел в ее комнату, она, естественно, не засекала. Из позы «согнутого человека», ей не было видно табло, а ручных часов из охранников почти никто и не носит. Но будем исходить из худшего — пусть осталось десять минут. Будем считать, что по истечении этого времени дежурный либо включит камеру из комнаты наблюдения (если на пульте есть такая функция), либо припрется сюда лично.

Хорошо!

Как была голой, Катрина затолкала истекающее кровью тело евнуха под кровать. Туда же запнула и откусанные пальцы.

Быстро полотенцем затерла кровь на полу и оправила на кровати покрывало, создав видимость обычного порядка. При беглом осмотре через камеру наблюдатель, возможно, сразу ничего и не заподозрит. Мелкие капли крови на стенах, разводы на полу с первого взгляда не увидишь, тем более, через камеру. А дать им время рассматривать все со второго раза она просто не могла.

Кэти потянулась, как кошка, разминая плечи — к черту!

Быть может — надеть форму Деморти? Но это глупо, просто идиотизм. В такой крупной одежде она просто утонет — не наш размер. Но даже бы если форма подходила ей по размеру, она похожа на охранника или евнуха в той же степени, как любой из них похож на наложницу-агнатку. Ее узнают сразу, как только она ступит за порог.

Что остается?..

К счастью, комната, где она находилась, была оборудована стандартной «мыльницей» — синтезом одежды: возможно, здесь кого-то переодевали меняя разорванную при наказаниях обычную форму наложниц.

Беру обувь, беру куртку, решила Кэти. Не надеваю, а просто в руки. А на себе — обычная одежда ученицы, все!

В коридоре повсюду камеры. Вид шагающей «школьницы» в обычной одежде рабыни, состоящей из шорт и блузки, пусть даже с какими-то тряпками в руках, вызовет, возможно, меньше подозрений, чем вид той же школьницы, но в форме старшего уха. Хотя не факт — но делать нечего. Теперь надо прикинуть дальнейший план. В заборе стадион-сада есть большие ворота, а рядом флигель и калитка. Во флигеле еще один охранник и тоже с «правительственной моделью», то есть с наручным бластером.

Вот что ей нужно — оружие! Имея на кисти заряженный огнестрел с парой запасных энергетических батарей и всего лишь двух охранников в качестве препятствия, она пройдет через все помещения Высшей школы как нож сквозь тепное масло.

Нужно только заполучить эстимет. Но как?

Кэти остро и зло усмехнулась — это был простой вопрос.

Очень простой.

Кластер Седан. NU AT № 166. Высшая Школа наложниц. Бластер

Она быстро смыла кровь с лица и тела, напялила новые блузку и шорты и подняла с

пола электрошокер. Взмахнула рукой, разминая кисть.

От двери до конца коридора, где стоял стол и сидел охранник, ее отделяли всего тридцать метров и перегородка стены.

Проведя карточкой, добытой из кармана валявшегося под кроватью Деморти, по пазу замка, Кэти открыла дверь и вышла наружу.

Коридор был пуст. Тридцать метров — это всего примерно шестьдесят шагов.

Куртка висит на левой руке. Боты — в ней же. Дубинка электрошокера — под курткой. Рукоять немного торчит, а на ней — лежит правая рука. На экране и не поймешь, в чем дело.

Десять, двадцать шагов. Что же так бешено скачет сердце?

Тридцать, сорок шагов — коридор по-прежнему пуст.

Пятьдесят шагов. Навстречу ей вышла наложница с их курса, кивнула в знак приветствия и поспешила к себе в комнату. Вдруг заметила странную одежду у нее в руках и остановилась, чтобы что-то спросить.

Катрина лишь мотнула головой — отвали!

Поворот за угол.

Через два метра сидит охранник. Эстимет спит на его руке.

Кэти? — это наложница с их курса; голос раздался сзади. — Что это там у тебя? Вам уже нормальную одежду выдают?

Охранник медленно повернулся к ним, на лице его дремала скука.

Бывший легат тихо выругалась. Вот бабы! Какую еще одежду?! В прошлой жизни с тряпками не наигрались?

Ну, постой же, — однокашница подошла поближе. — Кэти, я серьезно. Что это у тебя там такое? — И девушка схватила ее за рукав куртки.

На рукаве нашивка, две буквы — «НС». Такие носят только служащие Нулевого Синтеза — когнаты, а не рабыни.

Охранник приподнял бровь. Бластер по-прежнему спал на его руке, но внимание — пробудилось. Он поднялся.

— А действительно, это что?

Дьявол! Кэти сверкнула глазами. Шаг вперед, прямой и открытый взгляд. Ослепительная улыбка жемчужно-белых зубов.

— Это шокер, мой господин, — честно призналась она.

Электрическая дубинка порхнула ей в руку и, описав дугу, вонзилась мужчине в лоб.

Треск!

Попахивая озоном, тело шумно свалилось на пол.

Стоящая рядом девушка в ужасе завизжала.

Отбросив в сторону шокер, Катрина присела над телом и быстро отщелкнула от руки пистолет обездвиженного охранника. В ячейках на поясе — две запасные батареи, все, как положено.

Первое движение — нацепить эстимет на кисть Второе движение — сжать ладонь, снимая предохранитель и вдавить пусковую кнопку.

Визжащая однокурсница, подавившись собственным криком и дымя мозгами, сползает по стенке.

В голове, чуть выше рта — квадратная сквозная дыра. Сквозь дырку видны обои. Извини, красавица, просто не надо орать.

Дальнейшее заняло буквально секунды. Катрина накинула куртку, обулась. Боты, конечно, оказались велики для изящных ступней, но так лучше, чем в тонких носках.

Сложив правую руку с бластером в упор левой, короткими шагами на чуть согнутых в боевой стойке длинных ногах топ-модели, бывший легат панцерной кавалерии двинулся навстречу свободе.

Коридоры ИЦа. Инициация

Говорят, в бесконечности вселенной существует все, что только может существовать. Однако каждый, кто смотрит по сторонам, видит только то, что он видит. Бесконечность, бессмертие и безумие — лишь набор звуков, питающий людское воображение и оправдывающий в наших фантазиях вечные людские пороки. Зато краткое мгновение жизни — то самое, суетное и ничтожное, которое ты переживаешь в единственный и последний раз, воистину может казаться бесконечным, если подано вселенским хаосом в нужном антураже.

Разрезая воздух обнаженными ногами, Кэти шла сквозь ИЦ как в дурмане.

Секирой огнедышащего эскамета она рубила встречающих людей пополам, и они падали наземь порванными, пылающими манекенами.

Шипящие вспышки «правительственной модели» озаряли мрачные коридоры ИЦа, и не было пощады для тех, кто вставал на пути безумной девицы в этот страшный, щедрый на смерти час.

В голове Катрины гремело и гроыхало. Под эту шумную канонаду недобро глядела она своими пылающими очами из-под длинных и пышных ресниц. Взгляд роскошной красавицы озарял изгибающиеся туннели буквально волнами ненависти.

И все же ... что-то было не так.

Окружающее пространство отражалось в ее мозгу не только привычной визуальной картинкой, но стремительными всполохами линий и силуэтов, геометрией трехмерной графики, похожей на цветные картины Сети Информации.

Линии стен и уровней были очерчены голубым. Люди, шныряющие по этажам, — насыщенным зеленым. Ярκο-красным сверкало у них в руках оружие.

В первые минуты своего стремительного огнедышаще-кровавого бегства Катрина всего лишь пыталась вспомнить «карту», объемное трехмерное изображение ИЦа 166. И внезапно, словно подчиняясь беззвучной команде, эта карта вспыхнула перед ее глазами! Нет не в памяти — она загорелась живо, зримо и натурально, как загорались «силь» и интерфейс шунта, в форме цветных и скрещенных линий.

Все это было только началом. Вскоре картина разноцветных, пульсирующих бликов дополнилась и сигналами шунтов. Чужих нейроразъемов, расцветивающих фигуру подконтрольного шунту человека забавными огоньками...

Беглянка сама не понимала, как такое возможно. Сначала она приняла визуальную фантазмагорию за сбой нейрошунта или собственную вполне возможную шизофрению. Но буквально через мгновения, с кристальной ясностью осознала — в ней пробуждался дар тшеди. Каким-то удивительным образом ее тайному мистическому таланту оказались подвластны не человеческий мозг или стихии природы, но каналы нейрошунта и просторы Сети.

Времени задумываться над этим у Кэти пока не имелось, оставалось только время идти и стрелять.

Но, тем не менее, мозг все равно пытался осознать происходящее, и объяснить иначе происходящие всполохи сетевых программ было невозможно. Почти мгновенно, в одну-единственную, длинную, но ускользающую от восприятия секунду, она вдруг ощутила, душой почувствовала всю интеллектуальную технику и приборы, заполняющие пространство ИЦа, коридоры которого проплывали сейчас мимо нее. Почувствовала и осознала сотни тысяч аппаратов неотъемлемой частью самой себя! Все они — и компьютеры, управляющие климатом помещений, и микроскопические мозги видеокамер, и процессоры бытовых роботов, и даже этот «интеллектуальный» бластер казались ей продолжением собственных рук, преданными зверями, смотрящими на нее с фанатичной любовью...

Мир вспыхнул вокруг нее разнообразием символов, соединенных единой паутиной.

Каждый прибор и каждый компьютер и уж тем более — каждый человек, носитель неотъемлемого нейроразъема виделись ей сквозь стены, прямо в мозгу, четкими виртуальными силуэтами.

Управлять этой фантастической игрой оказалось удивительно легко.

Сначала фигуры с шунтами различались... В первые минуты, когда Катрина, стоя над растерзанным телом первого охранника и агнатки, осваивалась с этим новым зрением, зеленым светились только фигурки рабов, а красным — все когнаты.

«Глупость, — мелькнуло в голове, как будто сквозь сон. — Какая разница, кто тут когнат, а кто Раб? Важно лишь — вооружен ли он». И вместе с мыслью, как часто бывает во сне, изображение трансформировалось само, потакая ее едва сформированному желанию! Зелеными стали все суесящиеся в ИЦе фигурки, а красным — только оружие И ярко-синим, с белым сиянием, отражающимся от кожи, зажглась она сама.

Было странно видеть свой путь одновременно глазами и в то же время — словно со стороны на объемном экране компьютерного монитора, а лучше сказать — в голограмме, в объеме, со всех сторон, сквозь стены и сквозь потолок. Мелькнула мысль: «А почему не кружится голова? Ведь должна бы, твою мать, дезориентация полная!» Но, отбросив мысль как неуместную, Катрина только крепче сжала бластер и полетела вперед.

Вот он, стадион-сад. Широкая дверь, остекленное КПП, за столом сидит еще один охранник. Мощный когнат — косая сажень в плечах, форма обтекает могучее тело, как упаковочный полиэтилен, фуражка сдвинута, для крутости, почти на глаза. Взгляд опущен вниз, он что-то читает.

Быстро, безумно, безумно, в полной, оглушающей тишине, прерываемой только тихим зудением галогеновых ламп, ее палец вдавил спусковую кнопку.

Огромный охранник рухнул, не отрываясь от сжатого в руках глянцевого журнала. От выстрела стекло его кабинки брызнуло в стороны каплями плавленного стекла, а голова скатилась на подушку кресла.

Зло усмехнувшись, Кэти двинулась дальше.

Голубые линии трехмерного изображения смещались все время. Какие-то фигуры на этом макете сидели или лежали неподвижно. Какие-то быстро следуют из одной части ИЦа в другую...

И вдруг Катрина увидела собственный рабский сектор, разбитый на маленькие комнатки, в которых сидели, лежали и шли... ее одноклассницы. Над головами фигурок светились коды и имена их шунтов. Изображение сдвинулось чуть правее, еще правее, и вот, в столовой класса, за их обычным столиком она увидела Мерелин, Лилит и Роксану. Вернее, их силуэты, сотканые из опутывавших тела электронных нитей, надписями имен и кодов над головой.

Встряхнув волосами, Кэти устремилась туда. Ноги сами несли ее вперед по извилистым коридорам центра, алая линия путеуказателя петляла меж стен.

Часть сознания старого воина Катилины все еще оставалась с агнаткой. В первые минуты Кэти казалось, что она движется хаотично, совершенно не задумываясь над направлением бегства. Однако вскоре девушка поняла, что ноги несут ее по определенному плану, ориентируясь то ли на солдатские инстинкты легата, то ли на собственную интуицию. Маршрут был четок и прагматичен. Ледяная логика свихнувшегося подсознания вела ее обратно по коридорам — в секторы подруг по несчастью. Яркий виртуальный путеводитель, указывающий ей путь, не предусматривал задержек и остановок, но старый солдат, кусок которого все еще прятался в черепе милой девицы, знал: он не бросит подруг никогда.

Спустя несколько минут Кэти ворвалась в столовую как огненный вихрь, срезав косыми лучами пару охранников, дремавших у стен...

Девушки ее класса, ставшие за этот месяц почти родными, вскочили, со страхом взирая на обгоревшие мужские трупы. Здесь собрался весь класс, человек двадцать, наверное, за небольшим исключением. Однако ее прайд присутствовал весь. С испугом взирали они на бунтарку, что вчера утром на их глазах фактически голыми руками прикончила пятерых

насилльников.

В полной, почти физически ощущаемой тишине Катрина заговорила.

— Я ухожу, — прозвучал ее хриплый, безумный голос.

В ответ в воздухе повисло молчание, тягостное, как затвердевший под солнечными лучами тугой каучук. Внезапное появление Катрины повергло сестер по несчастью в шок, а потому, выдержав короткую паузу, она продолжила быстро, но с расстановкой:

— Нет времени объяснять, — Кэти говорила спокойно, стараясь сдержать дрожащее от волнения сердце, — скажу коротко только две вещи: я знаю, как выбраться отсюда, и у меня есть оружие, чтобы суметь это сделать. Это мой шанс на свободу. — Она повысила тон. — Ну, кто со мной?!

Оставив вопрос без ответа, рабыни-сестры по-прежнему смотрели широко раскрытыми глазами. В самом деле, широко раскрытыми — от ужаса и непонимания. «Хорошо», — решила тогда она. В критический миг, когда секунды ускользали меж пальцев холодной родниковой водой, Катрину интересовал лишь собственный прайд — как собственная семья.

— Роксана? — она развернулась к самой близкой из прогов. — Ты не расслышала? Уходим со мной!

Но рыженькая вздрогнула, словно очнувшись от сна, и зашептала совсем не то, чего ожидала явившаяся за ней подруга.

— Кэти, ты выжила из ума, — проговорила девушка еле слышно. — Зачем ты убила охранников, ведь они отомстят... И как ты выбралась из ящика?.. Откуда у тебя эстимет?..

— Много вопросов, Рокси, — ответила Катрина резко, шагнув вперед и хватая подругу за локоть. — Очнись же, идем!

Она встряхнула Роксану, но та вырвалась и отступила. В глазах «программной» рабыни, с которой они совсем недавно мечтали о свободе, цвели недоверие и страх.

— Безумная... — зашептала рыжеволосая, ее дрожащие глаза суетливо забегали по лицу подруги. — Тебя же поймают, Кэти, поймают наверняка!

Выругавшись от злости, Катрина схватила ее за руку снова и зарычала, как загнанная в угол волчица.

— А что мне терять?!

Внезапно, не в тон этой краткой, но яростной перепалке, в их спор вмешалась Лилит.

— Верно, теперь тебе нечего терять, — чуть слышно произнесла синеволооска, кивая на трупы охранников. — Не знаю, что ты несешь насчет побега, но в одном уверена точно: с тобой никто сейчас не пойдет. У тебя на руке пистолет, и это ты убила людей. Уходи!

Катрина опешила. Губы ее раскрылись сами от непонимания и растерянности:

— Да бросьте. Вы что? Мы выйдем отсюда, клянусь!..

— А дальше?! — сорвавшись, вдруг сделала шаг вперед Эффи. — Ты кем себя возомнила?! Даже если мы выйдем отсюда вооруженные до зубов и перебьем всех евнухов ИЦа, куда мы пойдем?

— Мир кластеров безграничен!

Эффи дико захохотала. К ее смеху присоединилась Лилит и прочие девушки, постепенно, одна за другой, начали смеяться.

— Везде в пределах этого безграничья царствует Корпорация, — холодно объяснила синеволооска, — в любом кластере есть ССБ, планетарные армии, флот и самое главное — СИНК, Сеть Информации, тотальная система контроля. Ты не сможешь появиться ни на одной планете — шунт засекут из космоса. Ни в одном городе не сможешь купить еду или одежду, билет на корабль и даже оплатить стакан воды в уличном синтезаторе. Побег — это самоубийство. Нет, хуже — это удлинение рабского срока и дисквалификация. Но главное, даже если ты сможешь сбежать и каким-то образом миновать внимание СИНК, тебя ждет смерть от старости, Кэти. Очнись. И брось эстимет!

От удивления Катрина потеряла дар речи. Ее вели сюда, в комнаты одноклассниц, только лучшие побуждения. Мечта о свободе, которую она решилась, несмотря на весь риск и ускользающие секунды, разделить со своими подругами.

Осознание тщетности заполнило ее голову обжигающей лавой. Как же она не подумала об этом? Мир кластеров безграничен, но бежать им действительно некуда. И причина кроется даже не в тотальной системе контроля Сети. Просто убегая от рабства, эти женщины сбегут от собственного бессмертия, а значит, побег невозможен не только технически. Он невозможен своей бессмысленностью, самой своей абсолютной, опустошающей безысходностью в их собственных головах!

Однако время ускользало. И вне зависимости от условий, она не собиралась возвращаться обратно в ящик. Сжав губы, беглянка стремительно развернулась, чтобы уйти. Но тут из-за стола ее прайда поднялась Мерелин, молчавшая все это время, и помахала рукой. Блондинка вышла, качнула шейкой и очень пристально, с вызовом посмотрела на Кэти.

— Здесь все говорят за себя, — заявила она, глядя на более высокую подругу снизу вверх и улыбаясь. — Ты молодец. И, пожалуй, я тут второй человек, которому нечего терять. Меня возьмешь?

Прищурившись, Кэти удивленно взглянула на Мерелин. Сейчас, после короткого пояснения Лилит, гневной вспышки Эффи и отказа Роксаны беглянка осознала полную бесплодность своей попытки пробудить в наложницах тягу к свободе и потому не вполне понимала действия платиновой блондинки.

— Мэри, одумайся, — всплеснув руками, запричитали рабыни.

— Побегом ты отказываешься от бессмертия!

— Глядите — еще одна дура!

— А как же... твоя «вечная жизнь», Мерелин? — спросила Катрина.

— С ней все хорошо, с моей вечной жизнью, — усмехнулась платиновая блондинка. Лилит и Эффи не лгут — большинству из стоящих здесь клонов-наложниц бежать не просто некуда, но и не зачем. Система Корпорации несокрушима и вечна, она гарантирует нам бессмертие, — Мэри глубоко вздохнула, — но только не для подобных мне. Я «двойной дубликат», собственная добровольная копия.

По толпе наложниц при этих словах прошел гул ужаса.

Некоторые из клонов подались назад, стараясь подальше отодвинуться от Мерелин как от парии или заразного больного. На лицах женщин застыли гримасы ненависти и презрения. Кто-то закрыл лицо руками, скрывая отвращение. Эффи злобно выругалась, ощерившись как волчонок, и только Роксана с другими молодыми прогами ничего не понимая, озирались вокруг.

Кэти прищурилась:

— И что же такое «добровольная копия»?

По-прежнему ослепительно улыбаясь, бывшая киноактриса пожала плечами:

— Ты вроде бы торопилась?

Кэти кивнула — для разговоров времени не оставалось. Ни слова не говоря, она двинулась в сторону выхода, поманив Мерелин за собой. Кто бы она ни была, у Кэти сейчас не было намерений в чем-либо разбираться. Чуть прикрыв глаза, девица глубоко вздохнула, вызывая в памяти схему, что привела ее сюда, в столовую школы наложниц. И окружающий зримый мир, как послушная компьютерная программа при прикосновении пальцев к клавишам, уже привычно замигал виртуальными красками. Перед лицом предстал меняющийся рисунок из голубых линий и зеленых фигурок, мечущихся по просторам огромной стальной планеты.

Но что-то изменилось. За две минуты, пока они вели разговоры, большая группа людей, размещенных тремя этажами выше, внезапно и резко сорвалась с места. В комнате красные полосы — это стенд с оружием, «зеленые» хватают его, одевают что-то на тело, сразу после облачения меняя свой цвет на оранжевый. Оранжевые фигуры с красными черточками оружия в руках! Макет мигает: «Группа оперативного реагирования» — написано перед глазами. Ясно — охота началась по-настоящему.

— Бежим! — закричала Катрина что есть мочи и сорвалась с места в бег, резко, как

спортсмен-спринтер.

Не слыша более презрительных или, напротив отговаривающих криков своих бывших подруг, они вырвались в коридор, побежали, мелькая в развилках и поворотах.

Коридоры ИЦа пока оставались пусты, но вдруг завывли сирены. Как видно, кто-то из наблюдателей за камерами слежения все же среагировал на вспышку бластера и очередное мертвое тело товарища в коридоре. И значит, все безопасники ИЦа теперь подняты по тревоге.

Ускорившись, Катрина и Мерелин помчались вперед. Катрину больше не забавляла графика. За гранью ИЦа находились три космических терминала, обозначенных Сетью как «пассажирский», «грузовой» и «VIP» — вот она, цель. Терминалы отмечены соответствующими надписями на трехмерном макете в ее голове, но даже и без подсказок назначение широких площадок с силуэтами кораблей вполне очевидно для всякого. Но вот какой из них выбрать?

Тут картинка снова сменилась! Как во сне, из ниоткуда приходит ответ: одна из космических площадок вспыхивает красным даже ярче, чем оружие преследователей. И сквозь коридоры, сквозь лестницы кратчайший путь вспыхивает на макете сияющей белой нитью.

Вперед — бегом, бегом. Ее движение неумолимо, безжалостно. Рабыни и безоружные когнаты гражданского персонала падают вдоль стен коридора пылающими свечами.

Очистив центр управления терминалом двумя выстрелами в упор — воняя паленым, два тела рухнули, разрезанные пополам, — Катрина сменила первую батарею в бластере и прижалась лицом к стеклу. Сердце билось спокойно и ровно. Она сама не понимала, зачем крошила на маленькие печеные кусочки всех встретившихся на пути. Когнаты — ладно, раз работают в таком месте, то заслужили, но рабынь можно лишь пожалеть. Жалость? Катрина взглянула в глубь себя и ничего не нашла. В душе было пусто, как в высохшем колодце посреди выжженной ливийской пустыни. И сухо. Внутри нее не осталось даже слез, только бурлящая кровь наполняла голову.

За стеклом, прямо перед глазами, стоял, попирая металл площадки стальными же ногами-опорами, единственный межзвездный корабль. Катрина впервые видела подобное творение, ибо в Каталауне, насколько ей помнилось, на кораблях не летали. Там на них «ходили в море», плавали по воде. И все же форма могучего судна, способного преодолевать не только пространство между галактиками, но и границы вселенных-кластеров, была как будто знакомой. Понятной, по крайней мере.

Корабль напоминал собой короткое, злое зубило, насыщенно-темного, почти сияющего чернотой Цвета. На борту имелись надстройки, два горизонтальных треугольных крыла украшали его борта, а два вертикальных, также треугольных, — хвост. Но все это были лишь мелкие дополнения, на основную форму они не влияли. Перед Катриной стоял плоский, хищный таран со скошенным вниз носом. Приземистый, угрожающе-мощный, компактный, но в то же время не лишенный явной грации и обаяния, подобного неопишуемой красоте ядерного гриба.

На борту, выведенное блестящей краской, красовалось название корабля. Смысла незнакомых слов Катрина не понимала, но по значению иероглифов надпись, вероятно, могла звучать в устной речи как «VENU НОНОТАН». Под горизонтальными крыльями и на носу корабля устрашающе торчали узкие палки излучателей, глядящие в пустоту тупыми графитовыми стержнями — как на ее бластере, только больше, страшнее. И все же каким-то шестым, неопишуемым чувством Катрина поняла, что перед ней не военный корабль и уж тем более не пассажирское судно и не грузовой транспорт.

Перед ней стояла космическая яхта. Бронированная и набитая оружием под завязку, но все же — яхта, частное судно для визитов частных персон. «VIP» было написано на макете в ее голове. Значит — «VIP».

Спустившись быстро на стыковочную палубу, Катрина и Мерелин двинулись к соединительной перемычке, которая вела в корабль. Удивительно, но вопреки всем

ожиданиям, площадка для «гостевых» космолетов оказалась почти пустой. Ни бойца, ни техника, вообще — ни души, лишь в терминале управления полетами встретились два оператора, которых пришлось ликвидировать. После многолюдности ИЦевских коридоров подобное безлюдье казалось Катрине странным.

Из сетевых лекций, которые она слушала долями школьными ночами, Катрина знала наверняка — для того чтобы удрать с космодрома, ей достаточно просто взойти на борт, захлопнуть за собой дверь и подняться над посадочной площадкой всего на несколько метров. На этом расстоянии от поверхности ИЦа гипердвигатели, накопившие энергию для прыжка, уже могли активировать порталы для вылета в другой кластер. А там погоня им уже не страшна. Вот только послушается ли корабль?

Ноги как будто бы вели ее сами. Никакого плана, никаких расчетов, тайных знаний и тактики, ничего этого у нее не было. Побег вышел спонтанным, внезапным. Но почему же тогда так уверенно ступает она по металлическим плитам этой космической парковки? Вполне возможно, на другом конце стыковочной перемычки вход в корабль окажется заперт наглухо, да и на борту космической яхты ее никто не ждет.

«Или ждет? — на мгновение Кэти прикрыла глаза. — Посмотрим». Алые линии на макете не могли вести ее в никуда. Ведь кто-то же их рисовал в ее голове!

Быстро, мягко, она подошла вплотную внутри перемычки к стальному борту корабля. Так и есть — стальные плиты входного люка оказались открыты, Давая доступ в обычную на любом космическом судне шлюзовую камеру, которая сейчас, впрочем, не работала, так как стыковочная перемычка обеспечивала полностью герметичное соединение.

Скептически хмыкнув, Катрина внимательно осмотрела вход в корабль. Каков подарок! Других вариантов у них с Мерелин на данный момент просто не имелось, и тот, кто приглашал их внутрь, прекрасно знал, что беглянки не откажутся от этого приглашения.

Не задумываясь и отгоняя от себя пугающие мысли о возможной ловушке, Катрина решительно шагнула за железные створки. Мерелин послушно двинулась за ней.

Панели за спиной сдвинулись с тихим шипением, и раскрылась вторая панель напротив — вход внутрь космической яхты.

Ствол эстимета на правой руке Кэти немного подрагивал от напряжения, даже лежа в ладони левой. Бог мой, неужели так просто? Прямо напротив распахнутого настежь широкого входа чернеют створки лифтов, а сбоку — справа и слева — витые колонны винтовых лестниц. Перила — в золоте, ступеньки — под ворсистым ковром: корабль внутри двухэтажный.

Ага. Сейчас, по правой лестнице — вверх. К черту лифты! Первый этаж отделан сталью, пластиком и гранитом, второй — гобеленом и паркетной доской. Ну, ясно. Нижний этаж — технические помещения, а верхний, значит, жилые.

Шаг, шаг, шаг. Длинные ноги несли Кэтрин выше, она двигалась по коридорам как пантера, с носка на носок, быстро и точно. Перемещаться внутри корабля было легко, как и внутри ИЦа, — здесь тоже действовала стандартная сила тяжести.

Мерелин спешила за ней, почти не отставая.

Двадцать ступенек лесенки вывели их в середину обширного холла. По углам располагалось четыре двери. Те, что за спиной вели, видимо, в опочивальни. А те, что напротив... На мостик? В кают-компанию? В комнату управления? Как вообще это здесь называется? Мерелин — осталась в холле, повинувшись кивку ее головы, и встала, молча прижавшись к стене.

Бесшумно, как мышь, Кэти прокралась чуть дальше.левой рукой коснулась ручки, сдвигая створку, и толкнула ее бластером, делая шаг вперед. Дверь отворилась.

Перед Катриной предстала комната, похожая скорее на кусочек музея, чем на рубку космического корабля. Темное дерево и позолота, балки тяжелого потолка с хрустальными люстрами, свисающими разлапистыми чудовищами. Массивные дубовые шкафы вдоль стен, с полками, заставленными антиквариатом. И только на противоположной стене, похожей на старинную картину с рамой в резном дереве, раскинулся гигантский — от пола до потолка —

монитор для управления кораблем.

На фоне всего этого великолепия в зале звучала негромкая, обволакивающая слушателя музыка.

Декорации помещения оказались настолько тяжелыми и массивными, настолько бросающимися в глаза, что Катрина на мгновение отвлеклась от цели своего террористического визита и только спустя секунду заметила, что перед экраном стоят пять кресел, тяжелых, темных, устланных кожаными подушками, а в одном из кресел одиноко сидит человек.

Человек обернулся.

Палец на курке Кэти вздрогнул, готовый превратить незнакомца в пепел.

Широкоплечий и мощный, он казался маленьким и тонким на фоне расставленной вокруг мебели и темных цветов обстановки. Перед ней сидел светловолосый атлет, с умными зелеными глазами. Лицо украшали волевой подбородок и щеки с ямочками.

«Бог мой, да это Артели!» — внезапно узнавая, задохнулась Катрина.

Вот только глаза зеленого цвета...

Кэти вздрогнула.

Перед ней сидел Эс Си Рукс!

* * *

Минуты стремительно ускользали.

В голове Катрины не было забавных датчиков, что радуют спецназовцев и минеров. И время не светило перед ее глазами, двумя парами меняющихся цифр. Но и без датчиков беглянка прекрасно знала, что десять минут, подаренные ей судьбой или же кем-то другим, возможно, тем человеком, что стоял сейчас перед ней, уже почти истекли.

Сердце работало спокойно, однако кровь почему-то пульсировала в висках. Причина заключалась не только в истечении времени. Стараясь говорить так, чтобы голос не дрогнул, агнатка спросила грубо и коротко:

— Это ваш корабль? Отвечайте быстро, иначе пристрелю!

Стараясь, очевидно, изменить тональность беседы, хапи Рукс вполне дружелюбно улыбнулся:

— Вы кого-то еще наблюдаете тут, сударыня?

Тихо выругавшись, девушка решительно качнула оружием:

— А ну встал! Сейчас ты медленно подойдешь к пульта, заdraишь люки и дашь яхте команду на взлет. Без фокусов. Живо!

— Фи, что за тон? Красивой девушке не пристало так изъясняться. — Высокий блондин сверкнул белыми зубами, совершенно игнорируя ее приказы и не думая отрываться от кресла свой зад. — А пилотировать космические суда в околопланетном пространстве вы уже научились? — Он постучал по виску. — Да, я вижу, моя помощь была нелишней. Хорошая штука шунт, не правда ли? Достижения современного нейрошунтования предоставили вам возможность обучения в Сети, а мне, в данный момент гарантируют воскрешение в случае убийства. Так что не слишком рьяно размахивайте бластером, мадам, иначе мы не оторвемся от взлетной площадки даже на сантиметр.

Катрина сдержанно усмехнулась — подлец был Прав. Она могла крошить на части всех встретившихся ей на пути агнатов и охранников в ИЦе, но тут, на его корабле, на чужом космодроме, оружие ей не поможет. Только висок самой себе прострелить, разве что.

— Постараюсь, — нехотя согласилась она, не опуская бластер. — Однако и вы мне не хамите. Управление на подобных яхтах не слишком сложное, я могу справиться и без вас!

— Удивительная уверенность в себе для необученной наложницы, — рассмеялся Рукс.

— Так же как болтовня — удивительное умение для того, кто вот-вот станет трупом, — вместо ответа съязвила Катрина, — А ну встал, я сказала!

По-прежнему нагло ухмыляясь, Саймон не спеша поднялся и хрустнул, потянувшись,

костьми.

— Мерелин, — закричала Катрина, не спуская с Рукса дульный срез бластера. — Тут чисто, поднимайся!

Быстро-быстро Мерелин забежала в комнату.

При слове «чисто» Рукс противно поморщился.

— Вы опять слишком торопитесь, моя милая Катрина, — заявил он печальным голосом, после томного вздоха. — Как я уже говорил вам неоднократно, вы мадам — торопыга. Вам определенно не хватает сдержанности. Вы ведь осознаете, каким именно образом тут оказались, и кто именно вам в этом помог? Великолепный план по вашему спасению был точно рассчитан еще сутки назад, но час назад, по совершенно непонятной для меня причине, вы прикончили Деморти и снова сбили мне карты! И вот сейчас опять — все те же спешка и торопливость. Вы, как всегда, забываете, что я — ваш союзник, ваш гид, ваш тренер, в конце концов, и это значит, что не следует так...

Эстимет вспыхнул!

С отрезанными ногами, так и не закончив недосказанной фразы, Рукс повалился на пол, глотая воздух до предела раскрытым ртом. Боль была столь ужасной, что он просто оказался не в силах говорить, глаза его почти вылезали из орбит.

Кэти прыгнула и нагнулась. Лицо ее было перекошено гримасой гнева и ненависти.

— Союзник?! — прорычала она сквозь сжатые зубы. — С-сволочь! Где ты был, союзник, когда я сидела в ошейнике на занятиях по пси-устойчивости и в камере у доктора Юмы? Прикончив Деморти, я сбила тебе все карты? Теперь ты чувствуешь себя союзником, а?!

И с этими словами она ударила его по лицу рукоятью наручного бластера, зажатой в кисти и выпирающей из кулака. Затем снова и снова. Рукс в ужасе закричал, а рот его брызнул зубами и кровью. Разбитые скулы и переносица мешали пришедшему и себя от боли Эс Си Руксу говорить. Задыхаясь, он слабо вздымал мускулистые, но совершенно безвольные руки, пытался прикрыть разбиваемое лицо ладонями, но совершенно напрасно. Глаза Кэти накрыла алая пелена — методичными, размеренными ударами она забивала его до смерти...

Она остановилась только тогда, когда в руку вцепилась Мерелин. Оттолкнув подругу, Катрина молча отерла брызги со своего искаженного гримасой лица и встряхнула Рукса. Тот дышал, но иных признаков жизни не подавал. Глаза под дрожащими веками смотрели на мир закатившимися белками. Отбросив обморочное тело в сторону, Кэти скрипнула зубами и поднялась.

— А знаешь, он прав, — осторожно сказала бывшая киноактриса. — Ты вечно торопишься. И что теперь? Вернемся обратно в ИЦ, чтобы жизнерадостно умереть?

Катрина пожала плечами.

— Не знаю. Прости. — Она осматривала беглым взглядом пульт, как будто ища в нем ответы. — Терпеть его болтовню у меня не было сил! Я потратила много ночей, гуляя по Сети. Считала как-то и такое руководство как «Общие основы управления космическими судами». Надеюсь, этого хватит, чтобы взлететь.

Неожиданно Катрину охватило странное чувство — как будто в ней снова заработала принудительная программа, подобная тем, с которыми баловался Артели на занятиях по этике секса. Еще и еще раз обегая глазами экран, а также расположенную ниже экрана панель управления, недоучившаяся секс-агнатка словно узнавала расположенные на них символы и фигуры. Язык и губы сами произносили слова.

— Для управления кораблем нужно немного, — твердила Катрина, с удивлением вслушиваясь в собственный голос. — Всего лишь команда уполномоченного лица, речь и внешний вид которого зарегистрированы мозгом корабля по биометрическим характеристикам. Управление на всех судах Корпорации действительно автоматическое. Это значит, что нам не нужно прокладывать курс и контролировать работу двигателей — нужно только отдавать команды, все остальное компьютер сделает сам. Я знаю, что на военных

судах такую команду может отдать любой офицер, например, дежурный офицер, но с расставлением приоритетов подчинения. Главный приоритет, конечно, у капитана, затем у старшего помощника, у штурманов и так далее, но старшинству. В случае смерти старшего приоритет закрепляется за младшим. С другой стороны, мы находимся сейчас на элитной яхте, а не на военном корабле. Эта посудина, яхта «НОНОТАН», если не ошибаюсь, предназначена для отдыха и путешествий. А потому, в случае выхода из строя основного экипажа чисто теоретически она должна подчиняться всякому, кто находится на борту. По крайней мере, я надеюсь на это...

С такими словами Катрина отпустила рукоять эстимета, чуть размяла затекшие пальцы и решительно подошла ближе к пульту.

— Ты меня поражаешь, — покачала головой Мерелин в ответ. — Откуда такие познания, дьявол тебя раздери? Впрочем, бог со всем этим, давай что-то делать. Ты говоришь, команды отдаются в свободной форме. Так давай командуй, в конце Концов!

— Я надеюсь, — Кэти изобразила усмешку, — по-моему, нужно сказать «Внимание, борт», как вербальное обозначение для начала команды и отдать сам приказ. Если не ясно, то корабельный мозг уточняет.

Мерелин снова открыла рот, чтобы спросить но Кэти решительно пресекла попытку расспросов взмахом руки. Зажмурив глаза, она порылась в собственной памяти. Несколько дней назад в ее мозг была загружена информация по управлению кораблями. В том числе — именно такого типа.

Теперь беглянка знала, что бортовой компьютер наверняка прослушивает все помещения корабля и команды можно отдавать даже шепотом. Но чисто рефлекторно, по старой армейской привычке, доставшейся от катафрактария Катилины, гаркать приказы во всю луженую мужскую глотку, она задрала голову и на одном выдохе прорычала:

— Борт, внимание! Слушай мою команду! Экстренный взлет сто метров! Перпендикулярно вверх!

Признаться честно, Каталина никогда до этого не отдавал приказы космическим кораблям. И Кэти понятия не имела, послушает ли ее «борт». Но попробовать — стоило.

Дальнейшего, честно говоря, она почти не ожидала. Экран-картина, в дубовой рамке, до этого мгновения остававшийся темным, как стекло солнцезащитных очков, осветился тусклым дневным светом, показав скрывавшуюся за ним часть гостевого космодрома. По всем ощущениям, казалось, что Кэти смотрит сейчас в обычное стеклянное окно, открывающего вид, как раз соответствующий той стороне терминала, куда должна была смотреть рубка корабля.

Корабль чутко вздрогнул и где-то внизу, за лестницей и лифтами зажужжали мощные сервоприводы — это закрывались люки и убиралась стыковочная перемычка.

Вид космодрома скользнул по экрану, и «Хохотун», как совершенно ненавязчиво Катрина назвала про себя захваченный корабль, начал медленно подниматься.

Медленно?

Так только казалось. Многотонная махина порхнула в небо как мотылек, всего за несколько мгновений оторвавшись от поверхности ИЦа на добрую сотню метров, без вдавливающего в пол ускорения и рывков. Ноги почувствовали только легкое, едва уловимое покачивание пола.

Поднявшись на указанную дистанцию над поверхностью ИЦа, корабль застыл.

На экране поверх вида гостевого космодрома с высоты тридцатизэтажного дома возникла надпись из плавных, переходящих один в другой символов.

Мерелин нервно рассмеялась, радуясь тому, что им удался хотя бы взлет, а затем с досадой взглянула на буквы. Глядя на них же, Катрина в это время что-то медленно зашептала.

Прекрасно, — сказала она, — корабль спрашивает у нас, что делать дальше. Надпись голографическая, поэтому создается иллюзия, будто она висит в воздухе. Голосовое общение, по всей видимости отключено, а вопросы корабля к капитану отображаются на

экране. У нас получилось, Мэри! Теперь нужно просто назвать имя кластера, в который мы хотим переместиться. Бежать нам некуда, так что пока придется просто скользить по новосотворенным кластерам до тех пор, пока не примем решение, куда точно перебраться.

Не проявляя эмоций, но совершенно обалдев от эрудированности подружки, блондинка подняла бровь.

— Но почему по новосотворенным? — сдержанно спросила она.

— После ухода сотворившего кластер бога-робота и до появления дежурных кораблей Нуль-Корпорации в новорожденных кластерах отсутствуют системы слежения Сети, — процитировала Катрина и приложила руки к вискам, словно защищаясь от наваждения. — В течение нескольких первых часов после Сотворения в кластере нет чиновников и служащих Корпорации. Если хотим уйти — нам это жизненно необходимо. Сейчас надо отдать команду и назвать имя кластера. Зоны для трансфертных «прыжков» через нуль-порталы ограничены, так что корабль сам выберет место, в котором ему можно появиться в пределах названной нами вселенной. Нужно только назвать имя кластера!

С этими словами Катрина подошла к пульту вплотную и, опустив на него руки, закрыла глаза. Экран-схема из синих и красных линий, висевший перед ней во время побега, исчез, но и без него она прекрасно осознавала, что до момента, когда отправленные за ними охранники ворвутся на космодром, остались считанные минуты. Отдать команду и назвать имя кластера отправления казалось простой задачей. Вот только во время путешествий по Сети, скачав невероятное количество информации о технике и оружии, она не потрудилась забить в свою голову название хотя бы одной рукотворной вселенной, имя которой подходило бы сейчас для побега.

— Внимание, борт, — произнесли ее губы, а голова развернулась, воткнувшись взором в мужское тело, лежащее за ее спиной в огромной алеющей луже крови. — Выбор кластера для перемещения — по случайному принципу. Любой новосотворенный мир, на усмотрение корабля!

Казалось, машина услышала команду и подчинилась. Двигатели взревели, и что-то зашумело внутри. На экране стало видно, как из носовой части яхты медленно выползает свернутый трубкой каркас нуль-портала. Одновременно с новым изображением экран вновь мигнул, и на нем изменилась надпись.

Глаза Катрины снова пробежали по буквам.

Подруга посмотрела на нее удивленным взглядом.

— Ты понимаешь, что тут написано? — потрясенно спросила блондинка.

— Это корпоративный, — не отрываясь от чтения, сказала Катрина. — Не удивительно, что корабль использует для общения самый распространенный язык Нулевого Синтеза.

— Но удивительно, — заметила киноактриса, что ты выучилась читать.

Кэти в ответ только невесело рассмеялась.

— Потом, все потом, Мерелин. Смотри, портал открывается!

— Но ты понимаешь, что написано на экране?

— Что и должно быть, — содрав окровавленный бластер с руки и швырнув его прямо на пульт, Катрина, наконец-то шагнула назад и упала в ближайшее кресло. — Ты не поверишь, Мэри, но нам желают доброго пути!

Тем временем портал установился полностью. Это было похоже на раскрытие огромного черного зонтика. «Зонтик», собранный в металлический сверток, выдвинулся из носовой части «Хохотуна», медленно выполз в космос, отделился от корабля, плавно раскрылся, превращаясь в остов-восьмиугольник из стальных перекладин, между которыми, перекатываясь световыми валами, заворачивающе мерцала пасть нулевого лифта.

Корабль осторожно подался вперед, внутрь собственного порождения, остановился ровно посередине и вдруг растворился, беззвучно, в глянцевом мерцании. Пространство ослепительно вспыхнуло вокруг них, заиграло оттенками и тенями. В следующее мгновение зонт медленно распался на части, замигал искрами микровзрывов, уничтожающих его начинку, и разлетелся по пустующему пространству изуродованными обломками и

частями...

Когда через минуту охранники Школы выбежали на космодром, стуча по магнитной поверхности тяжелыми сапогами боевых скафандров, они увидели только облако мусора и пыли, — единственный след «Хохотуна», растворяющийся в ледяной пустоте.

Поэма 15

Библия как электронный ресурс

Минуло несколько часов с момента их успешного бегства, но яхта «Хохотун» не останавливалась ни на миг. Как преданный иноходец, корабль скакал по бесчисленным новосотворенным кластерам Нуль-Корпорации, унося своих пассажиров подальше от лап рабовладельцев.

Выбор именно новосотворенных кластеров объяснялся элементарно. «Старые» вселенные Нулевого Синтеза населялись довольно густо, их государства-планеты входили в Торговый союз, что автоматически означало наличие в «старых» кластерах развитых систем слежения за пространством, которые бы немедленно обнаружили любой корабль с беглецами.

Агнатки, таким образом, могли укрыться только на самой границе непрерывного Сотворения — так называлась бесконечная процедура создания новых кластеров богами-роботами. При этом беглянки должны были идти по самой кромке — по мирам которые только что создали, но еще не включили в состав Торгового союза.

Насколько знала Катрина, сверхсветовых скоростей суда Нуль-Корпорации не развивали — это было невозможно. Принцип перемещения из кластера в кластер покоился на ином фундаментальном законе, на том самом, на котором были основаны технологии создания искусственных миров.

Нулевой лифт, содержащийся внутри корабля в виде особого выдвижного зонда, отстыковывался, отплывал от корабля на километр, затем генерировал внутри своего объема некую замкнутую шарообразную зону с искаженными гравитационными характеристиками.

В случае с загадочными богами-роботами нулевые лифты пробивали туннель в новый мир, а затем закачивали в него материю и энергию, создавая таким образом новую ячейку Искусственного Мироздания. Нулевые лифты богов-роботов являлись точкой, через которую словно воздушный шарик «надувалось» пространство новой вселенной и запускалось новое время.

Лифты нулевых кораблей, в отличие от богов-роботов, соединяли уже созданные кластеры. Процедура выглядела довольно просто: корабль выпускал зонд, зонд раскрывался зонтиком, генерировал в восьмиугольнике нулевой лифт, то есть область искаженного пространства шарообразной формы с диаметром, равным диаметру раскрытого зонда. Корабль заползал в свой раскрытый «зонтик», изготавливаясь, таким образом, к прыжку. Затем обод нулевого лифта генерировал внутри себя миниатюрную черную дыру с заданными пространственными параметрами и в то же мгновение по единому счету времени Корпорации в другой части вселенной, в которую требовалось совершить перемещение, возникала «белая дыра», то есть противоположная часть межпространственного туннеля, которая схлопывалась со своим антиподом противоположного конца тоннеля, и корабль оказывался переброшенным в ту точку пространства, где только что находилась «белая дыра». После этого лифт на исходной стороне тоннеля саморазрушался.

Нулевое судно, таким образом, оснащалось только гравитационными двигателями для перемещения в околозвездном пространстве со скоростями, весьма далекими от световых, и «прыгало» из мира в мир, не благодаря собственному сверхдвигателю, а с помощью портативных «врат», которые перевозило на борту. Технологии синтеза материи из Нуля позволяли кораблю создавать внутри себя сколько угодно зондов-лифтов и терять их при каждом прыжке. Перемещение между вселенными соответственно выглядело на первый взгляд до ужаса банально.

В то же время существовали ограничения на перемещение кораблей между кластерами, слишком удаленными друг от друга. Катрина не поняла объяснений Мерелин — древняя девочка для секса несла уже откровенную математическую заумь, — Но корабль не мог перемещаться из любого кластера в любой другой. Перемещение между удаленными вселенными, например, осуществлялось целой серией прыжков. Поэтому поездка из одной части Искусственного Мироздания в другую выглядела фактически как «топтанье на месте» — то есть последовательное открытие серии нулевых лифтов.

Так называемый «прыжок», то есть дрейф в пустоте, в течение которого раскрывался «зонт» лифта, совершался раз в час. Создание связки «черная-белая дыра» и области искаженного пространства вокруг них поглощало за раз уйму энергии и небольшие двигатели космических кораблей, даже питающиеся от Нуля, были не в состоянии одновременно выбросить в пространство такую мощь. Энергия (а также уплотненная до фантастических показателей масса материи, необходимая для черной дыры) собиралась в накопителях. В зависимости от их объема, периодичность прыжков была разной у разных моделей, однако в среднем, прыжок совершался раз в несколько часов. «Хохотун», например, мог прыгать, в среднем, раз в сорок минут.

Наблюдая за перемещением яхты, Катрина смотрела в огромный экран, украшающий стену кают-компаний от пола до потолка, и размышляла. Средний срок между сотворением нового кластера и появлением над его планетами миллиардов корпоративных судов измерялся буквально парой часов. Так что их с Мерелин «хождение по грани» напоминало не полет, а скорее бешеную скачку. Оказавшись в очередном кластере буквально через секунды после его сотворения и регистрации в СИНК, беглянки на бешеной скорости пролетали по его окраинам и, как только двигатели «Хохотуна» накапливали достаточный потенциал для очередного прыжка, прыгали в новый кластер. И так бесконечно — один за другим, один за другим.

После десятой или двадцатой искусственно сотворенной вселенной Катрина потеряла им счет. На самом деле, перемещения полностью контролировались мозгом «Хохотуна», и девушки не забивали голову ни выбором маршрута для бегства, ни проблемой ухода от погони. Из сведений, скачанных Катриной из Сети перед самым побегом, было ясно, что скачку по кластерам следует продолжать еще как минимум сутки, поскольку после открытия нуль-портала оставался энергетический след, по которому можно определить направление, использованное беглецами. Следовательно, тот факт, что они с Мерелин пока не наблюдали за собой погоню визуальнo, вовсе не означал, что их побег удался. Сейчас «Хохотун» работал на опережение, на полном «форсаже» пронзая Искусственное Мироздание вселенную за вселенной, то есть открывая лифты с максимальной скоростью.

Согласно расчетам бортового компьютера, за двадцать четыре часа с учетом скорости их движения опережение «Хохотуна» должно перейти критический уровень, после которого догнать их по энергетическому следу будет невозможно. А значит, вздохнуть спокойно им предстояло только утром следующего дня, если ...если к этому моменту на Далеком космическом горизонте не появится легкий крейсер ССБ Корпорации, патрульный эсминец Флота Нуль-Синтеза или охотничья команда Артели на боевом катере. Пока следовало хотя бы немного расслабиться, отдохнуть, поспать, поесть и, конечно же, спокойно обсудить будущие планы. Этим, собственно, беглянки и занялись.

В данный момент Мерелин и Катрина сидели внутри экспроприированного корабля за алюминиевым столиком и с энтузиазмом голодных львиц уплетали за обе щеки только что материализованное в пищевом синтезаторе жаркое, не обращая внимания на последовательную аннигиляцию и воссоздание себя каждый очередной прыжок. Лифтирование на самом деле происходило незаметно для пассажиров внутри корабля, поскольку — как и в случае мгновенного создания новых кластеров с миллионoлетней истoрией, — процесс был совершенно ненаблюдаем, так сказать, «изнутри». Жаркое, которое поглощали девушки с куском пышного белого хлеба и острым соусом из томатов, казалось очень жирным и буквально плавало в масле.

— Прекрасно, — сказала наконец Мерелин, с довольным видом отвалившись на спинку стула, — не ела такого уже, наверное, две тысячи лет. Признаться, сбитень и витаминный суп с антидепрессантами меня порядком замучил за это время.

— Угу, — охотно согласилась Катрина. Ростом она была выше, массой больше, а потому ей требовалось и больше еды, нежели миниатюрной подружке. — Меня, конечно, не так долго мучили отсутствием нормальной пищи, но я согласна. Мясо — это то, что надо. Особенно жирное и жареное. Жутко вредно, верно?

— Не спору.

— Кстати, а почему в мире клонов, бессмертия и абсолютного здоровья наложницам запрещено есть жирную пищу? Я читала в Сети, что с помощью существующего оборудования можно легко избавиться от лишнего веса: пять минут в регенераторе и фигура снова становится идеальной, бляшки кровеносных сосудов рассасываются. Не кормить женщин перед сексом — это такая разновидность садизма в нашей школе?

Блондинка усмехнулась.

— Ты как всегда меня поражаешь, — покачала она головой. — Говоришь, прочла об этом в Сети? В твоём заявлении меня удивляет как слово «прочла», так и слово «в Сети». А насчет садизма — не думаю, что дело только в больной психике наших учителей. Все... сложнее и проще одновременно. Скажи мне, кто будет платить за работу медицинского регенератора? Кроме того, все упирается еще в момент дисциплины. На самом деле в частных гаремах демиургов наложниц кормят нормально, почти по-царски. Дерьмо, которым нас пичкали в столовой, полагается есть только в агнатской школе во время обучения. Тут что-то связано с психологией... Понимаешь, в любом месте, где бы мы ни оказались, нам должно казаться лучше, чем было во время обучения. В частности, в таких нюансах, как еда.

— Понимаю, — Катрина наконец добила свою порцию и отодвинула тарелку в сторону.

Удивительно, но еда, синтезированная ими за полминуты в маленьком бортовом ящичке-синтезаторе, в данном случае — жареный поросенок, кабачки и свежий хлеб, ничем не отличалось от той пищи, которую благородному легату Каталине подавали в лучших харчевнях Доростола. Вкус был вполне натурален и насыщен всеми возможными оттенками, которые так ценят гурманы. Безусловно, что в данном случае наука торжествовала во всех смыслах: качество искусственной пищи ничем не отличалось от качества настоящей. «Но вот как быть с качеством Искусственного Мироздания?» — подумала она.

— А вот теперь хочу все-таки тебя спросить, — она замаялась, — что такое «добровольный дубликат»? Чем ты отличаешься от прочих агнаток нашего прайда?

— Я поясню, если хочешь, — ответила Мерелин, без тени смущения, — все объясняется на самом деле просто. Когда над молодой планетой зависают корабли Нуль-Корпорации и новый мир включается в Торговый Союз, его аборигенам предлагаются разнообразные «рабские контракты». Сереньким обывателям — обычные, уже известные тебе контракты агнатов, жертвами которых является большинство будущих секс-рабынь. Но некоторым особенным людям — контракты особого рода... В своем мире я была известной киноактрисой. И моя внешность, как и внешность Лилит — это собственная оболочка, а не штамповка, изготовленная по образцу из корпоративного реестра человеческих ДНК.

— Тогда, в своем мире, я была на вершине карьеры и славы. А потому, чиновники Нуль-Синтеза сразу заметили меня и сделали некое уникальное предложение. Мне подарили огромную сумму денег и галактическое гражданство за вещь, казавшуюся мне тогда сущей мелочью. Нужно было всего лишь подписать бумаги на сканирование моей ментальной матрицы, пробу с ДНК тела, а также дальнейшую передачу полученного информационного скана в собственность Корпорации. Пятиминутная процедура, примерно. Конечно же я была молода и, разумеется, согласилась.

Мне перечислили деньги — колоссальную сумму. Оформили все документы и... все. С тех пор я живу богато и счастливо, прожигая жизнь в отдыхе, путешествиях и увеселениях, шляюсь по роскошным планетам, наверное, покупаю себе рабов...

— Не понимаю, — пробормотала Катрина, — о чем говоришь ты? Каких еще рабов, ты же сама ученица агнатской школы?!

— Что тут непонятного? — вздохнула блондинка. — Я — это не я. Настоящая Мерелин сейчас живет припеваючи и тратит заработанные таким скотским путем денежки. А то существо, что сидит сейчас рядом тобой, — лишь ее точная копия, «Добровольный дубликат»! Человек, проданный Корпорации навсегда самим собой, понимаешь? Есть, например, красивая девка, которой лень трудиться, чтобы заработать деньги. И она решает обеспечить собственное благополучие, разрешив Корпорации наделать клонов с самой себя. Копии будут вечно мучиться в рабстве, отрабатывая богатство оригинала.

Это значит, что все секс-агнатки нашего прайда когда-нибудь получат свободу, пусть на некоторый период, но все же... Получат выходное пособие и статус свободного когната, гражданина одного из Союзных Миров. А вот я не освобожусь уже никогда! Мерелин, которую ты знаешь, расплачивается сейчас за наслаждения самой себя, своего первого «я», которое бесится с жиру, разрешив Корпорации использовать собственные дубликаты. Я вечная и добровольная рабыня, ты понимаешь?

Мерелин рассмеялась.

— Причем, не только я лично. Получив права на матрицу изначальной Нормы Джин Бейкер, Корпорация может воспроизводить мои копии неограниченное количество раз в неограниченном количестве экземпляров. Учитывая потенциальную бесконечность вселенных Искусственного Мироздания, в настоящий момент времени по всей вселенной может жить миллиард, а то и более, таких вот Мерелин, как я. С моим телом и с моей памятью, с моей никчемной душонкой. Причем навсегда — без прав на освобождение. Свободен и богат только наш изначальный оригинал! Клоны-наложницы презируют таких, как я, потому что все они в той или иной степени жертвы обстоятельств: проги рождаются в компьютерах, обычные агнатки вынуждены быть шлюхами, чтобы не умереть. И только «дубликаты» продают себя сами!

Конкретно это тело, то, которое ты сейчас видишь перед собой, пережило довольно много различных «приключений». Однажды в столовой мы говорили с тобой про дисквалификацию. Тогда я соврала. Мне довелось побывать даже в армии Корпорации. Но все это — только круги на воде. Настоящая жизнь, жизнь Мерелин с Голливудских холмов, осталась невысказанно далеко. Только те воспоминания я считаю для себя настоящими. А сотни и даже тысячи лет, проведенные мной и моими копиями в вечном рабстве и вечном бессмертии, — просто грязь на листе бумаги. Ее нельзя смыть, но... и дорожить ею не стоит. Если нас догонят и убьют прямо сейчас, я не стану расстраиваться, ведь мое «я» потеряет только несколько столетий рабства и еще миллион Мерелин с единственно ценными воспоминаниями прошлого останется жить.

На последней фразе голос древней киноактрисы все же дрогнул, казалось, чуть надломился. Глаза заблестели ярче — слезы в их уголках глаз переливались как бриллианты.

— Лучшие друзья девушек — воспоминания, — вдруг пошутила она, и на задорном, свежем, почти Детском лице сверкнула обворожительная улыбка. — Впрочем, это касается только пожилых леди, вроде меня...

— Мэри, ты была в армии? — спросила Катрина тихо.

— Да, — так же тихо ответила одноклассница.

— Дисквалифицированной агнаткой?

Мерелин еще раз сверкнула зубами.

— А кем еще я могла там быть, Катрина? Пилотом гребаного звездного истребителя? — Она помотала хорошенькой головой. — Не задавай необдуманных вопросов. Конечно, я была шлюхой. И умирала каждый месяц целых две сгни лет, отпущенных мне на наказание. То, что я пережила там, Кэти, это... неопишимо.

Мерелин замолчала. Затем продолжила снова тихо, как в начале их разговора, глядя куда-то в пустое пространство.

— Но это всего лишь «месяцы» и «годы», Катрина, их можно вытерпеть... Наших

подруг по прайду на самом деле можно понять. Охранники и когнаты, которых ты убила сегодня, будут воскрешены уже утром, в новых, клонированных телах за счет корпоративной страховки. А вот нас с тобой просто сотрут, когда поймают.

— Если поймают, — с легким вызовом заявила Катрина.

Мерелин помотала головой:

— Когда поймают, когда! Теперь понимаешь, почему я ушла? — Мерелин мило развела руками. — Как и тебе, мне просто нечего терять. Умру я, выживет еще бесконечное количество меня, вот и все...

— Мэри, — спросила Катрина, — я вот что не пойму — зачем ты продавала дубликат своего тела вместе с разумом?

Мерелин невесело усмехнулась:

— Ха! Все просто: это было условием. Корпорации нужны не просто «пустые» клоны, и не только сознания прогов, выращенные в виртуальных мирах. Особо ценятся дубликаты известных личностей — они продаются по очень высоким ценам. Ведь очень часто демиургам приятно иметь не просто рабов, а тех, кто был знаменит в своих мирах. Вот так-то. Ну а в оправдание своего давнего поступка могу сказать только одно: контракт на снятие «дубликата» — это очень старая история. То, что случилось, случилось почти три тысячи лет назад в одном очень далеком кластере. С тех пор, надеюсь, я несколько изменилась.

Катрина механически кивнула. Ее голова, и так наполненная информацией о новом мире до отказа, просто не воспринимала услышанное. Причина, по которой подруги по Школе и классу были склонны презирать Мерелин, представлялась ей понятной и, возможно, вполне справедливой, однако сама Катрина по-прежнему не испытывала ничего по этому поводу.

— Кластер, кластер... — произнесла Катрина задумчиво, пытаясь найти причину для смены печальной темы. — Повсюду эти кластеры, Мерелин... До меня не вполне доходит, кластер — это что — просто бесконечное открытое пространство?

Мерелин тем временем порылась в шкафах, зашла в смежную с кают-компанией маленькую ванную и обнаружила там массу полезных вещей — в том числе зеркало и расческу, и тут же принялась прихорашиваться, поправляя смятую во время бегства прическу.

Наконец она оторвалась от зеркала и протянула расческу подруге:

— Причешешься?

Но Кэти лишь нетерпеливо мотнула головой. Она уже не чувствовала себя Катилиной, но привычки, заложенные в подсознание старым легатом, остались с ней: укладка волос Кэти волновала слабо. Ее заботили сейчас куда более масштабные вопросы и задачи.

Она вдруг вспомнила старый разговор с Мерелин в общей камере-отстойнике, когда та рассказывала ей своеобразный вводный курс по устройству мира, в котором они находились.

— Слушай, Мэри, помнишь ты рассказывала мне о Боге Смерти? — спросила Катрина.

Блондинка пожалала плечами:

— Как не помнить. Хотела бы забыть про него, да такое не забывается. Впрочем, как и все остальное.

— Но, все-таки, почему его зовут Богом Смерти?

Мерелин усмехнулась:

— Понятия не имею. Об этом тебе лучше расскажет кто-нибудь из демиургов. Например, наш гостеприимный хозяин, которого недавно ты чуть не забила до смерти.

— Ты о Руксе?

— О нем.

Девушки замолчали. Мерелин — размышляя о чем-то своем, а Катрина — пытаясь представить, как может чувствовать себя существо, настолько могущественное, что владеет собственным мирозданием, таким огромным, почти бесконечным и быстро растущим, как Корпорация Нулевого Синтеза. Бог Смерти, надо же...

— Интересно, а где может жить столь могущественное создание? — поинтересовалась

она.

— Учредитель?

— Да.

Мэри вздохнула.

Ну это сложно, — сказала она затем. — Считается, что Бог Смерти, создавший все вселенные Корпорации, находится где-то за ее пределами, в некоем закрытом мире, отделенном от нас и временем, и пространством. Находясь там, он играет с нами и с нашим временем... Пока во вселенной кластеров проходит тысяча лет, в его мире минует всего лишь день. Один раз в этот день он ложится спать, и разум его погружается в виртуальный сон, порожденный особой Машиной. Во сне Учредитель может видеть и осознавать все, что происходит в Искусственном Мироздании. Он молниеносно принимает отчеты всех служащих Корпорации и столь же молниеносно дает на них ответ, он диктует решения, управляя сложнейшей машиной власти и тратя на это время, за которое в нашем мире можно лишь моргнуть.

Обычный демиург Корпорации, находясь вне своего личного кластера, способен ускорять в нем время и предвидеть таким образом «будущее». Вот так и Учредитель способен проделывать нечто похожее со всеми вселенными разом. Понимаешь, он как бы глядит на нас со стороны, через интерфейс шунта или экран монитора. Нажимает на кнопку «ускорение» — и мир бежит вперед с той скоростью, которая необходима Творцу. Затем он останавливает бег времени, знакомится с результатом и... отматывает картину назад. После этого ход времени идет в обычном режиме, но наш Творец уже знает, что должно случиться, и способен корректировать этот ход.

Конечно, это всего лишь легенды. Однако, в отличие от большинства мифов, которыми питалось человечество на протяжении всей своей истории, наши мифы, то есть мифология Корпорации, основаны не на заблуждениях и слухах, искаженных человеческим восприятием, а на конкретных информационных файлах, размещенных на сайтах Сети. Позволь, покажу.

Мерелин подошла к монитору, нагнулась над пультами с клавиатурой и что-то прошептала в динамик. Кэти не слышала, что именно, но компьютер «Москита», по всей видимости, понял ее подругу.

На экране всплыл черный фон с изображением стилизованного черепа в короне и каких-то забавных людей со звериными головами. Без особого труда Кэти разобрала над фигурами этих необычных существ надписи на очень странном и совершенно незнакомом ей языке:

«Ammon-Rah» — над человеком с головой льва.

«Hog-Atum» — над человеком с головой сокола.

«Seth-Apop» — над человеком с головой змеи и...

«Ann-Nubis» — над человеком с головой пса.

— Я не могу читать, но помню символы, — торжественно произнесла Мерелин. — Пес, это Он, Ан-Нубис, Учредитель. Страж Смерти, не пускающий ее в нашу жизнь. Существо, даровавшее нам четыре ужасающих дара, сделавших нас равным богам: Нуль-Синтез, Хебсед, шунт и ишед. Перед тобой заглавная страница древнейшего сайта по истории Корпорации. Взгляни!

Катрина подошла ближе и с интересом прочитала — на этот раз на уже привычном ей корпоративном:

Доктор Диксон Дугал

Библия Нуля

ИЗБРАННЫЕ ВЫДЕРЖКИ

с приложениями и постатейными комментариями

(Версия, адаптированная для лиц, без специального образования)

— Что это? — удивилась Катрина.

— Это наша Библия, — улыбнулась Мерелин, — разве ты не видишь? Сборник доисторических легенд и псевдонаучных догматов. В основном метафизический треп. Однако он является древнейшим в СИНК информационным файлом. Сайт Бога Смерти зарегистрирован в Сети еще до того, как в первом из индустриальных центров пробудился первый работник Корпорации. И уж конечно задолго до того, как первый житель первого Союзного мира встал на ноги и развел первый на родной планете костер. Перед тобой — древнейшая книга мира. Правда, в компьютерном варианте. Смотри.

Мэри вытащила из маленькой ниши под пультом тонкое стило размером с графитовый карандаш, нажала на кнопку — и невидимый луч отразился на громадном экране яркой алой точкой, похожей на обычный «силь» нейрошунта. Блондинка уперла точку в одну из картинок, нажала на кнопку стила еще раз, и страница на экране послушно сменилась.

Слова гласили:

КНИГА РАССВЕТА
АРТ КОНТИНИУМ ДО НАЧАЛА ВРЕМЕНИ,
ИЛИ
СОДЕРЖАНИЕ ПУСТОТЫ
(оглавление выдержек):

Выдержка 1. Схема «Лотос», или визуальное отображение Множественного Универсума во времени.

Выдержка 2. Протоцивилизации «сквозных» вселенных, или Специальная Теория Кораблей.

Выдержка 3. Общая теория множественности, или Феномен Арт Континиум.

Выдержка 4. Специальная теория единственности, или Феномен Пути.

Выдержка 5. Краткая история Корабля до его открытия в Метагалактике, или Теория Отречения.

Выдержка 6. Краткая история Корабля после его открытия, или Теория Искращения.

Выдержка 7. История Отречения, или Нулевой Синтез.

Выдержка 8. Описание и функции материальных структур Нулевого Синтеза.

Выдержка 9. Описание и функции информационных структур Нулевого Синтеза.

Выдержка 10. Краткая история Корпорации и описание ее современного состояния.

Выдержка 11. Общая теория завершенности Множественного Универсума, или Специальная теория Малых миров.

Выдержка 12. История Малых миров, или Физика Второго Пути.

Выдержка 13. Падение Земли, или Дефиниции Божественности.

Выдержка 14. Краткая история Третьего Пути, или Эра Наследников.

Выдержка 15. Теория Прорыва, или Возвращение Корабля.

Выдержка 16. Четвертый Путь, или Философия Изоляции.

И так далее.

Взяв из рук Мэри стило и полистав с его помощью страницы на экране, Катрина осознала, что всего в оглавлении приведена почти сотня выдержек.

Мэри дотронулась до ее руки.

— Впечатляет? — спросила она.

— Этот сайт — единственный источник знаний про Учредителя?

— В основном, да. Информационные файлы СИНК — штука весьма оригинальная. Информацию можно найти легко и почти обо всем. Но почти обо всем по-настоящему важном — катастрофически мало. Если ты захочешь узнать что-либо о новом товаре или курорте, машина выдаст все — от фотогалереи в миллион фотографий до двухчасового ролика о процессе создания или устройстве искомого предмета. А вот если ты захочешь спросить об Учредителе Корпорации, его Закрытом мире, об основании Искусственного

Мироздания или о его возрасте, о Древней Земле, чье существование сейчас считается неоспоримым, — молчок. Только такой вот сборник кастрированных отрывков из странного полурелигиозного текста, и все. Но я уверена, что подробная информация об истоках нашей цивилизации существует. Причем, она вовсе не потеряна, она находится здесь, в Сети, — с этими словами Мерелин постучала костяшками по поверхности компьютерного пульта, — просто она сокрыта от глаз рядовых обывателей. Но демиурги — эти пресыщенные деньгами ублюдки — наверняка ей владеют.

Катрина опять задумалась. Она провела рукой по роскошным волосам, как будто лаская голову — та буквально раскалывалась от очередной порции новых знаний, от накопившейся за день усталости, от кровавых событий побега.

— Знаешь, — вздохнула она, — сейчас, пожалуй, я не в силах прочесть даже пару строчек и «выдержками» займусь на досуге. Если он будет, досуг. Давай-ка спать.

— Согласна, — улыбнулась ей в ответ воскрешенная киноактриса. — Вместо изучения замшелых легенд проще выспаться и расспросить обо всем нашего гостеприимного хозяина. Он ведь демиург, разве нет? А кто расскажет тебе об Искусственном Мироздании лучше, чем один из его акционеров? Катрина устало кивнула. Действительно, господина Рукса, когда он очнется, следовало с пристрастием расспросить.

Поза 16 Игры тшеди

Но Саймон Рукс очнулся спустя всего десять минут после странного разговора беглянок. Так что прилечь им не удалось. Услышав зуммер от регенерационной машины и отложив мысли о сне на неопределенное время, Кэти и Мерелин отправились за своим пленником в медицинский покой корабля. Следовало признать, что Катрина, ударив Рукса по голове рукоятью пистолета, весьма существенно переусердствовала: изготовитель тшеди не просто потерял сознание, но был близок к смерти от сотрясения и трещины в черепе. Однако он выжил.

Нельзя сказать, что это случилось исключительно благодаря собственной восстановительной программе его крепкого организма. Просто увидев, как кровоточит нанесенная ею рана, морщась и напрягая мышцы, Катрина дотащила тело Саймона до бортового регенератора, заставив себя наконец сползти со своего кресла и как-то помочь человеку, потенциально способствовавшему ее освобождению.

Несколько часов в регенераторе сделали свое дело. Аппарат молча помигивал огоньками, а сбежавшие девушки, сверкая обнаженными частями тела в порывах изодранной одежды, тихонько стояли рядом и смотрели на своего... пленника?

Рукс, безусловно, был очень красив. Собственно — как и Артели, копией которого, за исключением цвета глаз, он являлся. В данном случае совпадение внешности двух наиболее знакомых Катрине в этом мире мужчин (за исключением господина Деморти, да смешается его прах с навозом!) не слишком ее удивляло. В конце концов, если все покупают себе телесную оболочку, то почему бы двум богатым глупцам не взять себе одну наиболее популярную или дорогую — как дорогой, престижный, но серийный автомобиль?

Удивляло ее другое. Она смотрела на обнаженного Рукса в регенерационной камере с вполне однозначным интересом, в этом следовало признаться. Интересом, не здоровым, пожалуй, для бывшего носителя мужской памяти. Или, возможно, для «бывшего» — как раз «со здоровым»...

Ручки роботов-манипуляторов мелькали в бешеном темпе, сшивая разорванные и сожженные куски тканей, а Катрина, глядя на эту магическую процедуру, качала головой.

Вскоре Рукс окончательно пришел в себя, и они с Мерелин смогли перевести его на мостик «Хохотуна» для беседы.

Катрина сидела почти в той же позе, что и в самом начале их путешествия, в том же кресле, напротив экрана в дубовой раме, а Мерелин устроилась на соседнем.

Рукса они поместили напротив, подальше от пульта и от экрана, поближе к книжному шкафу. Сидел он в наручниках и в трусах. Никакого издевательства тут не было — девчонки раздели своего «гостеприимного хозяина» исключительно из соображений практического характера. Во-первых, чтобы было некуда спрятать оружие или предмет, годный для сопротивления, а, во-вторых, не вполне одетый человек чисто психологически чувствует себя дискомфортно. Катрина сняла бы с него и трусы, чтобы еще больше подавить волю заложника к сопротивлению, но, вспомнив о своей новой Женской сущности, воздержалась. Да и Мэри ее не поняла бы.

Впрочем, казалось, что Рукс от своего униженного положения никакого дискомфорта не ощущал. Он сидел, облокотившись спиной на одно из кресел, неотрывно рассматривая Катрину, что было довольно смело, учитывая подробности их последней встречи. Катрина не оставалась в долгу. Она в ответ сверлила лицо «создателя тшеди» молчаливым взглядом, и ее глаза не предвещали пленнику ничего хорошего.

— А знаете, сударыня, — заметил наконец Рукс, несколько отвлеченно и при этом совершенно игнорируя Мерелин, — вы, пожалуй, самая обворожительная секс-агнатка из всех, что я встречал на своем жизненном пути. А встречал я довольно много. Ослепительная красота вместе с потрясающей агрессивностью производят сногшибательный эффект.

— Что, так сильно приложило? — ответствовала Катрина, скривив уголок губ. — Вы с Артели — отвратительные ублюдки, так что не ждите от меня ответного комплимента. А если вам импонируют наложницы, бьющие вас по лицу, то я могу продолжить процесс соблазнения, — она раскрыла ладонь с эстиметом. — Рукоять крепкая.

Саймон, к ее удивлению, даже бровью не повел.

— Как я уже говорил вам, мадам, вы всегда слишком торопитесь, — спокойно заявил он, — не следует абсолютно все сводить к насилию. Я и Артели — разные люди, а идентичность внешности не означает идентичности натуры. Что же касается моего комплимента, то он искренний. Я...

— Вы, вы... — раздраженно перебила Катрина, опустив бластер и устало потирая глаза. — Заткнитесь, Рукс, вот что. Говорить буду я, а вы — отвечать, когда спросят. Наша прошлая беседа сложилась не слишком удачно, так что у меня осталось много насущных вопросов. И кроме вас, как вы понимаете, мне некому их задать.

Рукс гордо кивнул подбородком в сторону Мерелин.

— А как же ваша восхитительная миниатюрная спутница? — спросил он.

Киноактриса фыркнула.

— Она агнатка, — спокойно ответила за подругу Кэти, — собственно, как и я. Вы — демиург Нулевого Синтеза и специалист по инициации тшеди-экстрасенсов. Степень информированности у вас много выше.

С глубоким чувством собственного достоинства, выглядевшим, правда, несколько нелепо для полуголого пленника со связанными руками, Саймон Рукс кивнул. Затем он уселся поудобнее, насколько это было возможно в его положении, и светски наклонил совсем еще недавно в кровь разбитую голову.

Что вас интересует конкретно? — осведомился он.

— Не догадываетесь? — Глаза Катрины стали холодными, как две глыбы льда. — После нашей беседы в контактном центре, после раскрытых настежь дверей «Хохотуна» на космодроме, ваше участие в моей судьбе совершенно очевидно. Отсюда и вопросы. Ну, начнете рассказывать сами, или мне поработать эстиметом?

Саймон поморщился, как будто наступил в уличные отбросы, и, видимо осознав, что молчание не всегда является золотом, решил отвечать.

— Вы тшеди! — многозначительно и достаточно громко заявил он, кивая мужественным подбородком.

Катрина злобно осклабилась.

— О, неужели? — вспыхнула она. — Вообще-то я ожидала более подробных пояснений. Это вы разместили мое тело в Школе Артели, а затем инициировали дар

экстрасенса, когда мне стала грозить смерть?

— Разумеется. Ускоренная инициация дара была проведена при помощи химических активаторов. — При этих словах Саймон почему-то постучал себя ногтем по шее, рядом с артерией. — Помните, сударыня, я давал вам совет — быть сдержанней? Вы ему не последовали, и вот результат — вас чуть не приговорили к стиранию. Нам с моим клиентом, человеком, оплатившим ваше изготовление, пришлось срочно вмешаться. Согласно контракту, я был обязан обеспечить вам жизнь до момента доставки и, несмотря на совершенное вами преступление, мне это почти удалось! Я убедил руководство школы не стирать вас немедленно. Артели сказал, что сможет продать вас воякам, а уж там я смог бы выкупить вас со значительной переплатой и доставить по назначению.

— Артели тоже замешан?

— А вы как думали? Он начальник Школы, без него такое никак не провернуть. Через него я договорился с вояками. Дисквалификация вам не грозила — мы бы выкупили вас сразу по прибытию в армию. Однако, как я уже говорил, вы опять смешали все карты, напав на Деморти и проколов ему шею. Конечно, этот недоносек нарвался сам, но ваши способности к экстрасенсорике до сих пор ничтожны, нам даже в голову не могла прийти мысль, что вы сможете уложить такого верзилу...

Тогда-то мне и пришла в голову эта глупая идея с «Хохотуном», — продолжил делатель тшеди. — Я уже собирался доложить Заказчику об успехе и покинуть гостеприимный кластер Седан, как Артели сообщил мне о вашем побеге. По счастью, в момент, когда камеры зафиксировали убийство первого охранника, я находился на яхте и у меня родился новый план вашего спасения.

— Значит, это вы прочертили в моей голове линию, что вывела меня прямо к «Хохотуну»?

— А вы полагаете подобный путеуказатель мог возникнуть самостоятельно? Да, линию прочертил я, для специалиста моего уровня это не сложно. Выбрал объемную карту, отметил на ней путь, послал вам через СИНК и активировал. В итоге вы добрались до корабля вместе со своей спутницей кратчайшим путем, ускользнув от вооруженной погони. Впрочем, — добавил он, — меня удивляет, что вы задаете все эти вопросы. Истина с вашим изготовлением довольно очевидна, и не нужно быть гением, чтобы догадаться о смысле произошедших событий. Ваш заказчик оплатил производство специфического тшеди-экстрасенса, Артели сделал тело, а я инициировал в нем дар. Вот собственно и все. Неужели вы до сих пор не поняли, что Катрина-Бета 19-725 — всего лишь контрабандный товар, изготовленный под заказ за взятку для какого-то богатого безумца?

Катрина покачала головой. Контрабандный товар. За взятку. Для богатого безумца. Звучало забавно...

Получается, что она вовсе не рабыня-наложница, но нечто другое. В каком-то смысле подобный расклад даже несколько обнадеживал. Как бы то ни было, подумала Катрина, ей не придется вытворять все те чудные вещи, которым их обучали в школе Артели, но душное чувство мерзости, возникшее в ее сердце в тот самый миг, когда синеволосяя Лилит тридцать дней назад впервые объяснила Катрине ее положение, вернулось снова и заполнило душу до отказа, словно мертвая, болотная вода.

Катрина подняла голову.

— И что? — спросила она голосом, похожим на шуршание шелковой удавки по шее приговоренного к смерти. — Вы объясните мне, в конце концов, зачем и для кого я сделана? Я хочу знать, черт побери, кто я такая?

Саймон смотрел на нее с выражением лица, которое невозможно было передать. За маской равнодушия скрывались восторг и жалость.

— Вы тшеди, — повторил ей он. — Тут больше нечего добавить.

Рассказ Эс Си Рукса

— Тшеди! — воскликнул Рукс. — Ей-богу, это хорошая тема для разговора. Тшеди, сударыни мои, это Альфа и Омега всего непознанного в нашем рукотворном мире. Чудо-экстрасенсы! Да будет вам известно, что все в Искусственном Мироздании подчинено механизмам, созданным Учредителем миллионы лет назад. А механизмы эти сконцентрированы в ИЦах и в системных кораблях. Все — кроме тшеди! Пожалуй, эти фантастические искусственные медиумы — единственный элемент, не подконтрольный божественной власти нашего Учредителя. Искусственное Мироздание является наследником «естественного мироздания» почти во всем. Природные вселенные давно исчезли, их время истекло, а пространство схлопнулось. Здесь — в рукотворных Мирах-После-Смерти, человеческая раса обладает почти фантастическим могуществом, пределы которого невозможно описать, но... Тшеди являются исключением из этого правила.

Даже сейчас, спустя миллионы лет, мы почти ничего не знаем о сверхестественных способностях человека. Для вас, дорогие дамы, в этом смысле важно следующее: наши фантастические чудо-тшеди, так же, как все люди в Нуль-Корпорации, выращиваются искусственно. На первый взгляд, все тшеди — такие же клоны, как обычные агнаты или когнаты. Деторождение «животным» способом давным-давно стало анахронизмом, часто порождающим на свет неполноценных людей, и теперь не только сотрудники Нулевого Синтеза, но и рядовые обыватели, появляются на свет в синтезированных телах.

Причина подобной закономерности очень проста и отнюдь не кроется в голом желании современной медицины избавить женщину от страданий при родах. Клонированные особи здоровее, крупнее, сильнее и красивее, чем особи, рожденные матерью. Их мозг более совершенен и восприимчив к информации. В клона можно заложить программу его будущей профессии, выбрать пол и расовую принадлежность, не говоря о внешности... Например, будущим бойцам и солдатам в момент рождения закладываются повышенная реакция и усиление мышечной сокращаемости, ядерным инженерам — устойчивость к радиации, шахтерам — зрение в темноте, такелажникам — выносливость и сила. Если отец увлекается охотой — он может заказать сыну улучшенное зрение, а если плаванием — то жабры. И только таланты тшеди не могут прививаться с подобной легкостью. Наука Нуль-Синтеза обладает почти абсолютной властью над материей, подчас шокирующей своими возможностями. Однако над духом — нет. Умения же, определяющиеся наличием психоспособностей, относятся скорее к категории духовной составляющей человеческого существа.

Единственное, что ученые Корпорации смогли установить относительно экстрасенсорных и телепатических возможностей тшеди, это некая связь между генотипом телепата и его сверхъестественным талантом. Неопровержимым фактом является то, что люди определенного генотипа могут быть изначальными носителями пси-составляющей, а другие не обладают этой возможностью в принципе. И вот итог: созданная нами технология для создания чудо-экстрасенсов отработана почти до совершенства. Она почти идеальна, ибо приносит нам постоянный, положительный результат — мы выращиваем тшеди тысячами экземпляров. Но! Сама процедура их получения просто чудовищна.

При этих словах Рукс сокрушенно, причем явно играя на публику, покачал головой.

И в чем же суть чудовищной методики? — поинтересовалась Катрина.

Саймон выдержал паузу и, вздыхая, потер подбородок.

— За свою многотысячелетнюю историю, — продолжил он, — Корпорацией было случайным образом выявлено множество людей, имеющих нужные способности. Их не создавали — просто отбирали из массы людей, изучали, копировали ДНК и убивали. Затем полученный путем такого случайного отбора генотип сохранялся и регистрировался в особом каталоге для ДНК тшеди. Потом, в случае возникновения необходимости в экстрасенсе, из этого генотипа, отобранного из каталога по специальному принципу, совмещающему несколько ДНК от людей со схожим экстрасенсорным даром, создавался клон. Точнее, множество клонов. У одного или двух из них согласно простейшему статистическому соотношению обязательно проявлялся «дар». Путем многочисленных

опытов мы даже установили приблизительную пропорцию, согласно которой из энного количества клонов с ДНК тшеди один должен точно обладать экстрасенсорным талантом. Пропорция эта установлена миллионы лет назад и работает четко, без сбоев. Речь, таким образом, идет о самых простейших методах селекции и отбора. Выращиваем определенное количество клонов с нужным ДНК — раз. Из этого количества несколько человек по статистике обязательно окажется с даром — два. Вот и вся технология!

— Понятно, — сказала Кэти, — но в чем же ужасность метода? На самом деле — да, обычные селекция и отбор.

— Ужасность метода, мадам, заключается в самой пропорции.

— В смысле, в том количестве клонов, которых нужно вырастить, чтобы получить одного полноценного экстрасенса?

— Точно. И, предвзяя ваш следующий вопрос, сразу отвечу — это число составляет ровно пять миллиардов клонов. Между прочим, на этом основана денежная система Искусственного Мироздания. Вы должны помнить, что мелкой денежной единицей Нуль-Корпорации является анх, то есть «жизнь». Анх — это стоимость записи вашей матрицы на любой электронный носитель, обычно — в безграничную базу данных Сети. Более крупной единицей измерения труда и пота является ка, то есть «душа». Ка — это стоимость создания стандартного клонированного тела, когда вашу матрицу, записанную за один анх в Сеть, переносят в новое человеческое тело. Однако основой денежной системы — той, которой оперируют банки и Акционеры Нуля, является талант. Он, если вы помните, состоит из полутриллиона анхов или пяти миллиардов душ. Талант — это стоимость дара или таланта — одного тшеди-экстрасенса.

Катрина кивнула — когда-то она уже слышала нечто подобное.

— Понятно, — прокомментировала агнатка, — я представляю себе ваши расходы на массовое производство телепатов.

— О, дело тут не в деньгах, — отмахнулся Саймон, — а, скорее, в безопасности, вернее в наших о ней представлениях. Понимаете, Катрина, вырастив пять миллионов клонов и получив из них одного пси-оператора, мы не можем просто отпустить или отправить в оборот как обычных рабов оставшиеся четыре миллиона девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять агнатов. Нет гарантий, что в одном из них чуть позже не пробудится дар, а мы ведь должны контролировать всех экстрасенсов в Искусственном Мироздании. Понимаете? Иначе потом придется их отлавливать и убивать, а охотиться на могущественных сверхлюдей ох как сложно!

Катрина нахмурилась.

— И что? — спросила она, уже догадываясь о продолжении.

Саймон смотрел на нее изучающее.

— Только эстимет уберите, — попросил он. — Остальные утилизируются. Их сжигают в топке до последнего человека. Все пять миллионов минус один клон.

Зубы Катрины сжались, но Саймон, предвзяя ее гневную реплику, продолжал, не останавливаясь:

— Важнейшей особенностью телепатов, — заявил демиург, — является то, что выявить наличие соответствующих способностей в теле можно было лишь в момент их непосредственного применения, и никак иначе. Следовательно, в спящем или в бессознательном состоянии способности тшеди определить попросту невозможно. Даже в осознанном состоянии одного инициированного тшеди может почувствовать только другой инициированный экстрасенс. Приборы же способны регистрировать лишь непосредственные проявления пси-воздействия, например огонь при пирокинезе или перемещение предметов при телепортации. Следовательно, каждый раз при создании из очередного генома с опытной партией в пять миллионов клонов сотрудники Кадрового департамента должны загрузить в сознание каждого клона сознание и память, а только потом проводить тесты на наличие пси.

Все вышесказанное, как вы понимаете, существенно усугубляет ситуацию с селекцией и отбором. Ибо убивать после выявления пси-способностей также приходится людей-клонов

с полным комплектом памяти, разумом, инстинктом самосохранения, в полной мере осознающих собственную личность. Так что работка у кадровиков Нуль-Синтеза еще та. Надеюсь, вы представляете, что... Успокойтесь!

Крикнул он вовремя: Катрина была готова сорваться и выстрелить в Рукса — сжечь ему лицо, разрезать грудную клетку.

Эстимет дрогнул в ее руке. Она сдержалась только страшным усилием воли. Противное, жгучее чувство, что обгладывало ее душу, вся ненависть к бесчеловечной системе, которую по непонятной причине называли Корпорацией Человека — Нулевым Синтезом, была готова выплеснуться наружу и обрушиться на несчастного, связанного по рукам и ногам пленника. Сдержало ее только одно: Рукс, по ее мнению, мог считаться отъявленным подонком, однако творцом Искусственного Мироздания он все же не был. Он являлся ее неотъемлемой частью, впрочем, как и она сама...

— Интересно, и что вы хотели сделать? — поинтересовался делатель экстрасенсов, по-прежнему язвительно и даже без тени страха.

Кэти грубо, трехэтажно выругалась. Похоже, подумала она, через некоторое время я стану похожа на Эффи — злобную сучку, постоянно исторгающую изо рта грязную ругань и проклятия с циничной улыбочкой на красивых губах.

— Врезать вам хотела, — призналась она вслух, — как в прошлый раз. Вам же вроде нравилось.

— Но за что? — искренне удивился Саймон. — Система придумана не мной. Она существовала уже тогда, когда я только родился... Насилие, опять насилие, сударыня, вы просто помешаны на нем!

Катрина фыркнула — конечно же Рукс был прав.

— Ладно, — согласилась она. — Какое отношение все сказанное имеет ко мне?

Хапи Рукс снова расплылся в улыбке.

— Самое прямое, — сообщил он. — Расставленные мной датчики зафиксировали во время вашего побега явное проявление пси-энергии. И хотя оно было довольно слабым, мы можем с уверенностью утверждать, что вы — безусловный телепат.

Катрина задумалась. Можно было сказать, что рассказ Рукса уже не выглядел для нее каким-то сверхоткровением. После всего произошедшего она и сама в какой-то степени догадывалась именно о таких истоках собственного происхождения и судьбы. И все же, подтверждение своих смутных догадок явилось сильным ударом по психике, и подобное следовало спокойно переварить. Кэти чувствовала, что в логике беседы имеется некий изъян, пока совершенно ей не понятный. «Мы можем с уверенностью утверждать», — так, кажется, он сказал?

Что-то во всем этом было, над чем стоило поразмышлять.

Кэти собрала распущенные волосы в пучок и сокрушенно покачала головой. Мозг не работал, мысли ползком пробирались сквозь накопившуюся усталость...

— А могу ли я поесть? — внезапно спросил ее Саймон, увидев, что ему не грозит немедленная и кровавая расправа.

Ну что же, подумала Катрина, остальные подробности можно будет расспросить и чуть позже, когда снова будет варить голова.

— Разумеется, — кивнула она и наставила на демиурга бластер, — Мэри, отстегни его.

Блондинка подошла к Руксу и, как они оговорили заранее с Кэти, отстегнула ему левую руку. Во время этой процедуры, во избежание неприятных недоразумений, срез лучевого пистолета Катрины-Беты неотрывно сверлил изготовителю тшеди лоб.

— А правую? — поинтересовался пленник, покрутив запястьем.

— Поешьте одной рукой.

Когда Мерелин отошла, Кэти прошла к синтезатору, притащила Руксу печенье и сок, швырнула все это добро на поднос в зоне досягаемости освобожденной руки.

— Так мало? — удивленно переспросил демиург, взглянув на свой ужин.

— А в чем проблема?

— Если мне не изменяет память в синтезаторе яхты содержится двадцать три миллиона рецептурных блюд, а вы даете мне поганые крекеры с порошковым напитком. Я требую мяса.

Катрина и Мерелин синхронно переглянулись.

— А сбить с настойкой на кукурузных рыльцах не желаешь? — ехидно спросила блондинка.

— Понятно, — усмехнулся Саймон, — классовая месть?

— Что-то вроде, — улыбнулась Катрина, однако взгляд ее при этом был совершенно не дружелюбным.

Рукс подумал и принялся за еду.

* * *

Немного позднее Мерелин и Кэти наконец-то решились поспать. Они распределили дежурства, чтобы Рукс не оставался без присмотра, и разошлись. Мерелин — отправилась ночевать в одну из кают, а Катрина решила остаться в кают-компании, то есть в главной комнате корабля с пультом и экраном внешнего наблюдения. Рукса со скованными руками и ногами прямо на стуле затащили в отдельную комнатку, где засунули в рот кляп и вместе со стулом лежа прикрутили к кровати, дабы у него даже мысли не возникло бежать или покончить с собой, воспользовавшись, таким образом, правом на реинкарнацию. Видеокамера смотрела на него неотрывно, и Катрина глядя через нее, задумчиво рассматривала породистое лицо и усталые, но по-прежнему хитрые глаза создателя экстрасенсов. В конце концов сон сморил и ее. Отбросив мысли о вечном, поджав ноги и подложив под себя подушку, Кэти рухнула в теплую уютную бездну, качающуюся из стороны в сторону, как люлька дремлющего младенца...

...Ей снились теплые воды, и мягкие небеса в облаках, и стены уютного древнего города. Катрина стояла у дверей своего маленького мирного дома — глинобитного, покрытого черепицей, с цветочными горшками на резных подоконниках и расписными лавками в веселых сенях. На девушке были серое платье и длинный фартук, и белый чепец, и руки в муке и в сахаре. И дети смеялись, и птицы весело щебетали. Над миром цвел летний полдень, наполненный солнечным цветом и глубокой синевою небес...

И вдруг она вздрогнула!

Флавий Аэций, как будто выпрыгнувший из тени, высокий и совершенно чужой, брел по улице, бряцая кольчужными звеньями. И мир качнулся и задрожал, медленно наливаясь темным, почти багровым туманом.

Катрина не могла обознаться. Одежда, доспехи, ботфорты, четкий шаг и наклон головы. Спина широкая, но чуть сгорбленная под тяжестью лет и походов — перед нею был он, Катилина, старый рубака и доблестный ветеран.

И тогда она закричала. Но не от страха — о, нет! Почти надрывая горло, пугая соседей своим тоненьким девичьим голоском, она поманила его к себе. Кричала почти в истерике, как будто звала отца, давно ушедшего на войну, случайно, на пару часов, заглянувшего с армией в родной город и ... прошедшего мимо родного дома.

Картинка вокруг поплыла. Мир густел все темнее, и полдень сменился ночью. И вот, окутанный тьмой и туманом, на краткое мгновение катафрактарий вдруг оглянулся, одарив юную девушку взглядом сумрачных выпцветших глаз. Морщинистое лицо его улыбнулось, как будто выжало из себя нечто чуждое и незнакомое, а крупная мужская рука, вся состоящая из каменных, твердых мозолей, взметнулась вдруг вверх, то ли приветствуя, то ли отдавая ей честь...

В следующее мгновение солдат растворился в воздухе, как морок, как наваждение, снесенный порывом ветра.

Но то был не ветер.

Как будто чувствуя что-то страшное, девушка стремительно обернулась. На пороге ее

скромного дома, вдруг сверкнувшего языками пламени, из выбитых стекол и вывернутых дверей, на фоне сгустившейся тьмы и ледяного тумана, высился некто, в бесформенном балахоне. Массивная туша и мощные плечи воина выдавали в нем Катилину, однако лик его, искаженный карикатурной гримасой, был не отличим от ее собственного, прекрасного, но почему-то мертвенно-бледного, а потому пугающего сейчас женского лица.

— Тшеди-и-и-и-и... — выдохнула ужасная тварь.

И захлебнувшись ужасом, Катрина выскользнула из сна.

Все было так же. По-прежнему поджав ноги, она сидела в кресле, на помятой подушке, немного дрожа от приснившегося кошмара. На самой границе кластеров, в самом что ни на есть «дальнем космосе», отрезанном от ближайших галактик мириадами килопарсек, Солнца не поднимаются в небеса и полдни не наступают. Лучи огнедышащих светил не пронзают здесь иллюминаторы космических кораблей. Освещение, приглушенное ею перед сном, по-прежнему поддерживало в комнате сероватую полутьму.

И проснулась она не от света, а как будто бы от толчка, разбуженная сильной, но невежливой рукой. Где-то в недрах могучей машины, влекущей Кэти и ее спутников сквозь пространство, пиликал зуммер, возвещая экипажу то ли о неполадках техники, то ли о нарушении режима. Зуммер работал в серверном отделении — там, где при наличии на «Моските» большого количества гостей могли размещаться охрана, прислуга или технические работники. Однако перед тем как раздаться в воздухе технических помещений, сигнал проходил по проводам, и сама того не понимая, Катрина услышала его — беззвучный сигнал, скольжение электронов по медной проволоке, ни больше, ни меньше! Услышала — и проснулась.

Тшеди-и-и-и-и...

Она прислушалась. Уши улавливали только звенящую тишину.

И тогда она прислушалась к внутренним ощущениям. Внезапно наложница осознала, что среди вопросов — важнейших вопросов, заданных ею вчера, она упустила, пожалуй, самый главный: она экстрасенс, но в чем конкретно состоит ее дар, оплаченный неизвестным Заказчиком? Только в способности видеть виртуальную карту ИЦа и чувствовать электроприборы? Ответ, как всегда, явился к ней сам — в виде звуков, не слышимых ни одним человеческим ухом. Сначала, агнатка поддалась панике: «Ведь если я слышу галлюцинации, — подумала она, — то просто сошла с ума!» Однако вскоре, спустя всего лишь мгновения, она осознала с внезапным ужасом и восторгом — ее разбудило само жужжание думающих машин, скрип проводов, передающих мириады сверкающих электронов и гул процессоров, размышляющих над логическими задачами!

Звучащие для нее настоящей симфонией, но не различимые для всех остальных, ничтожные вибрации электромагнитного поля скользили мимо и сквозь нее. Она чувствовала их на расстоянии, она прикасалась к ним незримыми щупальцами ощущений, как здесь, прямо перед ней, так и на нижних, на дальних, на верхних этажах «Москита» — повсюду, где звучали эти удивительные электронные голоса. Ее чувства, незримые, сверхтонкие, длинные, как транзитные кабели, снимали сигналы со всех концов быстроходной яхты и приносили их к ее ногам.

Но тронув их, она вздрогнула. Пресс напрягся, подняв хрупкое тело над кроватью, длинные ноги быстро спорхнули на пол. Выскользнув в коридор, Катрина побежала вперед — по направлению к «беззвучному звуку», на сигнал зуммера, отдающийся движением в кабеле. Ощущения незнакомых доселе электромагнитных вибраций были неожиданы для нее и новы, однако сейчас Кэти почему-то не обращала на сверхъестественные чувства никакого внимания, как следовало бы, наверное, телепату, впервые ощутившему в мозге биение своего странного «дара». Нечто более важное занимало ее внимание — разбудивший ее сигнал. Еще не проснувшись до конца и действуя скорее по наитию, нежели согласно велениям воли, он ворвалась в серверный сектор.

Сигнал выдавался видеокамерой и шел в медицинский блок.

Сигнал был вполне обоснован. Око видеокамеры, снабженное компьютерным мозгом,

микроскопическим, но все же достаточно умным, для того чтобы отослать сигнал бедствия дежурному врачу, если бы таковой находился на борту яхты, было направлено в центр небольшой комнаты.

Весь пол комнаты заливало... словно томатным соком.

В середине огромной лужи — настоящего озера из вязкой, багровой, уже почти липкой жидкости — лежало тело мистера Рукса, Мерелин восседала на нем верхом, будто на муле.

Глаза Катрины, обежавшие эту картину, сначала упустили детали, но в следующее мгновение пришло четкое осознание: Рукс был в наручниках, прикручен к валяющемуся на полу стулу, и ... без головы! Крышка черепа казалась срезанной ножом хирурга или же лучом бластера и напоминала теперь некое ужасающее подобие цветочного горшка — с открытым мозгом вместо земли для цветов.

А Мерелин — ее милая умница Мерелин, ее старшая подруга, подельница по побегу, ее лучший и единственный спутник — с самодовольной улыбкой выжигала в этом «цветочном горшке» его серое содержимое. Ее бластер был выставлен на самый низкий энергетический уровень, с самым широким рассеиванием луча. В результате вместо ослепительной нити из ствола огненного пистолета вырывался широкий световой конус, медленно выпаривающий белковое вещество Эс Си Рукса...

Не помня себя, Кэти вздрогнула и вскинула свое оружие.

— Что ты творишь?! — зарычала она, и сонливость сняло как рукой.

Тело агнатки дрожало, звук зуммера внезапно погас, вернее, ее сверхчувства, сметенные наплывом адреналина и ужаса от увиденной картины, погасили все остальное. Она снова стала лишь человеком. От удивления и растерянности краска отхлынула от лица, ноги, словно ватные, были готовы согнуться на внезапно ослабевших коленях, и только бластер, сухой и твердый в крепкой руке, подчиняясь каким-то подсознательным бойцовским рефлексам, доставшимся, как видно от воина Катилины, уверенно смотрел в цель.

Но Мерелин даже не повернулась на ее окрик.

Рука девушки по-прежнему четко, размеренно двигалась, управляя световым конусом, что бродил внутри черепа мистера Рукса: по спирали — от центра к краям.

— Ваши способности экстрасенса, по всей видимости, уже начали проявляться, моя дорогая, — спокойно сказала блондинка, почему-то обращаясь к Катрине на «вы» и с непривычными интонациями в голосе. — Я не рассчитывал, что вы явитесь так скоро. Что же вас разбудило? Ах да, медицинская сигнализация.

Челюсть Кэти медленно отвалилась. От внезапного озарения леденящий холод мертвой судорогой скользнул по ее спине.

— Хапи Рукс? — только и выдохнула она.

— В некотором роде, — кивнул ей делатель тшеди и улыбнулся губами подруги. — Вы действительно думали, что наручники и стул смогут меня удержать? Отличная штука шунт, не правда ли? С его помощью медики Корпорации перемещают матрицы умерших людей в тела клонов. Но хотя это общеизвестная истина, никто не задумывается о простой вещи: если разум можно переместить в тело свежесозданного клона, то, очевидно, его можно переместить и в любое другое тело, подключенное к СИНК. Конечно, это не просто, но для настоящего специалиста тут сложностей нет, не находите?

Он сделал еще один круг световым конусом, наконец-то выключил эстимет и миролюбиво воздел ствол вверх. От «старой» головы Рукса остался лишь череп, выжженный дотла изнутри.

— Как бы там ни было, — произнес делатель тшеди губами Мерелин, — я закончил. Вы долго спали и два часа назад прошли ровно сутки с момента нашего первого прыжка. А это значит, что вы, моя дорогая, окончательно избежали погони. Что, собственно, и требовалось доказать... Как я уже сообщал, план вашего спасения возник в моей голове неожиданно. Естественно, он был недостаточно подготовлен. Я привел вас на свою яхту как будто по наитию, открыл перед вами двери и не слишком осознавал, как именно действовать

дальше. Свой путь вы должны были пройти одна: ни ваша подруга, ни встреча со мной тут не были запланированы. Однако вместо этого вы отправились в полет вместе с Мерелин и ... и чуть не убили меня. Случайность — очень странная штука, не правда ли?

Слушая Рукса и не отрывая от него среза своего бластера, Кэти бросила взгляд на часы, висящие на стене. Там одна за другой сменялись цифры. Действительно, за сном, размышлениями и неспешной болтовней столь долгожданный миг, наконец настал — они сумели сбежать! Раз корабли ССБ не настигли их до сих пор, то не настигнут и в будущем, поскольку энергетический след от их первого прыжка уже растворился в пространстве Седана...

— Это не причина, чтобы тыкать тут пистолетом, — процедила Катрина сквозь зубы, — брось оружие, я сказала!

Рукс лишь весело рассмеялся — он как будто издевался над ней.

— Зачем бы мне это делать, сударыня? — демиург нехорошо улыбался.

— Затем, что я тебе сейчас руки отрежу, сволочь. Клянусь, если разум Мерелин умрет, я не убью тебя, а буду пытаться несколько суток без перерыва!

— И что же вы будете пытаться? Тело Мерелин? — Демиург усмехнулся снова. — Мое собственное тело — мертво, и я только что выжиг в нем мозг, чтобы вы не могли считать с него воспоминания. Это называется НИТ-прокруткой, на яхте имеется специальное оборудование. Вы, конечно, и не справитесь со столь сложной техникой, но я не хочу оставлять вам даже ничтожных шансов. Сейчас большая часть моего сознания помещается в шунте Мерелин. Так что если она умрет, вам достанется ее мозг, и вы не сможете извлечь из него принадлежащих мне знаний. На «Хохотуне» вы должны быть одна. Впрочем, это уже не важно. Вы, Катрина, как всегда, упускаете множество мелких деталей...

«Значит, — подумала Кэти, сквозь обрушившийся на нее поток слов, — Мерелин еще можно спасти!» До предела сконцентрировавшись, она чуть шевельнула стволом и присмотрелась сквозь мушку к месту, где кисть Саймона переходила в запястье. Несмотря на кажущуюся простоту происходящих событий, она не понимала их причин и мотивов. Все путалось в голове, не подчиняясь единой линейной логике, и ускользало от нее как вода. «Ерунда! — прикрикнула она на себя. — Есть я, есть Мерелин, есть корабль».

— Не поняла насчет мелких деталей, — огрызнулась Катрина вслух. Реинкарнируется Рукс или нет, ее уже не волновало: за подобные выходки, поддонку следовало заплатить. — Ну-ка поясни!

Рукс хмыкнул и презрительно улыбнулся.

— Мадам, — глумливо заявил он, — проведите, пожалуйста, умозрительную линию между выходным отверстием моего эстимета и остальными предметами в комнате.

Кэти мысленно провела. Ствол Рукса смотрел прямо ей в лицо.

«Что еще за дерьмо?!»

Рука Катрины страшно напряглась и чувство непоправимого наполнило ее сердце.

— Не смей! — закричала она. — Оружие на пол, Рукс, слышишь?!

— Прощайте, Катрина.

Поняв смысл слов, Кэти выстрелила, целясь в кисть, и одновременно указательный палец демиурга вдавил спусковой крючок. Рука полубога, срезанная выстрелом Кэти, на мгновение повисла в воздухе, и луч бластера, со сбитым от этого движения прицелом, широким раструбом ударил Мерелин в грудь. Вспыхнув ярчайшей вспышкой, агнатка мешком повалилась на пол.

Не помня себя, не понимая, что делает, Катрина бросилась к Мерелин и закричала, обращаясь не то к своей мертвой подруге, не то к убитшему ее демиургу.

— Мери! — кричала она. — Зачем ты это сделал, Рукс? Зачем?!

— Контракт завершен... — прошипел тот, чадя тлеющей головешкой, — ты придешь к цели... одна-а-аа...

Затем его вырвало черным, и он умер.

Поза 17

Информация очевидна

Придя в себя, Катрина вздрогнула, и, так же как и у Рукса несколькими минутами назад, ее горло вытолкнуло жгучую слизь. Ощупав пространство руками, агнатка вдруг подскользнулась и рухнула на что-то твердое и плоское. Это был пластиковый пол. Кавалерист-девица открыла глаза...

Она сидела в кровавой луже над развороченной выстрелом выжженной грудью мужского трупа. Еще один труп, женский, лежал рядом, дымя печеными внутренностями. Мелко дрожа обнаженными плечами и часто моргая, Катрина огляделась по сторонам.

Зрелище представало жуткое. Сознание ее помутилось, и теперь Катрина смутно различала окружающую обстановку. Какие-то приборные шкафы, хромированные рукоятки, пульт с незнакомыми датчиками, несколько мониторов с разнообразными цветными картинками. На одном из них красовался вид звездного неба, сияющего россыпью мириадом огней. Огни вокруг были звездами. И Кэти вспомнила — она неслась в космосе на роскошном межкластерном корабле...

Тридцать минут спустя, робот-уборщик тихо подрабатывая сервомоторами, резво пропрыгал по ступенькам короткой лесенки и скрылся с глаз долой за поворотом коридора. Все время, пока он убирал в серверной, умывшаяся и немного пришедшая в себя после убийств спутников Катрина, сидела уже привычно поджав под себя голые ноги в одном из кресел и с вялым интересом наблюдала на огромном мониторе, переключенном в режим внутренней связи, за действиями вертлявого механического слуги. Интересно, но в Высшей школе наложниц бытовые роботы отсутствовали. Все коридоры и комнаты мыли и убирали агнаты из технического персонала. Когда-то Катрина спросила об этом Мерелин, и та пояснила, что роботов в Корпорации полно и их труд дешевле, чем труд агнатов, но... считается шиком содержать в престижных учреждениях именно живую прислугу. А полностью механические рабы — это для бедных.

«Эта Высшая школа выпускает только самых дорогостоящих агнатов, — с непонятной гордостью заявила тогда Мерелин, — самых шикарных. И если школы победнее могут позволить себе использовать для технического обслуживания выпускниц роботов и даже киборгов, то в школы элитных наложниц принято набирать для технического обслуживания только людей. Пусть уборщица-человек вымоет пол хуже, чем это сделает робот, но ... зато работа его дороже. А расходы выключены в продажную цену наложниц на закрытых аукционах, понимаешь?»

После непродолжительной беседы Кэти узнала, что примерно то же самое происходит и в кластерах демиургов, которые являются основными потребителями продукции Высших школ. Несмотря на дешевизну, а во многом и вопреки ей, весь труд в частных кластерах оставался ручным и выполнялся людьми, а не роботами.

Как оказалось, в сумасшедшем мире Нуль-Корпорации за бешеные деньги демиургами приобретались не только сногшибательно прекрасные наложницы с длинными ногами и густыми крыльями ресниц, но и обладатели «золотых рук» — мастеровые и ремесленники, талантливые ювелиры и кузнецы, толковые швеи и гончары. Да что там — даже обычные плотник или столяр, способный не просто нажать на кнопку машины нуль-синтеза, но и работать с деревом руками, пилой да рубанком, был в Корпорации очень ценен.

Тогда, выслушав Мерелин, Кэти пожала плечами и с легкостью восприняла новую информацию на веру без всякого удивления. В общем-то, логика в этом была: все, что делает машина — дешевка, даже если изделие само по себе лучше. Оно — дешевка по определению, поскольку слишком много подобных изделий есть у других людей. Живой человек хуже, чем робот, его труд ниже качеством, чем труд машины, но он гораздо престижней, ибо стоит дорого!

Поэтому нищие когнаты в больших городах, живущие в убогих, но полностью роботизированных квартирках, в гетто с многоквартирными небоскребами в триста-

четыре этажей, не могут позволить себе содержать для собственного удовольствия настоящих рабов и ограничиваются совершенной, но дешевой бытовой техникой.

Именно поэтому же люди чуть богаче обязательно заводят себе агнатку для постели и агнатку — для уборки, а если уж средства позволяют, то и агната-повара для готовки и агната-телохранителя для обеспечения безопасности. И хотя — тут Катрина наморщила свой чудный носик — роботы справляются с работой гораздо лучше, чем ленивые, обиженные на жизнь рабы, потребность на последних только растет.

Покачав головой, Катрина еще раз осмотрела серверную: что и говорить, робот-уборщик постарался на славу — от луж и потеков крови не осталось даже следа, пол блистал как новенький, тщательно вытертые стены сверкали глянцевой полировкой, а все приборы и панели разве что не светились.

Однако Катрину все еще немного трясло. Минул уж час ее одинокого полета, и она, погруженная в собственные мысли и легкий шок от того, что ей все-таки удалось выбраться из режимной школы для проституток, приобрести и тут же потерять двух спутников, так и не удосужилась ни сменить одежду, ни вообще сделать хоть что-нибудь из длинного списка действий, необходимых каждому беглецу.

Впрочем, новая одежда стояла в этом списке как раз на самом последнем месте — Кэти по-прежнему оставалась в куртке мистера Деморти и привычных уже агнатских шортах и блузе — этого ей вполне хватало. На первом же месте сейчас стояло планирование.

Теперь, размышляла агнатка, когда Мэри мертва, а Рукс скончался, не сказав практически ничего по-настоящему важного, придется полагаться на саму себя. А также на корабль.

Кэти наклонилась к передвижному пульту управления, похожему на столик, который катают официанты — легкий, на маленьких колесиках. Как будто почувствовав ее приближение, из поверхности пульта-столика немедленно выдвинулся рожок микрофона и мигнул индикатором, приветствуя человека. А перед глазами, на огромном прямоугольном экране, где изображение серверной сменилось бездонной россыпью звезд, опять загорелась надпись на незнакомом языке. После общения с Сетью Кэти знала корпоративное письмо, но то, что светилось сейчас на экране, не имело к привычному буквенному алфавиту никакого отношения.

«Иероглифика, будь она неладна!» — вздохнула Кэти.

Надпись состояла из странных символов, похожих скорее даже не на иероглифы, а на детские картинки, совсем немного стилизованные художником, помешанным на изображении различных животных. В знаках-картинках Катрина без труда узнала сокола и фламинго, кошку и буйвола, льва и даже крокодила. Все это сопровождалось символическим изображением различных частей тела человека, прямыми линиями, треугольниками, квадратами и овалами. Нечто подобное Катрина наверняка знала — по крайней мере, память легата Катилины однозначно воспринимала знаки знакомыми, но смысл символики пока ускользал от ее понимания.

Чуть прищурившись, Кэти вгляделась в знаки, затем, оставив нелепые попытки прочесть письмо на языке, которого не знала, придвинулась к микрофону.

— Внимание, борт... — произнесла она громко, обращаясь к корабельному мозгу, который сегодня уже спокойно выполнял ее команды — Я ни черта не понимаю, что ты нацарапал мне на экране. А можно переводить все надписи на «корпоративный»? И мне бы хотелось, чтобы ты дублировал сообщения вслух.

Реакция последовала мгновенно.

— Слушаюсь, сикха, — произнес компьютер голосом бодрого старикана дворецкого.

Образ живо нарисовался в ее голове, но она тут же мысленно откинула его в сторону: не стоило забывать, перед ней всего лишь компьютер, машина, разум из проводов и железа, причем чужой и, после смерти Рукса, — абсолютный властелин на чуждом ей корабле.

Однако надпись послушно погасла и тут же вспыхнула снова:

«Здравствуйте Катрина-Бета 19-725» — было написано на корпоративном.

— Здравствуйте Катрина-Бета 19-725! — браво продублировал вслух «дворецкий».

— Привет, — легко согласилась Кэти и устало усмехнулась. — Резвый ты, братец. Откуда знаешь имя? Никто ведь не представлял меня полностью. Успел сверить фотографию с Сетью, а?

— Ни в коем случае, сикха. Данные о вашей внешности и имени загружены в мою локальную базу еще перед началом рейса в кластер Седан. Информация получена от удаленного адресата посредством электронной почты в ответ на запрос Заказчика, моего хозяина и владельца яхты.

«Как так?!» — мелькнуло в голове у Катрины.

Перед глазами запрыгали цветные слайды — дикая мозаика внутри детской калейдоскопной трубы.

Вот она плывет в красной лодке по красному морю.

Вот она стоит в увитой плющом беседке рядом с Саймоном Руксом.

Вот она в ящике, согнутая пополам, изломана и избита, бредит иллюзией сна.

А вот — идет по коридорам, глядя сквозь стены, сжимая бластер и с ледяным равнодушием переступая своими длинными, прелестными ногами с шелковистой кожей через обуглившиеся развалины черных трупов...

Вспомнив жест Рукса, Катрина осторожно поднесла ладонь к своей шее и провела пальцами сверху вниз. Кожа девушки была гладкая, очень нежная, тонкая. Венка пульсировала под пальцем — немного щекотно. Очень мягко на ее ладонь упал маленький, почти невесомый квадратик, величиной всего с ноготь...

Химическая пластинка! Как там говорил Рукс? «Ускоренная инициация дара проведена при помощи химических активаторов?»

— Мне нужен адрес человека, который отправил тебе информацию с моими данными и именем, — произнесла Кэти глухо и очень тихо. — Выведи его на экран.

Голос «дворецкого» прозвучал словно немного обиженно:

— Электронный код адресата находится в адресной книге, госпожа. Сам адрес вам ничего не скажет, поскольку представляет собой двадцатизначную запись в машинном коде. Но если желаете, я могу сообщить дополнительные реквизиты. Они таковы: «Кластер Седан. Индустриальный центр АТ № 166. Высшая Школа общительниц, директор Шайрон Артели, личный почтовый ящик». Ваши данные переданы господину Заказчику именно им и переданы из того самого кластера, который мы покинули чуть больше суток назад.

Получался замкнутый круг — Катрина нахмурилась. Потратив, в общем-то, вполне достаточно времени на общение с Руксом, она не удосужилась спросить у него главное — кто именно ее заказал.

Тем не менее прыгающая в ее голове мозаика постепенно складывалась в подобие внятного рисунка.

— А кто такой этот твой загадочный «господин Заказчик»? — спросила беглянка. — Кто отправил Артели запрос на мое имя и характеристики?

— Эти сведения для вас не доступны, госпожа. Более того, они частично стерты из моей памяти. Есть только код приоритета, которому я должен подчиниться при получении от любого стороннего лица.

— Как давно стерты сведения о Заказчике?

— За десять минут до вашего прибытия на борт, госпожа.

— Уже интересно. Обгорелый кусок человека, который лежит в мусорном баке — это случайно не Заказчик?

— Девушка, мадам?

— Нет, мужчина.

— Ответ отрицательный, госпожа. Информация засекречена, но уверен, это не мой хозяин.

— Но информацию о твоём хозяине стер именно он? Больше ведь никому?

— Точно так, сикха: стер именно он. Его зовут Эс Си Рукс, приглашенный моим

господином специалист по...

— По инициации тшеди, — мрачно договорила Катрина.

После некоторого раздумья машина ответила:

— Да, госпожа, — теперь ее голос звучал слегка укоризненно. — Если вы все знаете, к чему задавать вопросы?

Катрина вяло усмехнулась. «Местные устройства обижаются, когда их перебивают? — удивилась она и покачала головой. — Что за безумие!»

После этого девушка взглядела в экран: звезды по-прежнему плавно плыли перед глазами. В такт их бездонному потоку мозаика в ее голове дернулась в последний раз и остановилась.

Внезапно ей все стало ясно. Оставалось еще много белых пятен, но само жгучее ощущение истины, подсознательное, почти иррациональное, но от того только еще более сильное, наполнило ее разум.

Артели выращивал для Заказчика тшеди. Вырастил. Заказчик прислал гонца, Рукса. Гонец провел инициацию и обеспечил ей бегство на корабле Заказчика, с мозга которого стерта информация о хозяине яхты — Заказчике. Все остальное — нюансы, вопросы, которые разрешатся со временем. Общая схема оказалась проста и понятна. Однако из схемы следовал единственный логический вывод о том, чем должно закончиться это странное приключение...

— А куда мы летим? — спросила Кэти, помянув недобрым словом валяющегося в мусорке мертвого демиурга.

Компьютерный дворецкий, похоже, встал в стойку, где-то внутри своих проводов.

— Мы следуем согласно приоритетной команде, заданной господином Заказчиком задолго до вашего прибытия, госпожа. Конечной точкой нашего маршрута станет зона вне Корпорации. Закрытый кластер демиурга Нулевого Синтеза, Сэма Эливинера Тивари, или сокращенно СЭТ.

— СЭТ... — еле слышно повторила Катрина.

Имя — вот что здесь было главным. И она задала вопрос в лоб, открыто и прямо:

— Названный тобой человек и есть мой Заказчик?

— Информация не доступна, мадам, — бодро повторил компьютер.

— А если я отдам приказ развернуться и следовать другим курсом?

— Я его проигнорирую, мадам. Установка хозяина более приоритетна, чем пожелания гостя.

— А если я попробую выпрыгнуть, сойти?

— Невозможно, мадам, вокруг космос, а остановки у нас не запланированы, спасательных ботов нет. Хапи Рукс выгрузил их все еще в Седане...

«Вот это да!» — Катрина кивнула и откинулась на спинку кресла. Потом, оттолкнувшись от пульта, крутанулась вокруг оси.

Итак, демиург по имени СЭТ...

Информация не доступна?..

Информация очевидна: бронированный гроб из ишеда нес ее на встречу с Заказчиком!

Поза 18

Спецслужба как умение убеждать

Спустя двадцать четыре часа после бегства проклятой Катрины-Беты сикх Шайрон Вольдемиант Артели полулежал в своем большом кабинете и грыз кривой ноготь. Причем нимало не стесняясь сидящего в кресле напротив комиссара по безопасности Йенга.

Йенг прибыл из Сектора примерно тридцать минут назад, и как ни старался Артели оттянуть неприятную встречу, настойчивый комиссар все же прорвался к нему через окопы и колючую проволоку из входных дверей с охраной, длинных холлов, запутанных коридоров и болтливой секретаря — роскошнотелой агнатки, способной заставить позабыть обо всем

даже лошадь (в прямом смысле) и пытавшейся остановить комиссара Йенга всем телом и грудью.

Узкоглазый и желтокожий малыш Йенг, в отличие от узкоглазого, но рослого псевдогунна Деморти имел рост метр шестьдесят с кепкой. В мире клонированных тел подобное пренебрежение популярными физическими данными было нонсенсом, но Йенгу, по всей видимости, на это было наплевать.

Рожденный шестьсот или пятьсот лет назад в одном из нуль-синтезированных миров, включенных в состав Торгового Союза Нуля как раз в год его рождения, Йенг, в отличие от большинства других обитателей 166-го индустриального центра кластера Седан (и прежде всего — самого Артели) предпочитал собственную «родную» генетическую оболочку «чужим» модифицированным образцам.

Конечно, как и все вокруг, он был клоном. Однако клоном собственного старого тела, а не какого-то из тех, что предлагает Корпорация своим служащим в палатах для Хеб-седа.

Впрочем, как думал Артели, тут наверняка крылась еще одна причина, кроме любви к себе прежнему и простого нежелания менять тела.

Ибо Йенг был — тшеди. Это раз. И сотрудником ССБ — это два. Возможно, некоторые экстраординарные способности медиума-тшеди были связаны именно с бранным телом. Вот с этим конкретным угловатым телом немодифицированного натурала.

Артели откусил кусочек ногтя и выплюнул огрызок в мусорное ведро под столом. Собственно, а что его смущало? Сам Артели давно уже был модифицированным образцом с усиленной мускулатурой, повышенной реакцией (непонятно, правда, зачем — с его-то кабинетной должностью), улучшенным зрением и прочими достоинствами сверхклона.

Еще Артели был красив. Потрясающе красив той героической мужской красотой, какая способна свести с ума любую из дам, если та не в курсе, что стоящий перед ней загорелый лев — всего лишь плод работы рукотворных генетики и евгеники, а вовсе не матушки природы.

Отважный взгляд серых глаз, гранитный подбородок, ямочки на щеках. А, что тут перечислять! Все это есть в любой дизайн-студии, обслуживающей Хеб-седы.

Как бы там ни было, маленький кривоногий Йенг смотрелся на фоне Артели сущей гориллой. Даже не так, гориллой — это громко сказано. Мартышкой. Макакой.

Артели улыбнулся собственному сравнению. «Вот же урод на мою голову!» — подумал он.

— Боже мой, господин Артели! — возопила при этой улыбке «макака». — «Боже» — тот, который Иешуа, а не Ан-Нубис. Вы находите что-то смешное в рассказанной мной истории?

— Ну что вы, господин комиссар, — тускло процедил Шайрон. — Ни в коем случае. Просто-просто история кажется мне довольно никчемной. Какая-то шлюха убивает старшего евнуха, мочит кучу охранников при побеге и еще крошит к чертям собачьим кучу попавшегося по пути народа. Пустяки! Все ведь застрахованы. Сегодня наверняка уже примеряют новые тела.

— Я, к сожалению, не разделяю ваш странный оптимизм, — Йенг укоризненно покачал головой, — поскольку он не обоснован. Вы полагаете, что проблемы нашего ИЦа исчерпываются исключительно гибелью пары охранников и нескольких сотен когнатов?

— Ну отчего же? — Артели почти откровенно издевался, ибо Йенг его раздражал. — Еще погибла одна наложница из курса беглянки. Потребуется две тысячи душ на восстановление тела по себестоимости. Это убытки, и они не застрахованы, в отличие от гибели охранников при исполнении. Нам никто их не возместит.

— Черт, да плевал я на ваши две тысячи нуль-душ! — казалось, Йенг крайне возмущен. — Вы читали мой отчет?

С этими словами руководитель ССБ-166 бухнул на стол перед собеседником тонкую папочку с бумагами, цветными таблицами и фотографиями. От резкого соприкосновения со столешницей папочка приоткрылась и на гладкую поверхность выскользнула пара картинок

и документов.

Артели не спеша собрал их, взял папку в руки, вытащил стопку листов, откинул пустую обложку в сторону. Просмотрел, вчитался. Один из документов зачитал вслух.

— Так, экспертизой установлено: Катрина-Бета. Порядковый номер 19-725. Рост один метр восемьдесят сантиметров. Вес... рабочий вес 58 килограммов. Бла-бла, бла-бла, технические характеристики, медицинская справка. О, прекрасная грудь! Еще характеристики, снова характеристики... Вы решили меня замучить чтением, а комиссар? Или сами не умеете читать на корпоративном? Ага, вот здесь кое-что поинтересней. Генетический код изделия не совпадает с зарегистрированными кодами базовых прототипов ДНК Нуль-Синтеза.

Он сделал паузу, потом удивленное лицо:

— В смысле, ее кода ДНК нет в индустриальных реестрах Корпорации? Забавно... Но этого не может быть! Ведь ее как-то изготовили на фабрике, а значит, матрица ДНК — должна существовать. Как можно изготовить копию, не имея оригинала? Комиссар, что за чушь вы мне принесли?

— Вы дальше, дальше читайте, — торжествующе хмыкнул Йенг.

— Так, — послушно продолжил Артели, — читаем дальше. «Подробный анализ визуальных воспоминаний, сделанный на основе НИТ-прокрутки белковых цепей центральной нервной системы, произведенной по компьютерному слепку мозга, позволяет сделать однозначный вывод о том, что воспоминания объекта носят естественный (подчеркнуто) характер. Дополнительное исследование, проведенное путем сверки картин визуальной памяти Катрины-Бета 19-725 со стандартными информационными блоками для агнатов из программных миров, подтверждает этот вывод».

Он снова посмотрел на Йенга.

— Подтверждает этот вывод ... — задумчиво повторил начальник школы. — Ваши умники что, нормально не могут писать? Имеется в виду, что Катрина-Бета вовсе не прог, а черт те что такое, с набором ДНК, неизвестным Корпорации, и с подлинной памятью? Она вообще человек?

— О, сикх, в этом смысле все хорошо. Она человек и даже более чем, — Йенг улыбнулся и показал на себе руками увесистый бюст Катрины (это он так шутил). — Просто набор ее генов и память отличаются от тех стандартных составов, что используются на фабриках для производства клонов.

В какой-нибудь частной Хеб-сед-лаборатории или в закрытых кластерах демиургов таких «неизвестных» наборов ДНК и памяти должно быть полно. Вопрос в том, откуда они взялись на правительственной фабрике?

— Дьявол, но это же нонсенс! — почти искренне вскричал Артели. — Корпорация не использует ДНК и пси-матрицы из частных коллекций. А почему мне сразу не сообщили?!

— О, господин Артели, вы же знаете, никто не исследует мозг и ДНК клона после его изготовления. Фабрика произвела, фабрика сохранила в своем реестре слепок мозга и образец ДНК, фабрика и отвечает за брак. Если таковой будет выявлен. А результаты этих исследований, — он показал на папку, — я получил только что из специальной лаборатории ССБ. Наши яйцеголовые как раз искали у Катрины-Беты отклонения в воспитательном процессе и, как следствие, в психике. Кроме того, мои дознаватели настояли, чтобы ее визуальные воспоминания были прокручены на экране, так сказать, для восстановления полной картины преступления. Вот и все.

— И что, вы их смотрели?

— Воспоминания?

— Да.

— Ну что вы, сикх. К нашему удивлению, там оказался объем памяти почти за триста лет. Девушка — прог, но из программного мира, в котором знают Хеб-сед! Удивительно, не правда ли? Триста лет! Чтобы просмотреть всю ее жизнь даже на быстрой перематке, мне пришлось бы потратить на это следующие несколько месяцев. Конечно же я смотрел очень

выборочно! К тому же мою опергруппу интересует не прошлое Катрины, а последние несколько дней ее пребывания здесь. Период от момента изготовления тела до самого побега. А этот отрезок, как вы сами понимаете, в фабричном слепке памяти не может быть отражен. Так что для изучения подробностей инцидента нам пришлось сконцентрироваться в основном на записях ваших видеокамер.

— Ну и как? Нашли что-нибудь интересное?

Инспектор двусмысленно пожал плечами.

— А вы знаете, нет, — слащавым голоском пропищал он. — В смысле поведения Катрины при побеге зацепиться не за что. Абсолютно. Кроме подозрительно хорошей ориентации беглянки в геометрии вашего ИЦ, и почти профессиональной стрельбы из оружия — скорости, помноженной на точность. Не густо, согласен. Однако на кое-что интересное мы наткнулись при исследовании самой генетической структуры ее тела.

— Это помимо того, что у нее не зарегистрированные в Сети ДНК и память? — рискнул пошутить Артели.

— Вот именно, что «помимо», — комиссар порылся в папочке и торжественно извлек оттуда сложенную бумагу. — Вот отчет биохимиков. Сикх, вам наверняка известно, что перед списанием Катрины в разряд военного имущества вашим собственным медиком в ее тело введены робо-манипуляторы для ускоренной регенерации тканей. То есть произведена обычная модификация для армейских шлюх. Но! Кроме микро-восстановителей, мы обнаружили в Катрине кое-что совершенно необычное для секс-агнатов. Вы даже не представляете, что именно! Мускулатура и реакция объекта изначально усилены путем изменения гормонального фона и замены материала, из которого изготовлена ее гладкая мускулатура.

Наши фабрики для общительниц, — продолжил Йенг, — в принципе не имеют программного обеспечения для производства подобных модификаций. Вы можете себе вообразить? Некий злоумышленник не просто подсунил для изготовления Катрины ложные память и ДНК, но предоставил для этого особое сырье и специальные материалы, перепрограммировал сами клонические машины! Это не просто техническая ошибка при производстве секс-агнатов. Это вмешательство внутрь нашей индустриальной системы, внутрь самой технологической цепи Нулевого Синтеза. Вмешательство настолько грандиозное, что попросту кажется невозможным. Усиление способности мускульных сокращений и реакции нейронов на раздражители превышает не только уровень, доступный высшим должностным лицам Корпорации и гражданским, у которых хватает на это денег. Он значительно выше даже уровня военных модификаций! Если где-то во Вселенной и существует «хомо милитарист» «человек военный», существо, созданное для битвы, то оно перед нами! Вы понимаете?!

Йенг возбужденно потряс в воздухе кулаками.

— Но даже это не все, — продолжил он тут же. — Самое шокирующее, сикх, я приберег напоследок.

Явно наслаждаясь, комиссар сложил пальцы в замок, водрузил локти на стол и уставился на начальника Школы:

— Как думаете, о чем я?

«Боже, какой идиот!» — подумал коммерческий директор.

— Даже не знаю, что предположить, — он деланно развел руками, — только самое фантастическое. Она экстрасенс? Тшеди?

Йенг быстро вскочил.

— В самую точку, сикх, — вскричал он, — вот именно! Код ее ДНК, не найденный нами в реестре для клонических фабрик, найден в другом месте. В реестре ДНК тшеди. Она — уникальный «машинный экстрасенс», гипнотизер компьютерной техники, мощнейший в Искусственном Мироздании! Вы представляете? Кроме того...

— Гипнотизер для машин? — удивленно произнес Артели, припоминая упомянутую Йенгом ориентацию беглянки в геометрии ИЦа и поразительную ловкость, проявленную

необученной агнаткой во владении оружием. — То есть человек, способный воздействовать на интеллектуальную технику и электрические поля? Человек-компьютер? Вы имеете в виду, что...

Йенг кивнул — точно!

— Между прочим, это, — сказал он после некоторого молчания — и есть основной предмет нашего с вами разговора. Помещение Школы, к сожалению, оборудовано только видеокамерами, ментальные уловители у вас не установлены. И мы не можем доказать прямую зависимость между случившимся и способностями Катрины к экстрасенсорике. У нас нет мотивированных доказательств. Возможно — это она, возможно — нет... Однако на сегодняшний день одну вещь мы знаем бесспорно. Из вашей Школы в течение прошлого месяца производилось несанкционированное подключение к Сети Корпорации. Какой-то умелец умудрился организовать себе бесплатный трафик и скачать на свой шунт или комп потрясающее количество обучающей информации. Нет-нет, никаких секретных сведений там не имеется, обычные дорогостоящие учебники, нотам, в частности, есть самый подробный трехмерный план вашей Школы и симуляторы стрельбы из «правительственной модели»! Простейшие выводы из сказанного сделать достаточно легко...

— Вы хотите сказать, — пораженно вздохнул Артели, — что Катрина умудрилась самостоятельно активировать свой шунт, подключиться к Сети и скачивать оттуда инструкции оружейников? Но это же невозможно! Тшеди обычно воздействуют на живую материю, а вовсе не на мозги компьютеров и уж тем более не на Сеть.

— Обычно, — выделил нужное слово Йенг. — Обычно. Напомню, она ведь «машинный» медиум.

— А как же пароли? А как же отсутствие тактильного контакта? Без подключения через шунт, без всего... — Тут он сощурился и погрозил малышу Йенгу пальцем, — А, комиссар, вы водите меня за нос. Это шутка, не так ли?

Йенг снова подтолкнул к нему папку с бумагами.

— Да, — заявил он жестко, — эксперты ССБ изволят с вами шутить.

Артели всплеснул руками, но потом усилием воли сдержал свой порыв и резко спрятал внезапно запотевшие ладони в карманы.

— Невозможно... невозможно... — Он встал из кресла и начал нервно мерить свой кабинет шагами из угла в угол. — Вы же сказали, у вас ведь нет прямых доказательств применения Катриной экстрасенсорного воздействия при побеге?

— Прямых — нет.

— Тогда с чего вы взяли? Только с того, что некто скачал с Сети план моей Школы и инструкции по стрельбе?

— Есть много косвенных доказательств. И слишком большое количество допущений. Если хотите, давайте их обобщим.

Йенг начал перечислять:

— Первое доказательство — это ДНК и память Катрины, взятые из секретных каталогов для тшеди-экстрасенсов, а не для агнатов-рабов. Допустим, такой сбой возможен. Сугубо теоретически. Хорошо.

Он загнул палец.

— Второе доказательство — невероятная ориентация беглянки в сложнейшей геометрии ИЦа, позволившая ей прорваться к гостевому космодрому кратчайшим путем именно в тот момент, когда там стоял пустующий корабль. Не к грузовому терминалу, не к терминалу кораблей для персонала, а именно к гостевому, где не было охраны и стояла в полном одиночестве снаряженная быстроходная яхта. Что мне здесь сказать? В принципе, возможно, она просто удачливая сучья дочь, извините за фразу. Но вы верите в подобную везучесть? Особенно, учитывая скачанные с Сети инструкции по стрельбе и план вашей Школы? Я лично — нет.

Он загнул еще один палец.

— Наконец, третье доказательство — сам факт ее прорыва на корабль. Он вас не

удивляет? После объявления тревоги аварийный источник в каждом из коридоров автоматически заблокировал все двери внутри индустриального центра. Сигнал тревоги слышали на всех стоящих в терминалах ИЦа космических судах. На всех кроме одного! Яхта на гостевом космодроме оказалась открытой — иначе как бы Катрина попала внутрь? Ваш гость просто забыл закрыть яхту стоимостью в несколько миллиардов душ? Или он вообще не закрывает свои корабли на незнакомых стоянках?

Йенг оправил мундир.

— А сейчас давайте резюмируем. Каждый факт из вышеперечисленных по отдельности может являться простым совпадением. Теоретически — может. Удивительным, невероятным, но все-таки допустимым стечением обстоятельств. Но вот все вместе — однозначно нет. Эти три факта составляют систему, за которой явно и отчетливо прослеживается хорошо продуманный замысел.

— Ну, знаете, бывает всякое, — смахнув пот, запротестовал Артели. — Теория вероятности утверждает, что комбинации возможны в любых вариантах.

— Ерунда! — решительно отрезал комиссар. — Согласно теории вероятности, если сколь угодно долго выливать из окна ведро с помоями, то когда-нибудь эти помои обязательно сложатся в надпись «Не выливай помои, мать твою!» Но на деле, подобное не возможно, поскольку уровень совпадений в алфавитной комбинации превышает обычный и явно допустимый.

Артели поежился.

— Интересный пример вы привели, — сквозь страх усмехнулся он. — Ведро с помоями. Как раз к теме про беглых агнаток...

Но Йенг не расслышал лживой иронии.

— Вообще вся сложившаяся ситуация более чем интересна. Она почти завораживает меня!

Не спрашивая разрешения Артели, он подошел к графину, налил воды и залпом выпил.

— Интересная девушка, — продолжил он, поставив стакан на стол. — Интересные совпадения, сопровождающие ее побег. Интересные гости ездят к вам, господин Артели, накануне интересных событий. Я имею в виду...

Но Артели понял без комментариев.

— Господин Эс Си Рукс — мой старинный приятель и клиент, не более того! — воскликнул он возмущенно.

— Да что вы? Его зовут Саймон, если не ошибаюсь?

— Он акционер Корпорации, сикх, побольше уважения.

— При чем тут это? Я вполне сносно отношусь к демиургам.

— Серьезно? Странно слышать подобные признания от чиновника вашего уровня.

— Возможно. Но дело в том, что согласно данным вашей собственной картотеки, хапи Рукс никогда ранее не приобретал наложниц у вас в Школе. Более того, никогда ранее он не встречался с вами.

— Ах, вы об этом? — Артели махнул рукой. — Пустяки. Рукс просто представитель одного из наших постоянных покупателей.

— Может, у этого покупателя есть имя?

— Он работает с нами инкогнито. Анонимно. Это ведь не запрещено? У нас специфическая сфера бизнеса, и, как вы понимаете, не все желают светить свою фамилию в списках постоянных клиентов школ для клонированных проституток.

— Но вы с ним лично знакомы?

Артели помялся:

— Лично, получается... нет. Я обмениваюсь с ним письмами по Сети, расчеты также происходят безналичным порядком, а за рабынями...

— За агнатками, — поправил Йенг. — Агнаты — вот правильный термин Корпорации.

— Да, да. За агнатками, — Артели раздраженно кивнул. — Так вот за агнатками он присылает кого-то из своих ребят на побегушках, те забирают шлюшек, и на этом наше

взаимовыгодное общение...

— То есть Саймон Рукс, — снова грубо и настойчиво перебил его инспектор — один из известнейших в нашей подмножественности кластеров специалист по инициации и тренингу тшеди, да еще и акционер Корпорации, мультимиллиардер, прибыл вчера к вам в Школу как один из «ребят на побегушках»? Неплохие у вас заказчики!

Артели отвернулся — щеки предательски зарделись.

— Я не это... имел в виду, — пояснил он с расстановкой, стараясь держать себя в руках. — Вообще с чего вы взяли, что Рукс не может быть «мальчиком на побегушках»? Может, у него хобби развозить приятелям новых красивых шлюх. Товар-то у нас штучный!

— За кем он приехал? — будто сплюнув, произнес Йенг.

— Не понял?

— За кем из агнаток вчера приехал демиург Корпорации Эс Си Рукс?

Артели выпучил глаза.

— Кого черта?! — взвизгнул он, задохнувшись. — Это коммерческая тайна!

— О чем вы говорите мне, Артели? Какая, к черту, тайна? От следствия?! — Йенг тоже повысил голос. Он по-прежнему был похож на обезьяну, но теперь уже именно на гориллу, готовую порвать красавца Артели напополам, — Вы видели мое служебное удостоверение? Что еще к дьяволу за вопросы?!

Артели вздрогнул всем телом, как от удара, и тихо опустился на стул. «Похоже, — подумал он обреченно, — на этот раз слишком легко отмазаться не удастся».

— Он приехал за Катриной, — сокрушенно выдохнул шеф проститутской школы.

— Разумеется!

— Разумеется...

— Конкретно — за Катриной-Бетой 19-725? Отвечайте!

— Да...

— Великий Боже! Тот, который Иешуа, а не Ан-Нубис. И почему я не удивлен?! Зачем она нужна ему? Ведь не для секса?

— Понятия не имею.

— Что еще вам известно?

— Ничего. Это все что я знаю. Спросите у Рукса.

— Врете Артели. Опять мне врете!

Артели вспыхнул снова:

— Попрошу меня не оскорблять!

— Хотите ментосканирование?

— Ха! А вот для этого нужны веские основания! А также разрешение от моего и от вашего начальства, а не только паршивое служебное удостоверение. У вас есть это разрешение? Тогда идите к черту, сикх! Да, Рукс прибыл вчера, назвавшись представителем Заказчика. Да, никогда до этого я Рукса не видел. Но он представил мне текст моего собственного письма, отправленного респонденту-заказчику с грифом «Срочно. Секретно. Обязательно для прочтения»! Кем еще он мог быть? Да, после этого Катрина сбежала, перебив мою охрану на корабле. На его корабле, на корабле Рукса, а не на моем! С чего вы взяли, комиссар, что я должен знать что-то еще? Ищите этого вашего демиурга, найдите и спросите, какого черта он оставляет на пустой площадке гостевого терминала дорогие яхты незапертыми!

На несколько мгновений после этой вспышки в воздухе повисла мучительная пауза.

— Сикх, вы слишком нервничаете, — спокойно и очень добродушно заметил комиссар Йенг.

Как ошпаренный, Артели остановился. Подумал. Глаза забегали. Он вытащил руки из карманов, осторожно потер друг о друга взмокшие ладони, затем взял со стола салфетку и аккуратными мелкими движениями вытер со лба липкий пот.

— Знаете, меня не каждый день обвиняют в организации побегов секс-рабынь и инициации тшеди.

— А я вас и не обвинял. Значит, вы считаете себя все же причастным к организации побега агнатки? — он помолчал. — Кроме того, разве кто-то говорил сейчас об инициации тшеди?

Огромным усилием воли Шайрон сдержался. Захотелось схватить со стола тяжелый письменный набор в виде черепа и сильно ударить им Йенга по голове. Он сжал зубы почти до боли и страшным напряжением мускулов подавил дрожь в руках.

— Если у вас закончились вопросы, господин инспектор, — произнес Артели одними губами, — мне бы хотелось остаться в своем кабинете одному. Я не потерплю подобных оскорблений. Хотите общаться со мной далее — извольте официальную повестку и адвоката. И это не намек. Убир-райтесь!

— Значит, все же я вас подловил.

— Убирайтесь! — взвизгнул Артели во второй раз.

К его удивлению Йенг послушно поднялся. Взял с соседнего стула фуражку ССБ и привычно, одним движением, нацепил головной убор на свою не модифицированную, а потому лысеющую голову.

— Не нужно ругаться, Артели, — заявил он почему-то весело. — Не надо повышать на меня голос. Раз так, я вас оставлю. Лишь бы здесь, в уютном кабинете, а не в более уединенных и закрытых местах. В одном вы правы: вопросов к вам у меня больше действительно нет. Зато есть что показать.

С этими словами он взял папку с отчетом экспертов со стола, заложил выпавшие бумаги, немного порывшись в самом конце и, вытащив оттуда предмет в пластиковом «файле», бухнул его на стол.

— Это пустая химическая пластинка с модифицированным тринитробенолом, — пояснил инспектор, — так называемым «наркотиком тшеди». Он используется в Корпорации для экстренной инициации клонированных экстрасенсов, в основном — детей. Вещь необычайно секретная, редкая. Эта пластинка сохранилась у меня после одного похожего инцидента, также связанного с тшеди. Давно уже. Но представляете, такую же точно ваши камеры зафиксировали на шее сбежавшей агнатки, когда она мчалась по коридорам ИЦа с эстиметом наперевес. Интересно, но в момент внедрения наноманипуляторов камеры слежения не фиксируют на ее шее этой дряни. А вот когда Катрина в ящике — эта штука уже на ней. В период с момента ухода Дока Юмы и Глазго Деморти из досмотровой комнаты до прихода туда охранников все записи стерты. Кто бы мог это сделать? Ведь доступ к базе есть только у руководителя Школы, то есть у вас... Мне продолжать? Думаю, в подобных обстоятельствах разрешение на ментосканирование я получу без труда.

Артели, казалось, посерел.

Йенг обернулся к выходу....

— Постойте!

— Да-да?

— Я, правда, знаю не слишком много касательно этого дела, но у меня есть некоторые личные воспоминания, совершенно не связанные с побегом Катрины и которые, ну, вы понимаете, мне бы не хотелось раскрывать при сканировании мозга. Все что угодно, только не ментосканирование!

Йенг милостливо повернулся.

— Тогда рассказывайте все, как есть, — согласился он, возвращаясь.

— Но ей-богу, я все уже рассказал!

— Нарываетесь, Артели, ох нарываетесь.

— Господи! Да что именно вас интересует?

— Пластинку ей на шею вы повесили?

Артели помялся. Идти на ментосканирование ужасно не хотелось.

— Повесил я. Но меня попросил об этом Рукс. За деньги.

— Значит, все-таки Рукс. И много денег?

— Почти четыре миллиона душ.

— Ого! Вы знали, что агнатка изготовлена по ДНК тшеди?
— Нет, но догадывался, иначе к чему такие суммы? За секс столько не платят.
— Понятно. Направление бегства и истинный Заказчик вам конечно же не известны?
— А вы реально полагаете, что мне, мелкому исполнителю, кто-то мог его сообщить?
— Согласен, это вряд ли. Но ведь кроме знаний могут быть и догадки. Все равно вы с ним говорили по видеофону, слышали голос, какие-то намеки в текстах сообщений, в оформлении электронной страницы... Многого мне не нужно... назовите только имя. Одно только имя.

— Саймон Рукс — разве этого не достаточно? Демиург, специалист по инициации тшеди, известнейшая личность в...

— Да бросьте, Артели! — снова взъерился Йенг. — Хватит меня тыкать носом в высохшее дерьмо. Рукс, так же как и вы, специалист по найму, он не работает сам. Мне нужно имя Заказчика! Имя злоумышленника или ваше ментосканирование, — голос его стал жестким. — Ну?!

Артели покачал головой. Горячий пот заливал его лоб. «Что-то жарко сегодня, — подумал он и снова обтерся салфеткой. Ему было плохо. Немного затошнило, закружилась голова, задрожали руки. — Все эта чертова соматика!»

В конце концов ему нечего было терять. Йенг — вот он, стоит сейчас перед ним. Это реальная опасность. А человек, заказавший у него Кэти, это... это...

— Его зовут Геб. «Г.Е.Б.» — он называл себя так, — произнес Артели на одном дыхании.

Йенг нахмурился.

— Вы уверены?

— Не знаю, — Артели покачал головой. — Понимаете, все, что я рассказал вам, истинная правда. Я на самом деле общался с ним через Сеть, лица не видел, но Рукс несколько раз при мне называл его так и... некоторые прочие признаки... Буквы «Г.Е.Б.» содержатся в его электронном адресе, он сам иногда намекал мне на свою причастность к древним Божествам Корпорации. И внешние атрибуты... Темная вода! Когда он присылает мне письма, по экрану течет темная вода, господин Йенг, атрибут Геба-из-Небесного-Озера. Фактов у меня нет, но вы спрашивали меня про догадки. Вот — единственная и главная из них. Если это кто и есть, то он...

— Ну что ж, — мрачно кивнул Йенг. — Будем считать, что вам повезло сегодня, Артели. Ваши слова совпадают с моими собственными предположениями, как оригинал и гипсовый слепок.

— Так я могу быть свободен?

— Что? Ах, вы об этом! Вообще-то это я у вас в кабинете, а не наоборот, так что свободен буду скорее всего я. Но не волнуйтесь, я скоро избавлю вас от своего общества. И все же... зло ведь должно быть наказано, господин Артели, не так ли?

Артели насупился.

— Что вы имеете в виду?

— А хотите рабом лет на пятьсот куда-нибудь в молодую колонию? Учитывая все, что можно вам инкриминировать, а именно соучастие, укрывательство, пособничество, я вполне могу такое устроить.

— Но вы же обещали...

— Что именно я вам обещал?

Артели заткнулся и уставился на комиссара затравленным взглядом. Но Йенг, в сущности, садистом не был. Только так, по мелочи.

— Ладно, шучу, — заявил он. — Хорошо. Знаете, когда я сюда пришел, мне нужны были от вас две вещи. Ваше признание в соучастии и ваше заявление об увольнении по собственному желанию. Такие люди, как вы, не должны служить обществу, не должны. Даже на таких поганных должностях, как руководитель проститутской школы. Первое я получил. Дело осталось за вторым. Вы готовы?

— Пожалуй...

— Тогда завтра, не позднее десяти часов утра, в своем компьютере я хочу увидеть в файлах Кадрового департамента ваше заявление об увольнении с личным кодом, электронной подписью, уведомлением об отправке и всем, чем положено. Мы договорились?

— Жестко вы со мной, Йенг, жестко, — прохрипел Артели. — Я добивался этой должности почти двести лет...

— Жестко, сикх? А вы купите себе агнатку для мягкости. Выходного пособия, я надеюсь, вам хватит?

— Идите к черту! — в сердцах не сдержался Шайрон и тут же испуганно вытаращился на Йенга.

Но комиссар лишь скромно пожал плечами и снова развернулся к выходу.

— Удачи! — сказал он напоследок, закладывая под мышку папку с бумагами. — Химическую пластинку оставьте себе на память.

Инспектор приложил два пальца к фуражке, как бы отдавая честь, и, покачиваясь на кривых ногах, вразвалочку вышел из кабинета.

Для старика Сальвадору Йенга Корпорация значила нечто большее, чем просто место работы. Созданная Учредителем на самой заре вторичного Сотворения, в дикую эру «охоты на богов», Служба Собственной Безопасности Искусственного Мироздания представляла собой не просто тайную службу или специализированную секретную организацию, но являлась последним рубежом защиты Вселенной — личной стражей ее тайного Верховного Божества. И хотя самого Творца никто не видел уже более миллиарда лет, его засекреченная «охранка» несла дозор за Творением Бога Смерти неусыпно и преданно — как и положено Церберу у врат огнедышащего Тартара.

Йенг в этом смысле не относился к высшему руководству секретной службы, непосредственно касавшейся вопросов целостности Вселенной, но долг и миссию своей чудовищной организации прекрасно осознавал. Он был горд этим долгом, дышал им и жил благодаря ему. Сейчас с каждым шагом, приближающим его к Секции ССБ, глядя вперед мудрыми и холодными глазами матерой ищейки, он знал: что бы ни случилось и как бы ни выпал расклад, как бы ни был извилист путь и изворотлива жертва, он — старый пес Смерти — обязан был ее отыскать, чтобы защелкнуть на позвоночнике стальной капкан.

Охота на «хомо милитарис» начиналась!

Эрзац эпилога В ожидании смерти «Смерти»

Спустя час одинокий наблюдатель, следивший все это время за хаотическими метаниями Катрины-Беты по кластерам Искусственного Мироздания, сидя в глубоком кресле, смотрел на разверзшийся перед ним экран. Экран мигал прямо в воздухе, передавая зрительную информацию с потрясающей четкостью. Объяснялось удивительное качество картинки необычайно просто: человек смотрел не в экран, а в односторонний портал, соединяющий два пространства и улавливающий профильтрованные призмами безопасности световые лучи с «той» стороны вселенной. Где-то в месте событий, откуда транслировалось изображение, зияла плоская тень — это поглощенные экраном-порталом лучи создавали теневую зону.

Однако в данный момент вовсе не качество наблюдаемой картины волновало таинственного наблюдателя. Его волновал — он сам.

О чем мечтает всесильное существо, прожив миллиард земных лет?

О деньгах? О женщинах? Об успехах?

Все куплено за минувшую бездну времени и все дела сделаны. Одержаны миллионы побед и миллионы женщин бесконечной чередой проплыли через постель, растворяясь в памяти обезличенными телами... Одинокого зрителя развернувшегося межкластерного спектакля волновали желания совершенно иного рода — недоступные пониманию бранных

смертных. Прекрасная девушка, с рождением которой он связывал свои надежды, мчалась сквозь бездну космоса к завещанной им цели. И с этим круг вечности завершался. Пальцы бога дрожали от предвкушения и восторга.

Впрочем, Кэти следовало еще направить. Войдя в Сеть, наблюдатель дал короткую команду. Электронные импульсы, которыми он разрушал отжившие цикл вселенных и направлял бег богов-роботов сквозь червоточины очередных Сотворений, послушно понеслись по цепям и, проникнув сквозь шунт, достигли мозга сексуальной рабыни. Творец Искусственного Мироздания, известный более как Учредитель Нуль-Корпорации, смотрел сейчас в зрачки своей недостижимой мечты. Мучительно страшной и такой невыносимо долгожданной.

Достав из мятой пачки последнюю сигарету, Бог Смерти прикурил и с наслаждением затянулся.

От собственной вожденной смерти его отделял лишь шаг...